

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР АЛТАИСТИКИ И ТЮРКОЛОГИИ
«БОЛЬШОЙ АЛТАЙ»
АССОЦИАЦИЯ АЗИАТСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ
АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛАВЯНСКИХ
И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ СССР: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

*Сборник материалов Международной научной конференции,
посвященной 100-летию образования СССР*

26–27 мая 2022 г.

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

УДК 394:304.42(063)

ББК 63.529(2)я431 + 60.524я431

С 692

Сборник материалов Международной конференции подготовлен при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, госзадание по проекту «Тюркский мир "Большого Алтая": единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

Ответственный редактор:

С.В. Землюков, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

С.В. Землюков, доктор юридических наук, профессор

Ю.А. Лысенко, доктор исторических наук, профессор

Ю.М. Гончаров, доктор исторических наук, профессор

И.Б. Бочкарева, кандидат исторических наук, доцент

С 692 Социально-экономические и культурные аспекты взаимодействия славянских и тюркских народов СССР: итоги и перспективы : сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 100-летию образования СССР. 26–27 мая 2022 г. / под ред. С.В. Землюкова. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2022. – 287 с.

ISBN 978-5-7904-2701-5.

Образование СССР в 1922 году имело всемирно-историческое значение, выступив поворотным пунктом в судьбе многих народов не только России, но и стран Востока. Оно привело в движение цепь событий и последствий, связанных с реализацией «права наций на самоопределение». Национальная политика советского государства повлекла трансформации в системе традиционного этнического самосознания народов страны, значительно ускорила процессы их консолидации и экономической модернизации. В результате нациестроительства СССР многие народы впервые в своей этнополитической истории получили возможность создания автономных государственных образований в составе союзного федеративного государства.

Опыт нациестроительства в СССР, взаимодействия славянских и тюркских народов в области решения задач социально-экономического и культурного развития страны еще предстоит осмыслить исследователям. Представленный сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 100-летию образования СССР, представляет оценки данных процессов научным сообществом России и стран постсоветского пространства.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов, а также всех интересующихся историей тюркского мира, России и современных Республик Центральной Азии.

УДК 394:304.42(063)

ББК 63.529(2)я431 + 60.524я431

ISBN 978-5-7904-2701-5

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ	6
ПРИВЕТСТВИЯ.....	8
Приветствие Председателя комитета Государственной Думы по делам национальностей Геннадия Юрьевича Семигина	8
Приветствие Первого заместителя председателя комитета Государственной Думы по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений Владимира Анатольевича Шаманова.....	9
Приветствие Председателя Алтайского краевого Законодательного Собрания Александра Алексеевича Романенко	10
Приветствие директора Департамента координации деятельности образовательных организаций Министерства науки и высшего образования РФ Виталия Викторовича Гришкина	11
Приветствие Председателя правления Российского исторического общества Константина Ильича Могилевского	12
Приветствие Президента Ассоциации азиатских университетов, ректора Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына Каната Жалиловича Садыкова.....	13
Приветствие ректора Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева Ерлана Ботташевича Сыдыкова	14
ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ	15
Землюков С.В. Что мы утратили и что можно сохранить?!.....	15
Жанбосинова А.С. Образование СССР и советские республики Средней Азии: историческое наследие и новые траектории.....	19
Арзыматова А.А. Кыргызстан в составе советского государства: историко-экономический аспект	27
Красовицкая Т.Ю. «Эту страну трудно изучать»: историография СССР в современном культурно-цивилизационном евразийском пространстве	36
Пивовар Е.И. Исторический опыт межнациональных отношений в СССР как основа современных интеграционных процессов в Евразии.....	46
Гончаров Ю.М. Экономические практики взаимодействий славянских и тюркских народов Сибири и Центральной Азии в годы первых пятилеток.....	51
Бочкарева И.Б. Национальное самоопределение Туркестана (1917–1924 гг.).....	57
Курбанов Н.И. Туркменская ССР накануне независимости: социально-экономические аспекты.....	65

СЕКЦИЯ 1. ОБРАЗОВАНИЕ СССР И НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ 100-ЛЕТИЕ	72
Аманжолова Д.А. К вопросу об управленческих структурах и регламентации федеративного облика СССР.....	72
Почекаев Р.Ю. К истории среднеазиатской политики России в первые месяцы советской власти: попытка демилитаризации Бухарского эмирата в 1918 г.	80
Суздальцев И.А. Политика Коминтерна в отношении этнорегионов Передней и Центральной Азии до образования СССР.....	88
Жусіп С.А., Маслов Х.Б. Алаш – автономия с классическими признаками суверенного государства.....	94
Русанов В.В. Образование Горно-Алтайской автономной области как решение проблемы национального суверенитета алтайского народа	104
Кожирова С.Б., Нечаева Е.Л. Процессы формирования казахстанско-российской границы в советский период.....	111
Лаумулин М.Т., Шукыжанова А.Н. Формирование казахстанско-российской границы в 1920-е годы	117
Быков А.Ю. История исчезнувшего участка российской границы: о размежевании РСФСР с Туркменской ССР в 1924–1936 гг.	123
Анисимова И.В. Судебно-правовая система советского Казахстана в 20-е годы XX века.	132
Кондратюк Г.Н. Национальная политика в Крымской АССР в 1929–1934 годах: изменение курса	139
Осипов Н.А. Украинская государственность на территории Кубани во время Гражданской войны 1918–1922 гг.....	143
СЕКЦИЯ 2. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СССР	149
Жаманбаева Л.К. Конфискация и выселение казахских баев-полуфеодалов	149
Омурова Ж.К. Развитие народного хозяйства СССР накануне Великой Отечественной войны.....	156
Ломанов В.А. Экономическое развитие немецких поселений на северо-западе в 1920-е – первой половине 1930-х гг.....	162
Коровниченко А.А. Дорожное строительство в Алтайском крае как фактор межэтнической коммуникации в годы освоения целинных и залежных земель	168
Демчик Е.В., Мирошкин Е.С. Газификация в Алтайском крае: к вопросу об экономических аспектах межэтнических коммуникаций в 1990–2020-е гг.	176

СЕКЦИЯ 3. ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР И РАСПАД СТРАНЫ	184
Дашковский П.К., Дворянчикова Н.С. Немецкие протестантские общины на юге Западной Сибири и процесс их регистрации органами государственной власти в 1970–1980-е гг.	184
Шайдуров В.Н. Немецкая автономия в Сибири в 1920-е – 1991 гг.	192
Бикбулатова А.Р., Бикбулатова С.Р. Формирование татарской диаспоры Кыргызстана в советский период	197
Лойко А.И. Татары Беларуси: история одного народа	203
Недзелюк Т.Г. Детские учреждения в эвакуации на Алтае (1942-1946 гг.): по материалам Государственного архива Алтайского края.....	207
Рахманкулова А.Х. Советская национальная политика в годы Великой Отечественной войны: принудительное переселение народов в Узбекистан.....	212
Омурова Ж.О., Шаршенбек кызы А., Каулбекова Р.А. Сотрудничество Кыргызской Республики в сфере безопасности со странами-участниками ШОС.....	219
СЕКЦИЯ 4. РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР В СССР.....	227
Орозахунова З.Ж. Роль женщин в общественно-политической жизни Кыргызстана (1938 – июнь 1941 гг.)	227
Нехвядович Л.И., Мелехова К.А. Культурная политика СССР В области художественного образования	234
Рахматулина Е.Ю. Деятельность Этнографического музея в позднесоветский период (на примере работы Восточно-Казахстанского областного этнографического музея 1986–1987 гг.).....	245
Гузаеров Р.И. Театр им. Г. Камала в советский период	251
Тадина Н.А. Об изменении этноязыкового сознания советских алтайцев.....	255
Нехвядович Л.И., Хазбулатов А.Р., Шайгозова Ж.Н. Педагогический потенциал идеи поликультурной личности в советской школе на территории Центральноазиатских республик.....	261
Гусейнова Г.К. Тюркология в период СССР: основные достижения.....	274
Омурова Ж.О., Калыбекова Т. Научно-образовательная интеграция Кыргызстана с Российской Федерацией.....	278
ИТОГОВАЯ РЕЗОЛЮЦИЯ	285

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Представленное издание является итогом работы Международной научной конференции «Социально-экономические и культурные аспекты взаимодействия славянских и тюркских народов СССР: итоги и перспективы», посвященной 100-летию образования СССР. Конференция состоялась 26–27 мая 2022 г. в рамках проекта «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности», реализуемого Научно-образовательным центром алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» Алтайского государственного университета. Поддержку организаторам конференции оказали Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Правительство Алтайского края, Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству («Россотрудничество»), Российское историческое общество.

Образование СССР в 1922 г. имело всемирно-историческое значение, выступив поворотным пунктом в судьбе многих народов не только России, но и стран Востока. Оно привело в движение цепь событий и последствий, связанных с реализацией «права наций на самоопределение». Национальная политика советского государства повлекла трансформации в системе традиционного этнического самосознания народов страны, значительно ускорила процессы их консолидации и экономической модернизации. В результате нациестроительства СССР многие народы впервые в своей этнополитической истории получили возможность создания автономных государственных образований в составе союзного федеративного государства.

Продолжая следовать принципам равноправия народов в политике России имперского периода, СССР формировался и существовал как многонациональное государство. Курс на создание единого экономического и культурного пространства оказывал благоприятное влияние на расширение межэтнических контактов народов СССР, практик добрососедства и взаимопомощи. Не исключение советские республики Центральной Азии, социально-экономическое развитие которых осуществлялось на основе межэтнического взаимодействия тюркских и славянских народов.

В период СССР в результате внутривосточных событий и экономических реформ усилились миграционные потоки славянских этносов в республики советской Центральной Азии. К концу советского периода они составляли почти четверть населения региона. Взаимодействие, совместная деятельность славянских, тюркских и других народов позволяли продуктивно решать задачи народно-хозяйственного развития республик, укрепляли советскую идентичность. Именно исторический опыт славяно-тюркского взаимодействия периода СССР может способствовать укреплению межгосударственных отношений России и Республик Центральной Азии на современном этапе.

Организаторы конференции поставили цель обсудить и попытаться осмыслить опыт национальной политики СССР на примере взаимодействия славянских и тюркских народов советской Центральной Азии, практик их межэтнической коммуникации в экономической, социальной, культурной сферах; и оценить перспективы использования позитивного опыта национальной политики СССР в современных условиях. В ходе конференции обсуждались следующие вопросы:

1. Образование СССР и национально-территориальное размежевание советских республик: взгляд через 100-летие.
2. Индустриальные, инфраструктурные и культурно-образовательные проекты развития национальных республик Центральной Азии и их значение в укреплении славяно-тюркского взаимодействия.
3. Национальная политика в годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы.
4. Политика формирования советской идентичности и ее роль в сохранении межнациональной стабильности СССР в 60-70-е гг. XX в.
5. Проблемы межнациональных отношений и распад СССР. 1985–1991 гг.
6. Позитивный исторический опыт межнациональных отношений в СССР, включая славяно-тюркское межкультурное взаимодействие, который можно рассматривать как фактор, содействующий современным социокультурным интеграционным процессам в Евразии.

Эти вопросы определили логику организации секций на конференции и структуру сборника докладов. В сборнике представлены доклады российских исследователей из научных и образовательных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска и Барнаула, а также зарубежных ученых из Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана.

ПРИВЕТСТВИЯ

Приветствие Председателя комитета Государственной Думы по делам национальностей Геннадия Юрьевича Семигина

От имени Комитета Государственной Думы по делам национальностей приветствую организаторов и участников Международной научной конференции «Социально-экономические и культурные аспекты взаимодействия славянских и тюркских народов СССР: итоги и перспективы», посвященной 100-летию образования СССР. Реалии сегодняшнего дня требуют от нас сохранения и укрепления взаимного уважения, умения жить в мире и согласии, дружбы и сотрудничества, которые всегда были присущи народам России. Главным направлением славяно-тюркского взаимодействия являлось взаимообогащение традициями друг друга, умение жить вместе, понимать друг друга, плодотворно сотрудничать, вместе противостоять общей беде. И сегодня, в условиях новых вызовов единству России, славянские и тюркские народы по-прежнему демонстрируют стремление к миру и согласию. Желаю всем участникам конференции успехов и плодотворной работы!

**Приветствие заместителя председателя комитета Государственной Думы
по развитию гражданского общества, вопросам общественных
и религиозных объединений Владимира Анатольевича Шаманова**

Уважаемые организаторы и участники конференции! От всей души поздравляю Вас с началом работы конференции «Социально-экономические и культурные аспекты взаимодействия славянских и тюркских народов СССР: итоги и перспективы», которая посвящена значимой для нашей страны и ваших государств исторической дате: 100-летию образования СССР. Ваш научный форум объединил ученых из семи государств с целью осмысления положительного опыта, накопленного как в дореволюционной России, так и продолженного в Советском Союзе, оценки перспектив использования опыта национальной политики СССР в современных условиях. Регулярно посещая Ваши государства, вижу возрастающий интерес, возрождение русскоязычных школ. Наиболее позитивный опыт сохранен в Киргизской Республике, в Казахстане. Во время конференции мы обменяемся мнениями, поделимся позитивным опытом и взаимно обогатим друг друга. Я уверен, что во время работы конференции вскроются новые исторические факты, детально будет проанализировано единство советского народа в период Великой Отечественной войны. Сегодня непростые международные условия, Запад пытается разрушить наше стремление к объединению на новом уровне. Но я считаю, что имеющийся исторический опыт позволит избежать нам новых ошибок и достичь успехов. Позвольте мне, как депутату Государственной Думы, пожелать Вам плодотворной работы, общения. От всей души поздравляю Вас с этим событием!

Приветствие Председателя Алтайского краевого Законодательного Собрания Александра Алексеевича Романенко

Уважаемые участники конференции! Дорогие гости Алтайского края! От имени депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания приветствую всех, кто принимает участие в Международной научной конференции «Социально-экономические и культурные аспекты взаимодействия славянских и тюркских народов СССР: итоги и перспективы», кто оказывает содействие в ее организации!

Большой Алтай – это не просто географический термин, но и действенная модель приграничного сотрудничества, которая играет особую роль в укреплении отношений добрососедства между гражданами разных стран, проживающих вокруг древних Алтайских гор и имеющих преимущественно славянские и тюркские корни.

Органы законодательной и исполнительной власти Алтайского края всегда поддерживали проекты межгосударственного и межрегионального сотрудничества, в том числе в научной, образовательной, культурной сферах. Краевые власти убеждены, что расположение региона по соседству с другими странами – это уникальная возможность для диалога, культурного обмена, реализации совместных проектов в экономике. Сегодня мы все осознаем, как важны для каждой страны идеалы добрососедства, межнационального мира и сотрудничества, как важно не допускать проявлений экстремизма и разжигания национальной розни. Уникальный опыт построения СССР как союза национальных республик представляет тем самым не только научный интерес, но и практическую значимость. Выражаю признательность ученым разных стран за глубокие и очень актуальные научные исследования, желаю содержательной работы на конференции, ярких выступлений, интересных дискуссий, новых идей и предложений ради укрепления мира и межнационального согласия!

**Приветствие директора Департамента координации деятельности
образовательных организаций Министерства науки
и высшего образования РФ Виталия Викторовича Гришкина**

Уважаемые коллеги! От имени Министерства науки и высшего образования Российской Федерации приветствую участников, гостей и организаторов Международной научной конференции «Социально-экономические и культурные аспекты взаимодействия славянских и тюркских народов СССР: итоги и перспективы». Конференция организована в рамках проекта «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности», поддержанного Минобрнауки России, и является значимой коммуникационной площадкой научно-образовательного и экспертного сообщества стран Большого Алтая и Центральной Азии.

В условиях трансформации общественных процессов от экспертов ожидают решения по определению приоритетных траекторий развития и эффективных механизмов создания оптимальных условий для расширения международного сотрудничества в научно-образовательной сфере. Исторические сюжеты, связанные с общей историей пространства СНГ, выступают импульсом для дальнейшего углубления научного взаимодействия, совместной подготовки квалифицированных кадров для наших стран.

Конференции такого уровня, безусловно, способствуют укреплению доверительных отношений между нашими странами и создают условия для научно-образовательной интеграции и сотрудничества.

Желаю, чтобы экспертный дискурс на конференции был максимально продуктивен, а лучшие идеи нашли практическое применение!

Приветствие Председателя правления

Российского исторического общества Константина Ильича Могилевского

Уважаемые коллеги! В этом году мы отмечаем 100-летие образования Союза Советских Социалистических Республик. Универсальная идеология, построенная на принципах справедливости, придала новый импульс сближению славянских и тюркских народов России, привела к тектоническим сдвигам в экономическом, социальном и политическом развитии Центральной Азии. Именно в период советской власти многие тюркские народы впервые обрели национальную государственность, приобщились к достижениям передовой науки и техники, получили поддержку в развитии национальных языков и литературы. Сотни тысяч уроженцев Казахской, Узбекской, Таджикской и Киргизской союзных республик приняли участие в отражении вероломной нацистской агрессии, сражались на фронте в рядах Красной армии или самоотверженно трудились в тылу. Великая Победа, покорение космоса, невероятные свершения в области науки и культуры – все это навсегда останется общим историческим наследием наших стран, прочной основой сотрудничества. Рассчитываю, что сегодняшняя конференция, посвященная различным аспектам взаимодействия славянских и тюркских народов в советский период, позволит сблизить позиции историков из России и стран Центральной Азии, ввести в научный оборот новые и переосмыслить уже известные источники. Желаю Вам всего самого доброго!

**Приветствие Президента Ассоциации азиатских университетов,
ректора Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына
Каната Жалиловича Садыкова**

Уважаемые организаторы, участники и гости Международной конференции! Образование СССР в 1922 году оказало колоссальное влияние на ход мировой истории, всколыхнуло созидательную инициативу многих народов, прежде всего в вопросах национально-государственного строительства. И полученный ими опыт используется и сегодня, в процессах государственного развития постсоветского пространства... История Советского Союза действительно на протяжении еще многих десятков лет будет объединять народы наших стран. Поэтому крайне важно научное осмысление этой истории! Разрешите пожелать участникам конференции плодотворной работы, хорошей дискуссии, новых научных результатов!

**Приветствие ректора Евразийского национального университета
им. Л.Н. Гумилева Ерлана Ботташевича Сыдыкова**

Уважаемые ученые, преподаватели, коллеги! Сегодня Алтайский государственный университет вновь объединил всех нас на своей площадке для проведения Международной научной конференции «Социально-экономические и культурные аспекты взаимодействия славянских и тюркских народов СССР: итоги и перспективы». Данная конференция посвящена одному из ключевых событий XX века в жизни народов и государств евразийского пространства – 100-летию со дня образования СССР. По прошествии столетия с этого момента важным представляется и «сверка часов» профессионального сообщества в попытках поиска общих знаменателей по сложным дискуссионным вопросам, связанным с историей СССР. История СССР для Казахстана, как и многих государств постсоветского пространства, является частью его истории. Народ Казахстана вместе с другими народами СССР пережил тяготы и лишения советской эпохи, ее взлеты, экономические, социальные и культурные достижения! Я желаю участникам конференции плодотворной работы, научной дискуссии и благополучия!

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

С.В. Землюков

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

ЧТО МЫ УТРАТИЛИ И ЧТО МОЖНО СОХРАНИТЬ?!

Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, госзадание по проекту «Тюркский мир "Большого Алтая": единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

Аннотация. В докладе поднимаются вопросы национальной политики Российской империи и Советского союза, их отличительные черты, положительный опыт в современных условиях.

Ключевые слова: Российская империя, Советский Союз, Центральная Азия, советские республики, национальная политика.

S.V. Zemlyukov

Altai State University, Barnaul (Russia)

WHAT HAVE WE LOST AND WHAT CAN WE KEEP?!

Abstract. The report raises issues of national policy of the Russian Empire and the Soviet Union, their distinctive features, positive experience in modern conditions.

Keywords: Russian empire, USSR, Central Asia, Soviet republics, national policy.

Россия возникла этнически как достаточно однородное государство. Основу населения составляли славянские племена. Кроме этого, на территории Древней Руси проживали финские, балтские и тюркские племена. Далее Российская им-

перия развивалась как огромное многонациональное государство. В XVIII веке в России проживало 15,7 млн человек, распределяясь среди 21 этноса.

28 января 1897 г. прошла Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Она выявила, что в государстве (без Финляндии) проживало 126 млн 586,6 тыс. человек, что было третьим на тот момент по численности населения в мире.

Национальный состав населения определялся в ходе переписи посредством вопроса о родном языке. Ответы на него выявили следующую этнолингвистическую структуру: великорусский язык назвали родным 55,7 млн человек, или 44,3% жителей, малорусский – 22,4 млн (17,8%), польский – 7,9 млн (6,3%), белорусский – 5,9 млн (4,7%), еврейский – чуть более 5 млн (4,0%). При этом великороссы, малороссы и белорусы официально рассматривались как триединый русский народ, что позволяло считать «большую русскую нацию» доминирующей среди прочих этнических групп, населявших Россию.

Всего переписью было зафиксировано около 150 различных «языков и наречий», на которых говорили в России. Из других лингвистических групп, населявших империю, крупнейшей – 13,6 млн, или 10,8%, – были носители тюркских языков: татары, башкиры, узбеки, кара-киргизы (киргизы), киргизкайсаки (казахи) и др. Далее следовали народы, говорившие на финно-угорских языках (финны, карелы, эстонцы и др.) – 3,5 млн человек, или 2,8%. Население Кавказа составляло 2,4 млн человек, или 1,8%. Также в Российской империи насчитывалось около 1,8 млн немцев, являвшихся влиятельной этнической группой. Из них 165,6 тыс. составляли остзейцы, проживавшие в прибалтийских губерниях, а остальные были выходцами из различных германских государств или их потомками.

В Российской империи не было размежевания народов по национально-территориальному признаку. Политика государства была направлена на развитие окраин и регионов, организацию их управления. Поэтому политика на окраинах была, прежде всего, региональной и управленческой, а не национальной. При этом Россия возникла и веками развивалась как многонациональное госу-

дарство, в котором происходили постоянные процессы межэтнического взаимодействия и диалога культур.

Судьбы народов бывшей Российской империи коренным образом изменились в октябре 1917. Российская империя прекратила существование, но сохранились культурные, исторические, социальные отношения, связывающие проживающие на ее территории народы. Связующим звеном национальных окраин выступал русский язык. Сложившиеся в имперский период межрегиональные экономические контакты получили дальнейшее развитие в советский период. Этому благоприятствовала формировавшаяся в СССР экономическая инфраструктура, главным образом, железнодорожная сеть. Несмотря на различное историко-генетическое происхождение, народы длительное время сосуществовали и проживали в границах одного государства – России. Это привело к формированию некоторых общих культурных традиций и ценностей.

Все эти процессы способствовали объединению, но уже на совершенно другой основе. На основе национально-территориального объединения. К 1922 г. на территории бывшей Российской империи сложилось 6 советских республик: РСФСР; Украинская ССР; Белорусская ССР; Азербайджанская ССР; Армянская ССР; Грузинская ССР.

Процесс, получивший название национально-территориальное размежевание, начался в 1922 г. с образования СССР и приобрел активную форму в 1924–1925 гг. С формальной точки зрения огромные территории Центральной Азии были частью РСФСР в составе Туркестанской АССР. Именно на ее территории и началось национально-государственное строительство в 1924 г.

Пытаясь свести на нет межнациональные конфликты, руководство СССР настояло на том, чтобы все народы Центральной Азии определились с государственными границами. Были образованы в директивном порядке Туркменская, Узбекская, Казахская, Таджикская и Киргизская Советские Социалистические Республики.

Так постепенно стал складываться единый советский многонациональный народ. Были сплоченность и единство, которые позволили преодолеть колос-

сальные трудности, в том числе победить в Великой Отечественной войне. Но хочу отметить, что при этой общности народы не потеряли своей национальной идентичности, а во многом ее обрели и укрепили.

В СССР проживало более 100 национальностей и народностей. Все они независимо от численности отличаются самобытными национальными признаками. Большинство имели свою государственность – от автономного округа до союзной республики. В состав СССР входило 15 союзных, 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 автономных округов.

Распад СССР затвердили подписанием Беловежских соглашений и Алма-Атинской декларации 8 и 21 декабря 1991 г. соответственно. Этими решениями был утвержден конфедеративный союз большинства бывших советских республик – Содружество Независимых Государств. 25 декабря 1991 г. Президент СССР Михаил Горбачев сложил свои полномочия, а на следующий день, 26 декабря 1991 г., Совет Республик Верховного Совета СССР принял декларацию о прекращении существования СССР.

17 марта 1991 г. состоялся Всесоюзный референдум о сохранении СССР, на котором 77,85% граждан советских республик, принявших участие в референдуме, высказались за сохранение союза как обновленной Федерации равноправных социалистических суверенных республик.

СССР на момент распада занимал почти 1/6 часть обитаемой суши Земли с населением 293 млн человек, 2-е место в мире по уровню промышленного производства – 16,5% мирового объема и 7-е место в мире по уровню национального дохода (3,4%). С этого времени прошло более 30 лет, но не утрачено значение положительного опыта национальной политики СССР, хотя были, несомненно, и деструктивные форматы в управлении межэтническими процессами в СССР. Организаторы конференции предлагают уделить особое внимание анализу исторического опыта взаимодействия славянских и тюркских народов Центральной Азии, практик межэтнических коммуникаций в экономической, социальной, культурной сферах и определению перспектив использования позитивного опыта национальной политики СССР в современных условиях. Нам

особенно интересен и полезен многовековой опыт межэтнического взаимодействия славянских и тюркских народов. Он основан на географии пространства, в пределах которого существовали эти народы, их экономическом укладе и особом социальном строе. Эти народы заложили общие цивилизационные ценности евразийской цивилизации. Пройдя длительный процесс формирования и нивелировки, данные цивилизационные ценности не изменялись легко и быстро в связи с политической и иной конъюнктурой, они приобретали долговременный и (подчас тысячелетний) и устойчивый характер, выступая в роли матрицы славяно-тюркского цивилизационного наследия и придавая ему уникальность, своеобразие и историческую перспективу.

Сведения об авторе: *Землюков Сергей Валентинович*, доктор юридических наук, Президент Алтайского государственного университета, e-mail: zemlukow@mail.ru

А.С. Жанбосинова

Евразийский национальный университет им. Л. Гумилева,
Нур-Султан (Казахстан)

ОБРАЗОВАНИЕ СССР И СОВЕТСКИЕ РЕСПУБЛИКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ: ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И НОВЫЕ ТРАЕКТОРИИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, госзадание по проекту «Тюркский мир "Большого Алтая": единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

Аннотация. В статье фокусируется внимание на вопросах вхождения Средней Азии и Казахстана в состав СССР, обращается внимание на особенности колониального дискурса и национального традиционализма. Автор отмечает значимость роли и места СССР в истории национально-государственного строи-

тельства советских республик в Средней Азии. Показывает положительные и отрицательные факторы, оказавшие влияние на экономическое развитие национальных республик Средней Азии.

Ключевые слова: СССР, Средняя Азия, советские республики, национальное строительство.

A.S. Zhanbosinova

Eurasian National University, Nur-Sultan (Kazakhstan)

FORMATION OF THE USSR AND THE SOVIET REPUBLICS OF CENTRAL ASIA: HISTORICAL HERITAGE AND NEW TRAJECTORIES

Abstract. The article focuses on the issues of the entry of Central Asia and Kazakhstan into the USSR, draws attention to the peculiarities of colonial discourse and national traditionalism. The author notes the importance of the role and place of the USSR in the history of national-state building of the Central Asian Soviet republics. It shows the positive and negative factors that have influenced the economic development of the Central Asia national republics.

Keywords: USSR, Central Asia, Soviet republics, national construction.

Предложенная тема предполагает анализ прошлого в его критическом осмыслении, однако регламент работы позволит лишь остановиться на некоторых моментах. По большому счету история СССР – одна из самых захватывающих дискуссионных площадок, многое требует осознания и понимания, особо следует обратить внимание на историографию проблемы. Оговоримся по термину, согласившись с мнением видного эксперта Т. Котюковой, что в советское время существовал термин «Средняя Азия и Казахстан», и это было абсолютно правильно, потому что это два разных региона, которые сейчас не очень обоснованно объединили в один регион – Центральная Азия, который вообще-то шире, чем постсоветские государства. Вместе с тем, говоря о советских республиках Средней Азии в докладе, мы имеем в виду и Казахстан, одновременно в рамках предложенной темы [1].

Действительно, сто лет назад на руинах Российской империи в результате двух революций первая – снесла самодержавие, вторая, опираясь на ее руины и политический хаос в стране, – сформировала первое в мире социально-ориентированное государство СССР, оставившее глубочайший исторический след и богатейшее советское наследие. В состав первого советского государства вошла окраина Российской империи Средняя Азия, включая Казахстан.

Средняя Азия представляла собой сложный этнокультурный регион с устоявшимися традиционными взглядами, устоями, отличными от европейской культуры. Становление власти большевиков в глубинах Средней Азии шло методом проб и ошибок, начиная с попытки европейцев установить власть над остальным мусульманским населением, до установления политических контактов с национальной элитой, стремящейся к автономии, как например Кокандская, Алашская автономии. Первая – была жестоко подавлена, вторая – в результате договоренности и обещания Москвой поддержки национальной казахской автономии в условиях советской власти перешла на ее сторону. Алашевцы внесли особый вклад в развитие казахской автономии, включая формирование ее пограничных линий в современном очертании. Что касается Средней Азии, в ходе достаточно тяжелой изнурительной борьбы с басмаческим движением к 1926 г. была установлена советская власть над всей территорией.

Объявить об установлении советской власти в Средней Азии – одно, сохранить ее и закрепить территорию бывших колониальных окраинах Российской империи это совершенно другое. В любом случае, во избежание центробежных тенденций, отпадения азиатских окраин молодая советская власть должна была предложить этносам, населявшим Среднюю Азию, возможность сосуществования в едином государственном образовании под знаменем большевиков.

По Ленину создание СССР, как отмечали авторы книги «Культурная сложность советской России: идеология и практики управления», это новая фаза реализации проекта «Всемирной федеративной республики Советов», как перспективы включения народов востока в сферу влияния большевистского государства [2].

Мы же понимаем, что многообразие культур, их несхожесть и не только внешние, но и внутренние этнические противоречия между народами, населявшими Среднюю Азию, усложняли задачу и, не вдаваясь в подробности дискус-

сионных баталий и поиска компромиссного варианта, отметим, что все-таки среднеазиатская национальная элита отстаивала собственные идеи государственного устройства, конструировала и защищала национальные границы, национально-культурную идентичность. За свою деятельность в попытках отстаивать идеи национально-государственного строительства практически большая их часть в последующие годы была репрессирована.

Советское руководство на начальном этапе находило компромисс и вело переговоры с национальными элитами. В результате достаточно сложного политического взаимодействия, уступками и договоренностями с представителями национальной элиты была создана советская государственность, внутри которой в 1924–1926 гг. были созданы Киргизская, Узбекская, Туркменская, Таджикская ССР и Казахская АССР, аналогов подобного устройства в мире не было, бывшие инородцы стали государствообразующей нацией.

Очень важно отметить, что особую роль сыграла национальная интеллигенция, по сути, на местах она обеспечила продвижение идей большевизма и оказала содействие в формировании советских республик в среднеазиатском регионе. В историографии указанный вид деятельности с легкой руки Александра Моррисона получил название «брак по расчету». Он совершенно справедливо указал, что не все национальные лидеры были убежденными коммунистами, как например Турар Рыскулов, Файзулла Ходжаев, – интеллектуалы получали некоторую власть, которой у них раньше никогда не было, а большевики могли, таким образом, укрепить свою власть над центральноазиатским обществом [3]. Национальная элита всегда находилась в обойме номенклатуры, занимая ведущие позиции в республике.

Как бы мы критично ни оценивали юридическую форму, права и возможности союзных республик, мы обязаны признать, что это историческое достижение и наследие, продолжающее существовать в рамках суверенной государственности на текущем этапе, было заложено большевиками. Ни одна из противоборствующих сил, стремящихся сокрушить власть большевиков, не допускала никакой автономии для колониальных территорий Российской империи.

Мы должны признать, что формирование новых национальных образований на территории Средней Азии дало толчок не только национальному самосозна-

нию, но и формированию новой советской гражданственности, общему идентификационному маркеру, как советское общество, советская страна, советский гимн и советский флаг. Национальный проект СССР оказался беспроектным вариантом, свидетельством тому явился уровень советского патриотизма, победа советской идеологии над идеологией фашизма Германии, вклад каждой из указанных выше республик в общую победу в Великой Отечественной войне.

Можно много и долго говорить о плюсах и минусах, ограниченные временные рамки не позволяют пространных рассуждений, но вместе с тем Средняя Азия в совокупности с прогрессивным экономическим развитием региона получила возможность развивать национальную научно-культурную сферу, как академии наук, высшую и средне-специальную систему образования, кинематограф, театры оперы и балета и многое другое. Однако лингвистические эксперименты, переходы с арабицы на латиницу, в последующем – в кириллицу, обязательное изучение русского языка в национальных школах оказали негативное влияние на культурное наследие, обозначенное экспертом как долгосрочное следствие культурной и лингвистической русификации. Сейчас же мы наблюдаем обратный процесс, попытку возвращения латиницы, эксперты оценили ее как желание отдалиться от российского влияния и оторваться от советского наследия.

Историческое наследие Средней Азии необъятно, несмотря на незримое присутствие советской цензуры, партийного контроля получило развитие и описание в трудах национальных ученых, писателей, поэтов.

Несомненным достижением советского периода истории является всеобщая грамотность, сравнительно эффективная система здравоохранения, развитая сеть железных дорог, большая степень гендерного равенства, чем во многих других странах исламского мира, значительная масса высокообразованного и высококвалифицированного городского населения. Социальная сфера была доступна для всех, уверенность в стабильности завтрашнего дня, ностальжи тех, кто прошел через СССР. В республиках выплачивались пенсии, существовало бесплатное общедоступное среднее, высшее образование, действовали больницы и поликлиники.

Вместе с тем мы должны признать и наличие тоталитарного наследия СССР, репрессивную политику с ее трагическими страницами, за которыми жизнь сотни тысяч человек учтенных и практически столько же потерянных.

Историческая память безгранична, ее многомерная мозаика хранит и слезы побед и слезы потерь, это наследие – наша история, какой бы она ни была, это наша страна и наше историческое достояние.

Эхо просчетов и ошибок реализации национальной политики в Средней Азии звучит по сей день. Все 15 республик из большой коммунальной квартиры ушли в суверенное плавание с советским приданым. Советское наследие бывшего постсоветского пространства явилось неким фундаментом в становлении новых национальных государственных формирований, вышедших из большой «коммунальной» квартиры. Распад СССР и его последствия в оценке 1990-х гг. прошлого столетия рассматривались как «геополитическая катастрофа».

Обратимся к экономическому наследию. Как мы помним, в СССР существовало «межреспубликанское разделение труда», о чем очень подробно в одной из своих лекций рассказывал С. Абашин, где Средняя Азия играла роль аграрно-сырьевого придатка [4]. Основу экономики Узбекистана и Туркменистана составляло производство хлопка, который становился сырьем для легкой промышленности СССР. Промышленные предприятия в Средней Азии развивались позже и менее интенсивно, чем в других регионах. При этом индустриализация проходила обычно за счет переселения в Среднюю Азию рабочих и инженеров из РСФСР и Украины, а местные жители работали преимущественно в сельском хозяйстве, что придавало процессу индустриализации колониальный оттенок, полагал С. Абашин [5].

Активный характер промышленное строительство приобрело в послевоенные годы, чему способствовала эвакуация промышленных объектов из оккупированных территорий, ставших впоследствии основой для запуска его в среднеазиатских республиках, как например в Казахстане, учитывая наличие добывающих отраслей горнорудной промышленности. Добавим, что вся действовавшая промышленность в Средней Азии, в том числе и Казахстане, была создана в советский период.

Сегодня в Средней Азии существуют Республики Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Туркмения и Таджикистан. Это новые векторы и траектории развития, каждое государство прошло своей 30-летний путь, но это уже достижения и просчеты суверенной истории.

Каждое государство имело и имеет стратегию социально-экономического и политического развития, многие из них содержат значимые целевые индикаторы, последние являются рубежными планками вхождения республик в топ мировых стран.

Однако целеполагания, вероятно, кардинально изменились, планка оказалась слишком высокой, а также сказался разный уровень социально-экономического развития, диспропорции – роль сырьевого придатка среднеазиатского региона, заложенная советской экономикой. С учетом комплекса причин, имеющих специфический характер для каждой республики, где-то закрытость, где-то чрезмерная активность, где-то культ личности, на пути к 30-летнему финишу все оказались на разных ступенях, сохранив импортоориентированную экономику и постепенно снижающийся уровень жизни большинства населения.

Важно отметить, «геополитическая бомба замедленного действия» – так современные эксперты обозначили игры с национально-территориальными границами, сформированные с учетом экономической целесообразности и без учета реальной ситуации в условиях СССР, переход от единой советской общности и многонационального статуса к мононациональному государству обусловил не только взрывоопасные ситуации, но и спровоцировал конфликты, вероятней всего, они имеют тенденцию на обострение и прямые вооруженные конфликты.

Содержание политики нациестроительства очень осторожно оценивалось зарубежными экспертами, обратившими внимание на наличие противоречий между декларированными внешними атрибутами демократии и авторитарным характером среднеазиатской власти, оценка перспектив этнизации.

Миграционные процессы, исход славянского населения из Среднеазиатского региона, межэтнические конфликты на почве обострения земельных

и водных вопросов, социальные потрясения сопровождали новый суверенный этап развития.

Тридцатилетний рубеж показал, что своеобразие республик Центральной Азии заключается в наличии островков стабильности и нестабильности, как, например, постоянные пограничные конфликты Ферганской долины – самый плотно заселенный участок в треугольнике Узбекистана – Киргизии и Таджикистана.

В отношении Казахстана и отдельных среднеазиатских государств звучат обвинения в национализме, в казахском национализме. Вспомним, что понятие «казахский национализм» было использовано в оценке декабрьских событий 1986 г. бывшим руководством СССР. И вполне уместна здесь теория Эрнеста Геллнера, где говорится, что «национализм не есть пробуждение наций к самосознанию...», напротив, национализм создает нации, где их нет [6].

Ключевые факторы – этничность, гражданство, территориальность – настолько трансформировались, сменив смысловую нагрузку и противореча друг другу, отсюда мы наблюдаем проблему с поиском «Я» и формулировкой национальной идеи, усиление проблематики исторических персоналий в тесном переплетении в национальную историю Джучи, Золотая Орда, Тамерлан и т.д., обращение к мусульманству и традиционности.

Завершая, хотелось бы сказать, что предложенная тема требует более глубокого исследования с участием ученых, экспертов, сейчас только констатация к юбилейной дате – 100-летию образования СССР.

Список использованных источников и литературы

1. Всем по «национальной квартире». Как СССР «делил» Среднюю Азию. [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/publications/vsem-po-natsionalnoy-kvartire-kak-sssr-delil-srednyuyu-aziyu/23.10.2017> (дата обращения: 22.04.2022).

2. Аманжолова Д., Красовицкая Т.Ю. Культурная сложность советской России: идеология и практики управления. 1917–1941 гг. М.: НП «Новый Хронограф», 2020. 576 с.
3. Мориссон А. Центральная Азия и большевики – взгляд на итоги в 100 летний юбилей октября. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.eurasianet.org/node/6488103.11.2017>. (дата обращения: 23.03.2022).
4. Абашин С. Была ли Центральная Азия колонией? [Электронный ресурс]. URL: <https://syg.ma/@leisan-garipova/sierghiei-abashin-by-la-li-tsientralnaia-aziia-koloniiei> 10.08.2021 (дата обращения: 23.03.2022).
5. Абашин С. Был ли СССР колониальной империей? [Электронный ресурс]. URL: <https://eusp.org/events/moskva-by-l-i-sssr-kolonialnoj-imperiej> 13.06.2017. (дата обращения: 24.04.2022).
6. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь: международный философский журнал. 1992. № 1. С. 9-61.

Сведения об авторе: *Жанбосинова Альбина Советовна*, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, ЕНУ им. Л. Гумилева, НИЦ Ел тарихы, e-mail: sovetuk@rambler.ru

А.А. Арзыматова

Кыргызский национальный университет, Бишкек (Кыргызстан)

КЫРГЫЗСТАН В СОСТАВЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА: ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматривается история Кыргызстана как одной из пятнадцати союзных республик в составе СССР на примере становления и развития ее национальной промышленности; образования новой структуры экономики; всесторонняя помощь (научная, финансовая, материальная, кадровая) союзного государства. В статье показано, что именно пребывание Кыргыз-

стана в составе СССР стало фундаментом и обеспечило его будущее как самостоятельного государства.

Ключевые слова: СССР, Кыргызстан, феодализм, капитализм, промышленность, экономика, советский народ, урбанизация.

A.A. Arzimatova

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan)

KYRGYZSTAN AS PART OF THE SOVIET STATE: HISTORICAL AND ECONOMIC ASPECT

Abstract. The article deals with the history of Kyrgyzstan as one of the 15 union republics within the USSR on the example of the formation and development of its national industry; formation of a new structure of the economy; comprehensive assistance (scientific, financial, material, personnel) of the union state. The article also shows that it was the presence of Kyrgyzstan in the USSR that became the foundation and ensured its future as an independent state.

Keywords: USSR, Kyrgyzstan, feudalism, capitalism, industry, economy, Soviet people, urbanization.

30-летняя история существования без СССР показала, что мы потеряли. Мы потеряли уникальную страновую модель строительства единства и взаимодействия различных народов и наций, в результате которой была сформирована новая духовная общность «советский народ» на принципах коллективизма и «культуры сотрудничества», которых не хватает западному обществу, основанному на принципах крайнего индивидуализма и духовной разобщенности. Духовная общность «советский народ» существует и сегодня на постсоветском пространстве и с воодушевлением отмечает 100-летний юбилей образования СССР. Именно эта духовная общность «советский народ» спасла весь мир от глобальной катастрофы победы нацизма во Второй мировой войне.

Для кыргызского народа вторая половина XIX – конец XX в. – важнейший период в ее истории, это время принятия российского подданства и распада СССР. Кыргызская историография рассматривают этот период как единый и прогрессивный этап истории. Также эта хронология обусловлена общностью и преемственностью российско-советской истории, общностью судеб народов Российской империи, затем народов Советского Союза.

Кыргызстан как одна из 15 союзных республик в своем историческом развитии прошел все, что было характерно для всех народов СССР. До Великой Октябрьской социалистической революции кыргызы относились к народам доиндустриального типа с господством патриархально-родовых отношений. Но будучи с середины XIX в. колонией Российской империи, они объективно были втянуты в мировое товарное производство в качестве сырьевого придатка. Поэтому включенность Кыргызстана в состав великой державы, в которой к тому же победила социалистическая революция, стала непосредственным фактором и исходной точкой в коренном преобразовании патриархально-родового общества в социалистическое. Молодое советское государство, разрабатывая программу построения социализма на восточных окраинах, исходила из того, что «потребности и стремления трудящихся масс всякой национальности будут удовлетворены в интернациональном единстве» [1, с. 245]. Это означало, что строительство социализма в Кыргызстане и, следовательно, становление и развитие его материальной базы – социалистической промышленности должно идти в рамках и интересах всей страны.

В осуществлении этих задач определяющее практическое значение имели решения X, XII и в особенности XIV съездов партии, давших общие директивы в последовательном решении задач индустриализации СССР. В национальных республиках предусматривалось создание «промышленных очагов с максимальным привлечением местного населения» [2, с. 65]. Первыми партийными решениями, учитывавшими особенности Кыргызстана и разрабатывавшими задачи автономной области, в сфере промышленности, в рамках восстановительного периода – были 1-я и 2-я киргизские областные конференции РКП(б) –

23–27 марта 1925 г., и 2–4 ноября 1925 г. В этих решениях отмечалось, что «наличие весьма незначительной пролетарской базы, особенно из коренного населения, усиливает значение вопроса о развитии национальной промышленности, использования богатых сырьевых и природных возможностей». Приоритетной задачей определялась «на первое время: пищевая промышленность, (сахарные заводы, хладобойни, консервная); постройка хлопкоочистительных заводов...» [3, с. 17–18].

Однако уже в решениях следующей третьей киргизской областной партконференции наблюдается сдвиг в сторону комплексного развития промышленности, направленной уже в сторону общесоюзных интересов: «Наряду с промышленностью, перерабатывающей продукты сельского хозяйства, необходимо всемерно добиваться развития промышленности, добывающей и обрабатывающей недренные богатства, как-то: уголь, нефть, олово, медь, свинец, серебро и т.д.». Такая тенденция на первоочередную, общесоюзную направленность предполагала активное промышленное строительство. На заседании Совнаркома Киргизской АССР от 2 июля 1928 г., рассматривавшего вопрос «О промышленном строительстве и мерах по его улучшению» отмечалось: «Следует признать, что в условиях Киргизии индустриализация, которая возможна лишь на базе новостроящихся предприятий, приобретает особо крупное значение» [4, с. 46–62]. Для интенсивного нового промышленного строительства необходима была глубокая и всесторонняя научная проработка природных ресурсов Кыргызстана, тем более что до революции они были наименее исследованными из-за ее горного характера, имевшего высочайшую горную систему Тянь-Шаня, соприкасающуюся с Памиро-Алтайской системой.

Поэтому с середины 1920-х гг. в республике начинаются планомерные исследования ее природных ресурсов. В 1928 г. Академия наук СССР направляет первую крупную экспедицию, которая заложила фундамент по отдельным отраслям хозяйства Киргизии, например, рыболовства, провела геологические, геохимические, геоботанические исследования. В 1932 г. в Кыргызстане работала уже первая комплексная экспедиция для всестороннего изучения производи-

тельных сил Киргизии в составе 100 научных работников, а в следующих в 1933, 1935 гг. – до 150 человек. По результатам этих экспедиций в Совете по изучению производительных сил АН СССР были проведены первая и вторая конференции по освоению природных ресурсов Киргизской АССР, заложившие первые шаги, но ценные для дальнейшего развития промышленности республики. Были обнаружены значительные залежи цветных металлов и других полезных ископаемых, определен топливно-энергетический и гидроэнергетический потенциал республики [5, с. 6, 29, 38, 55]. Ученые пришли к выводу, что «Советская Киргизия, как составная часть единого хозяйственного комплекса Советского Союза является, прежде всего, приспособленной для широкого развития животноводства. Это основная специализация Киргизии, как составной части Советского Союза». Н.И. Вавилов, Президент Академии наук СССР как руководитель научной экспедиции по изучению природных ресурсов Кыргызстана пришел к следующему выводу: «Территория Киргизии составляет примерно 20 млн га. По подсчетам геоботаников количество земель, пригодных для поливного земледелия – 1.029 тыс. га, количество земель, пригодных для богарного (неполивного земледелия), определяется от 150 тыс. га до 2 млн га, площадь под сенокосами определяется в Киргизии в 700 тыс. га, под пастбища – 9.580 тыс. га, количество лесов и кустарников в 1423 тыс. га. Площадь по неудобным землям определяется в 6.019 тыс. га, озеро Иссык-Куль – 620 тыс. га. Таким образом, – заключает Н.И. Вавилов, – пахотно-способная площадь Киргизии составляет примерно 2,5–3,0 млн га, что составляет 12,5–15% от общей площади. Горный характер Советской Киргизии и богатая естественная растительность на площади почти в 10 млн га вполне пригодна для пастбищ и сенокосения. Предопределяет необходимость исключительного внимания в первую очередь, – животноводству» [6, с. 10, 9].

Однако политическая ситуация в мире конца 20-30-х гг. XX века, нарастающая угроза Второй мировой войны, нахождение СССР как единственной социалистической страны в состоянии «осажденной крепости» диктовали советскому руководству курс на форсированную индустриализацию и модернизацию совет-

ской промышленности. Поэтому национальные экономики союзных республик были включены в нивелированную, универсальную систему экономической машины единого народнохозяйственного комплекса СССР, где было установлено: для всех национальных республик – преимущественное развитие отраслей тяжелой промышленности, независимо от особенностей их хозяйственных систем.

Поэтому история промышленности Кыргызстана в довоенный период свидетельствует о колоссальных капиталовложениях из союзного бюджета, всесторонней помощи индустриальных центров страны в обеспечении квалифицированными и высококвалифицированными рабочими и инженерно-техническими работниками и т.д. Доля союзного и федеративного (РСФСР) бюджета в индустриализации Кыргызстана составляла в 1928 г. – 96%, в 1932 г. – 97,6% [7, с. 228]. Такая структура бюджета Кыргызстана сохранилась вплоть до распада СССР: в 1986 г. доля промышленных предприятий союзного, союзно-республиканского подчинения составляла 94% [8, с. 127]. В ходе довоенных пятилеток на основе разведанных ресурсов и всесторонней помощи центральных, развитых регионов страны в Кыргызстане интенсивно шел процесс промышленного освоения, причем с сильной привязкой к центру. Было положено начало процесса цементирования единого народнохозяйственного комплекса СССР. В этом был стратегический расчет Сталина: заложить бетон, фундамент под политическое образование Союза Советских Социалистических Республик. По идее Сталина единый народнохозяйственный комплекс должен был стать суммой одинаковых, универсальных отраслевых структур промышленности национальных республик с обязательной, преимущественной долей тяжелой промышленности, а именно – машиностроения и металлообработки. Поэтому для таких отраслей создавались приоритетные условия роста. В результате в СССР с 1928 по 1940 г. объем промышленной продукции машиностроения и металлообработки возрос в 26 раз, электроэнергетики – в 128, в то время как легкой промышленности – в 5,9, пищевой – в 13,6 раза [9, с. 134]. В отраслевой структуре валовой продукции промышленности республики к 1940 г. удельный вес тяжелой промышленности составлял уже 25,9%, легкой – 23,7%, пищевой – 46,4% [10, с. 62]. В целом же промышленное производство в республике возросло с 1928–

1940 гг. в 10 раз [11, с. 69], по СССР в целом – в 7,7 раза [12, с. 134]. В результате усилий центра и национальных республик к 1940 г. в Кыргызстане сформировалась новая отраслевая структура промышленности – растущий удельный вес отраслей тяжелой промышленности и уменьшения удельного веса отраслей легкой и пищевой промышленности; увеличение доли промышленности в отраслевой структуре народного хозяйства, по сравнению с сельским хозяйством.

Дальнейший шаг в развитии экономической базы многих республик, в том числе и Кыргызстана, был сделан в годы Великой Отечественной войны. Из центральных регионов страны в республику был эвакуирован ряд крупных и средних предприятий, имеющих оборонное значение. За годы войны промышленностью было освоено капитальных вложений на сумму 38 млн руб., почти столько же, сколько за все годы довоенных пятилеток (41 млн руб.) [13, с. 109]. Построено 38 крупных промышленных предприятий, разведаны новые месторождения цветной металлургии – особенно сурьмы и ртути. Основные промышленно-производственные фонды за годы войны выросли в Кыргызстане на 217%, что свидетельствовало о расширенном характере воспроизводства. За 1940–1945 гг. валовая продукция промышленности группы «А» увеличивалась в среднем за год на 11,5%, а продукция промышленности группы «Б» сократилась на 29% [14, с. 112–113]. Возникли совершенно новые отрасли промышленности: станкостроение, цветная металлургия шелкоткацкая, пенько-джутовая, фармацевтическая. К 1945 году удельный вес промышленности в народном хозяйстве республики достиг 67,5% [15, с. 266].

Процесс индустриализации сопровождался урбанизацией республики, созданием новых городов и рабочих центров: города горняков – Чаувай, Каджи-Сай, нефтяников – Кок-Таш, Майли-Сай и т.д. Всего численность городского населения с 1926 по 1970 г. увеличилась более чем в 9 раз и к началу 1970-х гг. в Кыргызстане насчитывалось 15 городов и 35 поселков городского типа [16, с. 168, 206]. Именно развитие промышленности явилось главным урбанизирующим фактором. Если до революции карликовая промышленность (добывающая) была в основном сосредоточена на юге, то к 1970 г. в республике сложились два крупных промышленных центра: г. Фрунзе и г. Ош. С долей населения

в 18,9% эти города производили более половины валовой продукции промышленности [17]. По уровню экономического развития выделялась столица г. Фрунзе, где было сосредоточено 86 промышленных предприятий и 43,6% промышленно-производственного персонала республики. В г. Фрунзе производилось большинство важнейших видов промышленной продукции: 94,8% продукции химической промышленности, 62% – машиностроения и металлообработки, 53,6% – легкой и 40,6% – пищевой промышленности [18, с. 43, 45].

Вовлечение в промышленный водоворот новых центров по освоению природно-сырьевых ресурсов обеспечивали высокие темпы индустриального развития. Темпы роста общего объема продукции промышленности по сравнению с 1940 г. к 1970 г. увеличились в 29 раз, при этом опережающими темпами развивались отрасли тяжелой промышленности: в электроэнергетике темпы возросли в 170 раз, в машиностроении и металлообработке – в 203, в то же время в легкой промышленности – в 23, в пищевой – в 8,7 раза [19, с. 59]. Таким образом, усиливалась универсализация промышленного развития республики. За 10 лет (1961–1971 гг.) значительно возросла роль Кыргызстана в разделении труда в Среднеазиатском экономическом регионе. Занимая 15,5% ее территории, 14,8% населения, республика выпускала 100% грузовых автомобилей, пресс-подборщиков, кузнечно-прессовых машин, приборов, средств автоматизации и запчастей к ним, осветительных электроламп, стиральных машин; 35,4% мяса, 39,8% натуральной шерсти, 24,5% верхнего трикотажа и т.д. [20, с. 27].

К началу 1971 г. на долю промышленности Кыргызстана приходилось 59,5% валового общественного продукта и 48,8% национального дохода [21, с. 27, 135].

Такие высокие темпы развития промышленности были характерны не только для Кыргызстана, но и для других в прошлом отсталых регионов. Удельный вес промышленности в валовом общественном продукте Узбекистана составлял в 1970 г. 54,9%, в Таджикистане – 56,4%, в Туркмении – 48,8% [22, с. 108].

Таким образом, положительный опыт СССР очевиден. Советское государство в короткий исторический срок реализовало в Кыргызстане ускоренный путь исторического развития, минуя две формации – полного феодализма и капитализма. К моменту распада СССР Кыргызстан имел относительно высокий уро-

вень урбанизации, многоотраслевую индустрию с преобладающим удельным весом тяжелой промышленности, и 100% образованное и культурное население с твердой уверенностью в завтрашнем дне. Пребывание Кыргызстана в составе СССР стало фундаментом и обеспечило его будущее как самостоятельного государства.

Список использованных источников и литературы

1. Ленин В.И. Полн. собр. сочинений. Т. 41.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК (1898–1988). М., 1990.
3. Коммунистическая партия Кыргызстана в резолюциях и решениях съездов, пленумов, конференций обкома и ЦК. Ч. 1 (1924–1936 гг.). Фрунзе: Киргосиздат, 1958.
4. История индустриализации Киргизской ССР. 1926–1944 гг. Документы и материалы. Фрунзе: Илим, 1972.
5. Проблемы Киргизской АССР // Труды II конференции по освоению природных ресурсов Киргизской АССР. 8–12 февраля 1935 г. Т. 1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1935.
6. Доклад академика Вавилова Н.И. // Проблемы Киргизской АССР..., Т. 2.
7. Аттокуров С.А. История индустриального развития Кыргызстана. Фрунзе, 1965.
8. Народное хозяйство СССР за 70 лет.: юбил. стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987.
9. Народное хозяйство СССР (1922–1972): юбил. стат. ежегодник. М.: Статистика, 1972.
10. Киргизия в цифрах: стат. сб. Фрунзе: Киргосиздат, 1963.
11. Кыргызстан за 50 лет. Фрунзе: Кыргызстан, 1974.
12. Народное хозяйство СССР (1922–1972). М., 1972.
13. Кыргызстан за годы Советской власти: юбил. стат. сб. Фрунзе: Кыргызстан, 1970.
14. Аттокуров С.А. Промышленность Кыргызстана в годы великих битв. Фрунзе: Кыргызстан, 1975.

15. История советского рабочего класса Киргизии. Фрунзе: Илим, 1966.
16. Заседания Верховного Совета Киргизской ССР, созыв 8, сессия 3 (22–23 мая 1972 г.). Фрунзе: Киргосиздат, 1972.
17. Советская Киргизия. 1971. 19 марта.
18. Тененции экономического развития Киргизской ССР. Фрунзе: Кыргызстан, 1974.
19. Киргизстан к 60-летию образования: юбил. стат. сб. Фрунзе, 1984.
20. Молдустанов Т. Киргизская ССР в системе народнохозяйственного комплекса страны. Фрунзе: Илим, 1984.
21. Тенденции экономического развития Киргизской ССР / под ред. К.А. Сооданбекова, В.С. Стародубцева. Фрунзе: Кыргызстан, 1974.
22. Искандеров И. Развитие промышленности республик Средней Азии в восьмой пятилетке // Вопросы истории СССР, 1973.

Сведения об авторе: *Арзыматова Айнура Атыгаевна*, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой «История стран Европы и Америки» КНУ им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызстан, e-mail: arzymatova1506@mail.ru

Т.Ю. Красовицкая

Институт истории Российской академии наук, Москва (Россия)

«ЭТУ СТРАНУ ТРУДНО ИЗУЧАТЬ»: ИСТОРИОГРАФИЯ СССР В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к оценке характера государственного устройства СССР, сложившиеся в отечественной и зарубежной историографии. Осмысление проблемы укладывается в четыре историографических этапа наполнения ее конкретно-историческими данными. Автор приходит к выводу, что исследования остаются слепком бурных политических процессов

на современном евразийском пространстве, в определенной степени следуя за ними, хотя и «проживая» самостоятельную жизнь.

Ключевые слова: историография, СССР, федерализм, автономия, империя, модерность.

T.Y. Krasovitskaya

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

**"THIS COUNTRY IS DIFFICULT TO STUDY": HISTORIOGRAPHY
OF THE USSR IN THE MODERN CULTURAL
AND CIVILIZATIONAL EURASIAN SPACE**

Abstract. The article discusses approaches to assessing the nature of the state structure of the USSR that have developed in domestic and foreign historiography. Understanding the problem fits into four historiographical stages of filling it with concrete historical data. The author comes to the conclusion that the research remains a snapshot of the turbulent political processes in the modern Eurasian space, to a certain extent following them, although "living" an independent life.

Keywords: historiography, USSR, federalism, autonomy, empire, modernity.

«Да, эту страну трудно изучать, – понимал В.О. Ключевский, – и еще труднее управлять ею» [1, с. 249]. Меньшевик Н.Н. Суханов в 1917 г. заметил: «Получившие свободу мелкие российские национальности, существующие и выдуманные, действительно не знали никакого удержу, и разрывали на части государственный организм» [2, с. 260]. Они будоражили умы разных элит. И тех, кто хотел модернизировать имперское общежитие. И тех, кто имел политические проекты федерализации государства. Как бы ни интерпретировали феномен СССР советские историки, потребность в историографических обобщениях остается. Их следует сформулировать, распределив накопленные знания по этапам.

Осмысление проблемы укладывается в четыре историографических этапа наполнения ее конкретно-историческими данными: 1) изучение проблемы в 1920-е гг., 2) 1930–1950 гг., 3) 1960–1991 гг., 4) с 1991 г. по настоящее время. В продолжение трех этапов ее изучали в комплексе «марксистско-ленинских

дисциплин». В последнее время деконструкция базовых идей империи с помощью модной ныне археологии позволяет отчетливее видеть, как шла реализация политических практик. Оценка СССР держалась на импровизированном партикуляризме, на договоренностях, дифференцированных правилах, требованиях и уступках. Доминировавшее утверждение об унифицирующей и репрессивной стратегии на окраинах преувеличивало представление о привилегированной метрополии и неизбежно ущемленной в правах периферии. Нерусское население сохраняло в границах России этническую родину, институты и ресурсы культуры. Многие претендовали на разную степень политической и правовой самостоятельности.

Федерализм становился наиболее популярным словом в политическом языке, указывал на желательный идеал взаимоотношений. Он выступал одинаково и как предмет стремлений для радикалов. Консерваторы всячески избегали его. Россия сохраняла *многое*, свойственное империи, а не национальному государству, к строительству его она и не приступала. Ключевая идея федерализма – принцип свободной организации обществ – давал возможность «на равных» пользоваться ею как инструментом строительства.

В условиях разных пространственно-временных хронотопов – современности (модерность) и архаики (традиционное общество), этнические культуры выступили как *природный ресурс государственного строительства*. На поле конкуренции и борьбы, не стесняясь апеллировать к этническому чувству, они подпитывали неурегулированные перспективы. Учитывались разные культурные времена, с трудом поддающиеся *политическим* изменениям глубинные стереотипы и традиции. Совмещались «уникальность» проблемы с широтой взгляда на современные вызовы, универсализировалось поле, в основу клалась особая рациональность, подчинение давней цели (*imperium sacrum*). В работах видно: большевики не сразу поняли, что, по сути, разделяли эти цели.

Риторика *формировала, добавляла, уточняла содержательные политические поля*. Важную роль сыграла концепция автономии. Термин, заимствованный из философского дискурса, в XX в. обрел инструментальный смысл, обозначил

и поля проблемы. Порожденная имперством автономия – важный механизм реализации проектов федерализации России, подменяла собой федерализацию.

В этих практиках видно, как из логического ряда «прогресса», механизмы социальной инженерии громоздились, то тесно взаимодействуя, сплавляясь друг на другом, то становясь их оборотной стороной. С одной стороны, с рассекречиванием архивов открылись и новые горизонты осмысления. С другой – фрагменты старых схем как лепту позитивистских оценок советской эпохи историки «замешивали» в постмодерн. Публикации сохраняли способ, выдернув фрагмент и цитату, оставив внутреннюю ангажированность анализа, направить его на поиск точки бифуркации. В целом это отражало мятущееся состояние российской науки. Требовался концептуальный аппарат для перевода конструкций пространства, времени, вещного фона, ролевой структуры героев, норм репрезентации реальности – в исторические факты, на которые можно опереться. Объяснить, *почему и при каких обстоятельствах, с какими внешне- и внутриполитическими проблемами связаны решения* в стране, не имевшей традиций федерализма, признание в конституциях его реально-правового содержания. Наполнение, ситуативное и зигзагообразное, чередовало приближение к нему и удаление от него. Чередовались разнообразные сочетания с принципом унитарности, объединенности, союзности, централизма в особенности, что дало основание правоведам выделить формальные этапы процесса.

Другими словами, соединить мотивацию действий, с *морфологией общества* – группами, нормами, ролями, интересами, механизмами коммуникации, политическими механизмами.

В проблеме федерализации государственного устройства России советская историография традиционно выделяла экономические, внешнеполитические и военно-политические причины консолидации этнических обществ. Этот взгляд опирался на события Гражданской войны, отражал позицию РКП(б) в борьбе за власть, но отодвигал на обочину проблемы, приведшие к ней. В главном, руководители РКП(б) трактовали претензии народов к прежней власти, их мотивы с идеологической стороны. Требования федеративного устройства страны они перекрывали программным тезисом – стремлением народов к интернационали-

зации. *Идеологическое название нового государства – Советский Союз затмевало то, которое свидетельствовало о федеративной форме в конституционных документах: Союз Советских Социалистических Республик.* Это выделяет особый комплекс предпосылок, их влияние на весь период изучения проблемы федерализма в СССР, закрытость ее источников.

Для понимания четвертого этапа важно учесть вклад историков-эмигрантов, их работы 1920-х гг., оторванных от архивов, разобщенных географически. Выделим евразийцев, воспринимавших Россию не продуктом сугубо русской цивилизации, а синтетической культуры, включающей в себя наряду со славянами азиатские народы.

Подчеркнем ключевой аргумент евразийцев: русская культура породила особый вариант антиориентализма, произошло, во-первых, осознание научным сообществом России как многонародной империи, открывшей свой «внутренний Восток». И, во-вторых, всплеск интереса к «внутреннему Востоку», к «туранским народам», к дискуссиям о них. Этот интерес раздражал Сталина. Идеи евразийцев породили дискуссии калмыцких, поволжских (татарских), северокавказских и среднеазиатских эмигрантов.

Вокруг границ СССР в Турции, Болгарии, Венгрии, Персии, Польше обсуждались практики нового государства, его политические ресурсы. Доминировала оценка: СССР – плохой пример «квазифедеративного государства». Но в СССР всякая апелляция к неидеологической реальности третиновалась как «объективизм», концентрация на понятийных и методологических основаниях анализа квалифицировалась как политически враждебные действия. Логика сталинской схемы сохраняла контроль теоретико-методологического уровня исследований, рассекречивание источников, общественно-политическую обстановку, в которой создавались научные труды.

Четвертый период в историографии начался с решительной ломки сталинской концепции образования СССР. Спор пошел о новой парадигме его истории. В перестройку на улицы и площади Алма-Аты, Грузии, Еревана, Вильнюса, как и в 1917 г., вышли представители национальных движений и народных фронтов. Осенью 1986 г. по стране разлетелась переписка историка Н. Эйдельмана и пи-

сателя В. Астафьева. Она стала ключевым моментом в «перестроечной» смене концепции. Поначалу М.О. Чудаковой показалось: Эйдельман «ребячески-бездумно тронул голой рукой провода, по которым давным-давно бежал ток, невидимо их раскаляя». Ответ Астафьева был «ревом медведя, которому он в берлогу прямо в морду сунул на палке горящую паклю». «Новый период застал ... большинство из нас, в немалой степени врасплох», – подытожила она [3, с. 87–93]. Астафьев высказал немало продиктованного оскорбленной любовью, даже в Грузии нашли мужество с ним согласиться. Реальность расходилась «с обаятельно-застольной Грузией, которую, по сути, выдумали Думбадзе и Габриадзе, Иоселиани и Данелия». Зрела катастрофа, ее размеры накрывали не только грузинское общество.

На первый план выдвинут поиск смысла перехода от имперской к советской государственности. Это потребовало раскрыть полностью не только источниковую базу.

Во-первых, недоступные ранее советским исследователям зарубежные исследования и их разногласия в оценках федерализма СССР стали составной частью *российского* историографического комплекса. Зарубежные историки, обращавшиеся к «национальному вопросу» СССР, создали солидную историографическую базу. Историческое полотно советского этнополитического пространства расцвели лица погибших или эмигрировавших лидеров элит в СССР, их эвристический потенциал. В 2000 г. основан журнал «Ab Imperio», инициировавшего конференции и исследовательские проекты по новой имперской истории.

Во-вторых, концентрация внимания на правовых источниках и тех, что отложились в деятельности партийно-государственных структур, оказалась недостаточной даже с учетом рассекреченных документов.

В-третьих, историки, ломая сталинские схемы, начали *историографический поворот к радикальному перемещению антропологических объектов из культурно-релятивистского времени и структурно-функциональной методологии в конкретную историю СССР*.

В авангарде выступили этнографы во главе с академиком В.А. Тишковым, обобщивших трудности формирования российской этнологии в контексте гно-

сеологических сдвигов и дисциплинарных перемен, происходивших в мировой антропологии и этнологии, взявших на себя роль академического критика текстов, доморощенных этимологий и архаизирующих гипотез. Конечно, историзм с трудом вживался в контекст этнографических штудий, этнография и сама испытывала давление со стороны власти, меняя предмет изучения с учетом политических и идеологических обстоятельств.

Но этносоциология, этнолингвистика, этнопсихология и пр. открыли важные аспекты и инструменты изучения федерализма. Интеллектуальной конфигурацией с помощью рефлексии и современных эмоций богатой фактографии объединительным процессам придан новый смысл.

Используя этнологические идеи и разработки, перенести их на конкретно-историческую почву предложила Т.Ю. Красовицкая. Положив в основу этнокультурные ресурсы перехода к индустриальному обществу модерна, она развернула хронологию предпосылок образования СССР к реформам Александра II, сосредоточилась на *другой природе* фактов (вызовах времени, ресурсах культуры и пр.). Ученым больше, чем другим, приходилось осваивать взаимосвязи стран и народов мира, выявлять причины дезинтеграции, связанные с этнической и религиозной феноменологией. Добытые характеристики как исторические факты я систематизировала по численности этносов, их языкам, принадлежности к мировым религиям, этнопсихологическим данным. Это оказалось полезным для понимания как расстройств механизмов поздней истории Российской империи, так и интереса к процессам строительства наций в имперском ядре.

Появилась концепция «русского мира», которая мыслилась как поликультурная, цивилизационная, но в ней доминирует этноцентричность. В таком подходе форма нового государства по-прежнему нуждается в объяснении рамочных условий. Те, что имелись, отбросили тень на *реальную автономию* субъектов, на игру с разделением полномочий, не давая возможности судить о федерализме и его реалиях. В этом контексте по-прежнему он как политический принцип и политическая практика, исторические корни в федеральной телеологии, сложные и противоречивые этапы, заслуживают пристального изучения. Ведь СССР

начинался как федерация современного, но рыхлого объединения субъектов, что постоянно держало проблему целостности страны под напряжением.

Новые подходы и новые уточнения, добытые региональными и национальными историографиями с использованием данных этнологов, социологов, лингвистов, психологов, потребовали новой оценки роли Ленина и Сталина, хотя те уже отходили, казалось, на второй план внимания постсоветской историографии. Особый всплеск внимания к издаваемым работам о Сталине, малоинтересных с научной стороны, указывали на существенные пробелы в исследовании этнополитической воли русского этноса, его государственного статуса.

Распад СССР повлиял на региональные историографические коллективы. Возрождение их происходило в исторически сложное время. В украинистике вернулись к концепту «Центральной Европы». Выделим труды диаспорной украинистики, для белорусоведения и литуанистики оказалось актуальным осмысление исторических практик Великого княжества литовского. Мейнстримы исканий были подобны крутым зигзагам. Но не все зигзаги вливались в мейнстримы. Идея СССР – федеративного государства подверглась демонизации и шельмованию.

Существенно усложнялась картина, в рамках которой империи выступали «инкубаторами модерна»: «Модерное государство рождается в сердцевинах империй и во многом как реакция на проблемы, возникающие в контексте соревнования империй».

Т. Мартин (Гарвард) «осовременил» оценку СССР, первой страны, где разработаны программы положительной деятельности, идеологический контент интернационализма – программное положение о равенстве шансов автор заменил концепцией «положительного (позитивного) действия». Образование СССР Т. Мартин считает исторической премьерой: ни одна страна не сравнилась с советскими начинаниями по масштабности. Новая формула понравилась, охотно использовалась отечественными историками, не усматривавших в ней неокOLONIALНЫЙ смысл. Но еще Н. Бердяев предостерегал: «Большевизм гораздо более традиционен, чем принято думать» [4, с. 32].

Однако за скобками изучения проблем советского федерализма остается нескончаемое поле неисследованных мотивов. Например, изучение объединительных процессов как его существенной базы не включает до сих пор изучение мотивов освоения русского языка, например, польским инженером или предпринимателем; чиновником или советским служащим из поляков же, прибалтийского немца и эстонца; еврея, стремящихся получить образование и/или добиться финансового или карьерного успеха. Национальные историографии не слишком интересуются этой темой, во многом оставаясь сосредоточенными на теме оппозиции как имперской, так и советской власти. А.И. Миллер первым вывел мотивы освоения русского языка из идеологического плена и поднял вопрос о роли поддержки рынка языков и в советский период.

Внизу социальной пирамиды действовали иные механизмы, чем среди образованных слоев, что влияло на процессы федерализации государственных механизмов страны.

Историки патриотического направления в своих интерпретациях, с одной стороны, поддерживали процессы аккультурации и советизации в федерации, а с другой – трактовали русскую нацию в этническом ключе, отрицая право вполне ассимилированных «инородцев» претендовать на членство в ней. Классическим примером явилась работа А. Солженицына «Двести лет вместе» о сложном опыте русско-еврейского взаимодействия [5]. Костырченко и Будницкий усложнили «патриотические» стратегии изучения проблемы.

Почти забытое самобытное течение проявилось в ряде работ современных евразийцев, которые идентифицируют себя «академическими» (А.С. Панарин, Б.С. Ерасов, их идеолог А.Г. Дугин). Как увлечение в Казахстане президента Н. Назарбаева Л.Н. Гумилевым, ушедшим в теоретическую схоластику, в «биолого-энергетический» подход к этнической истории, а не в эмпирическую историографию, концепты роли степи и неславянских народов в истории России оказались востребованными.

Таким образом, на пространстве СНГ историография советского федерализма разделилась по историческим, патриотическим, политическим, религиозным, национальным, языковым, культурным, промышленно-экономическим

точкам соприкосновения на несколько лагерей. Каждый развивается, но общая картина усложняется. Добываются ценные выводы о том, что мусульманские, славянские, балтийские этносы России, побывав на окраинах двух, даже трех империй, выбирая федерализм, делали выбор в пользу преодоления отдаленности, провинциальности, опыта более развитых культур. Анализируются чужие стратегии, сопоставляются практики, оцениваются внутривнутриполитические шаги в контексте новых вызовов. Сюжеты этнической истории, исторические мифы используются для обоснования места в общем цивилизационном потоке. Историки описывают, как этносы уточняют поведенческие модели и нормы, ища путь в общество модерна. Результаты, добытые в рамках новой имперской истории, углубляют сложность проблемы, но альтернативной «теории консенсуса» в роли человеческих отношений и поступков в создании СССР не создали.

Циркулируя в «узких кругах», этот узловый элемент этнической картины мира, придавая дополнительный импульс модернизации, вел к повторной провинциализации и новым формам национализирующих практик, углублению представления о «национальном характере», чрезмерной доверчивости к революции как способу решения государственных проблем. Право трактовки, интерпретации их поддерживает подход к изучению компрадорства, этнополитической мимикрии. Идет вытеснение конвенциональных нарративов новыми, в чем-то «революционными», соотнесение процессов социокультурной модернизации с цивилизационной спецификой России.

Рубеж тысячелетий стал временем пересмотра устоявшихся воззрений и возобновления дискуссий. Можно считать неким феноменом количественные параметры литературы и разнообразие научных тем, касающихся нашей проблемы. Современная наука существенно обогатила изучение проблемы образования СССР, советского проекта, созданного большевиками с применением собственной технологии и сложнейшего комплекса этнических ресурсов. «Традиционное» и «модерное», «крестьянско-общинное» и «буржуазное» противостояли в нем и стадияльно, и «регионально», в качестве и территориальных, и интеллектуальных позиций в глобальном геополитическом конфликте. Советскому федерализму большевики сумели придать политико-географическую определенность

и сделать его равноправной альтернативой западной *modernity*. Как и другие современные государства, СССР придал новое, присущее XX в., ощущение все нарастающей скорости времени, использовал веру в человеческие силы, которая подпитывалась техническим прогрессом и социокультурными преобразованиями. Но это делалось в рамках нелиберального, антикапиталистического видения мира.

Список использованных источников и литературы

1. Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М.: Наука, 1983.
2. Суханов Н. Записки о революции. Кн. 1: Мартовский переворот. Пб.: Изд-во З.И. Гржебина, 1919–1923.
3. Чудакова Мариэтта. «Почто, мой друг...» // Звезда. 2010. № 5.
4. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-PRESS, 1955.
5. Солженицын А.И. Двести лет вместе: в 2 т. М.: Русский путь. 2001–2002.

Сведения об авторе: *Красовицкая Тамара Юсуфовна*, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории РАН, Москва, Россия, e-mail: tkrasovitskaya@mail.ru

Е.И. Пивовар

Российский государственный гуманитарный университет, Москва (Россия)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРАЗИИ

Аннотация. В статье рассматривается экономический аспект взаимодействия народов СССР, в частности, предприятия топливно-энергетического комплекса как часть советского индустриального наследия, по-прежнему обеспечивающего развитие стран постсоветского пространства. По мнению автора,

это тоже мощный ресурс, который можно использовать для продвижения гуманитарного сотрудничества и интеграционных процессов между РФ и странами Центральной Азии.

Ключевые слова: СССР, энергетика, АЭС, ГЭС, ТЭЦ, интеграция.

E.I. Pivovar

Russian State University for the Humanities, Moscow (Russia)

**HISTORICAL EXPERIENCE OF INTERETHNIC RELATIONS
IN THE USSR AS THE BASIS OF MODERN
INTEGRATION PROCESSES IN EURASIA**

Abstract. The article examines the economic aspect of the interaction of the peoples of the USSR, in particular the enterprises of the fuel and energy complex, as part of the Soviet industrial heritage, which still ensures the development of post-Soviet countries. According to the author, it is also a powerful resource that can be used to promote humanitarian cooperation and integration processes between the Russian Federation and the Central Asia countries.

Keywords: USSR, power engineering, NPP, HPP, CHP, integration.

Взаимодействие тюркских и славянских народов, особенно на современном этапе, это важнейшие условия позитивного развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Сохранение этих связей для нас – ключевой момент. И, конечно, базой для этого является наше историческое наследие. 100-летие СССР для нас – памятная дата. Я хочу напомнить, что в 1992 г. было несколько мероприятий, которые так и назывались – «несостоявшийся юбилей», так как 70-летие СССР уже не смогли отмечать. Но одновременно в прошлом году в декабре была памятная дата – 30-летие развития уже независимых постсоветских государств и федераций, в том числе и Российской Федерации. И, конечно, для этого развития опыт межнациональных отношений сла-

вянских и тюркских народов, как и всех остальных народов, проживающих в рамках Советского Союза, беспрецедентен, потому что он послужил основой богатейшего наследия.

Вопрос о характере и значении этого наследия не только политический, но и научный, потому что мы только начинаем приступать к анализу ценности и значения этого наследия, с точки зрения исторического анализа, скрупулезного и спокойного [1]. Что же мы имеем в качестве наследия? Оно очень разнообразно и включает в себя, конечно, культурное наследие в широком смысле. Роль русского языка в процессах взаимодействия народов СССР беспрецедентна, так же, как и роль тюркского языка во взаимодействии с русскими. Но в докладе я хотел бы остановиться на социально-экономическом, индустриальном наследии.

Составляющих индустриального наследия очень много. Но я хочу обратиться к той части индустрии, которая бесспорно является передовой и бесспорно является становым хребтом развития всех постсоветских государств. Она – результат межнациональных отношений, связей всех народов, в том числе славянских и тюркских. Я имею в виду энергетику. Я буду говорить не об энергетике в целом, поскольку она включает в себя и добычу ресурсов, и транспортировку их в другие регионы. Сейчас это стало не только экономическим, но и геополитическим оружием. Я имею в виду то, что осталось на территории всех стран бывшего СССР в результате трудовых усилий, героизма всех представителей народов, входивших в его состав. Речь пойдет о достижениях в развитии трех составляющих энергетики: теплоэнергетика, гидроэнергетика и атомная энергетика. Это сравнительно небольшая часть в том огромном наследии, от которого никто не отказывается, включая политические элиты.

Атомная энергетика. В 1991 г., когда СССР распался, на постсоветском пространстве вне рамок Российской Федерации существовало восемь атомных электростанций. Две из них уже не действуют: одна Чернобыльская, в результате техногенной катастрофы, и вторая Игналинская электростанция, которую

Литва закрыла по указанию Евросоюза. А остальные действуют. Что же они из себя представляют? На Украине было пять атомных электростанций, четыре из них действуют до сих пор. Строго говоря, это очень большая доля энергоресурсов современной Украины. Запорожская АЭС производит более 50% энергоресурсов Украины, Южноукраинская АЭС – более 10% всей электроэнергии. Стоит упомянуть Хмельницкую АЭС, Ровенскую АЭС. Это существенная доля всей энергетики. В Литве после закрытия Ингалинской АЭС стоимость электроэнергии выросла на 33%.

Армянская АЭС дает 30% всей энергии Армении, это гордость советской атомной энергетики, которая выдержала многие землетрясения и действует до сих пор. В Казахстане впервые в мире в городе Шевченко (сейчас Актау) в 1972 г. был создан комплекс, который включал в себя производство атомной энергии, обогащение урана, опреснение морской воды и теплоэлектростанцию. Все это до сих пор действует, за исключением атомного сегмента. Процесс строительства станций продолжается, это фактор нашего интеграционного потенциала, благодаря существующему советскому наследию.

Перейдем к гидроэнергетике. Пик строительства, кроме довоенного периода, ГЭС приходится на 1960–1970-е гг. [2]. Такие флагманы как Нурекская ГЭС в Таджикистане; Бухтарминская ГЭС, Шульбинская ГЭС в Казахстане; Тартагульская ГЭС в Киргизстане; Ингурская ГЭС на границе Грузии и Абхазии.

Теперь поговорим о теплоэнергетике. Поскольку в постсоветских странах много запасов углеводородного сырья, прежде всего, это уголь, газ, поэтому значительная часть советского наследия – это теплоэнергетика. Это, например, крупнейшие Запорожская и Улегорская ТЭС на Украине. Важнейшей определяющей энергетику и Молдовы, и Приднестровья является находящаяся в Приднестровье Молдавская ТЭЦ. Восемь теплостанций Азербайджана обеспечивают до 90% энергии этой страны. При том что Азербайджан богат нефтью и газом и, естественно, он использует эти ресурсы для теплоэнергетики, но поскольку водных ресурсов и горных энергетических каскадов в Азербайджане немного, 90% – это теплоэнергетика. 37 ТЭС – в Казахстане, из них наиболее

важные, ключевые – это Экибастузская 1 и 2, Аксуская. 85% энергетики Узбекистана приходится тоже на теплоэлектростанции. Это Сырдарьинская, Новойская, Ташкентская ТЭЦ.

Все это говорит о том, что когда мы рассматриваем последствия распада СССР и взаимодействия наших народов и государств в новых условиях, все-таки мы должны помнить, что от этого наследия никто никогда не откажется и справедливо сделает, потому что оно принадлежит народу. Это наследие создано всеми нашими народами совместно и является нашим общим. Это нужно показывать подрастающему поколению, причем не преуменьшая того, что делается сейчас, и не принижая значение вклада каждого народа в строительство своего государства.

Я думаю, что изучение советского наследия, которое по-прежнему актуально в обеспечении развития и безопасности государств на постсоветском пространстве, важно для понимания опыта взаимодействия тюрко-славянских народов и будущего взаимодействия этих народов по пути интеграционных процессов, которые наши государства должны всячески поддерживать и укреплять. Конечно, в этом развитии есть определенные трудности и появляются новые вызовы, которые надо преодолевать. Но индустриальное наследие может быть важнейшим гарантом того, что мы сможем использовать его для обращения к молодому подрастающему поколению, чтобы оно учитывало его как результат модернизации своих стран [3]. Потому что, к сожалению, в историографии всех постсоветских стран советское наследие оценивается неоднозначно. И эти негативные элементы на слуху, о них часто говорят. А вот позитивной части, к сожалению, не хватает. Я думаю, что мы должны восполнить этот пробел.

Список использованных источников и литературы

1. Пивовар Е.И. Русское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008.

2. Колева Г.Ю. Энергетическая политика советской эпохи (основные периоды и их содержание) // Вестник Тюменского государственного университета. 2015. № 3. С. 153–167.

3. Пивовар Е.И. Ассоциация «Деловой центр экономического развития Содружества Независимых Государств». Основные вехи международного интеграционного сотрудничества // Вестник РГГУ Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2021. № 1. С. 23–60.

Сведения об авторе: *Пивовар Ефим Иосифович*, Президент Российского государственного гуманитарного университета, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор центра постсоветских и межрегиональных исследований, Москва, Россия.

Ю.М. Гончаров

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ
СЛАВЯНСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ СИБИРИ
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК**

Работа поддержана средствами программы развития
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» «Приоритет-2030»

Аннотация. В результате экономических практик взаимодействия славянских и тюркских народов в советских республиках Центральной Азии в годы первых пятилеток СССР было поднято сельское хозяйство, заложены основы промышленной индустрии, значительно развита инфраструктура. Индустриализация региона осуществлялась преимущественно в отраслях первичной переработки сельскохозяйственного сырья и горнодобывающей промышленности. Одну из характерных сторон индустриализации составляло то, что из-за отсутствия квалифицированных кадров специалистов в республику переселялось большое

количество людей из других регионов СССР, прежде всего из РСФСР. За их счет пополнялся рабочий класс, инженерно-технические кадры, специалисты в области образования и здравоохранения.

Ключевые слова: СССР, республики Средней Азии, индустриализация, пятилетка.

Yu.M. Goncharov

Altai State University, Barnaul (Russia)

**ECONOMIC PRACTICES OF INTERACTIONS BETWEEN SLAVIC
AND TURKIC PEOPLES OF SIBERIA AND CENTRAL ASIA
DURING FIRSTS FIVE-YEAR PLANS**

Abstract. As a result of the economic practices of interaction between Slavic and Turkic peoples in the Soviet republics of Central Asia during the first five-year plans of the USSR, agriculture was raised, the foundations of the industrial industry were laid, and infrastructure was significantly developed. The industrialization of the region was carried out mainly in the sectors of primary processing of agricultural raw materials and mining industry. One of the characteristic aspects of industrialization was that due to the lack of qualified specialists, a large number of people from other regions of the USSR, primarily from the RSFSR, moved to the republic. At their expense, the working class, engineering and technical personnel, specialists in the field of education and healthcare were replenished.

Keywords: USSR, Central Asian republics, industrialization, five-year plan.

В начале 20-х гг. XX в. советские республики Центральной Азии находились в тяжелом экономическом положении. Негативное влияние оказывали последствия Первой мировой и Гражданской войн, проведение большевистской властью неоправданной политики в отношении коренного населения, проблемы, связанные с подавлением повстанческого движения. Промышленность находилась в упадке, не работали транспорт, связь, огромные посевные площади запустели. В регионе господствовали разруха, голод и безработица. Политика военного коммунизма, продразверстка усугубляли и без того тяжелое положение населения.

Несколько улучшилась ситуация в годы НЭПа, когда руководство страны ставило задачи поднять сельское хозяйство, что выразилось в проведении земельно-водной реформы, строить промышленные предприятия, сформировать национальный рабочий класс. Кроме того, поскольку регион был многонациональным, необходимо было учитывать национальные ценности, традиции его коренного населения. В частности, надо было решить вопрос национальной государственности, что привело к политике национально-территориального размежевания в 1924–1925 гг. и последовавшей за ней коренизации. Также под предлогом оказания помощи из центральных районов России в Туркестан переселили более 300 тыс. рабочих и крестьян [1, с. 21].

Однако усиление административно-командных методов управления социально-политической и экономической жизнью в конце 1920-х гг. привело к тому, что новая экономическая политика начала утрачивать свои позиции.

В середине 1920-х гг. советское правительство основное внимание сосредоточило на индустриализации страны. В республиках Центральной Азии планировалось построить множество промышленных предприятий и таким образом создать возможности для более эффективной разработки природных богатств и минеральных ресурсов региона, что должно было стать решающим условием построения социализма. Индустриализация должна была дать толчок для развития экономики региона. Этот процесс был связан с необходимостью привлечения крупных финансовых ресурсов, обеспечения разнообразной техникой, подготовки инженерно-технических кадров и другими предпосылками.

Так как республики не располагали такими возможностями, непосредственным инициатором и организатором процесса индустриализации в этом регионе стала РСФСР. Индустриализация региона планировалась преимущественно в перерабатывающих отраслях (в основном – переработка хлопка-сырца) и горнорудной промышленности.

В годы индустриализации, несмотря на то, что регион располагал очень богатыми энергетическими ресурсами, строительство крупных гидроэнергетических узлов шло достаточно медленно. Так, если сравнить мощность построенной в конце 1920-х гг. первой в Узбекистане ГЭС на реке Бозсу с возведенной на Украине ДнепроГЭС, то разница составляет 25 раз (50 тыс. и 2 тыс. квт/ч).

В период индустриализации в только в Узбекистане было возведено 17 хлопкоочистительных заводов. В Ташкенте, Самарканде, Бухаре, Маргилане и Шахрисабзе были построены гренажные фабрики, в Фергане (1930) и Ташкенте (1936–1939) – текстильный, в Чирчике – электрохимический комбинаты, в Ташкенте – машиностроительный завод, несколько предприятий по производству консервов, кирпичей и семян. В целом, согласно статистическим данным, в Узбекистане в годы первой пятилетки (1928–1932) были построены и введены в строй 289 и в годы второй пятилетки (1933–1937) – 189 крупных и небольших предприятий. Производство их продукции росло из года в год. Появились такие промышленные города, как Чирчик и Янгиюль. Количество построенных в республике ГЭС достигло 49. Были построены также железная дорога Ташкент–Ангрен и крупная автомагистраль Ташкент–Термез. Продолжалась механизация сельского хозяйства. Число тракторов в 1938 г. составило в Узбекистане 22 722, комбайнов – 1 497 [2].

Перед Великой Отечественной войной промышленность Узбекистана составляли 1445 крупных и мелких промышленных предприятий и около 19 тыс. мелких. В целом же взаимоотношения Центра с республиками региона строились на императивной основе, с применением административно-командных методов, что имело и негативные последствия [3]. За развитием промышленности стояло стремление превратить регион в поставщика цветных и редких металлов, хлопковолокна, сырья для производства шелка.

Построенные промышленные предприятия были ориентированы для производства сырья и полуфабрикатов. Эта продукция вывозилась для окончательной переработки в другие регионы СССР. При этом большинство промышленных предприятий, построенных в регионе, имели статус союзного подчинения.

Одну из характерных сторон индустриализации составляло то, что из-за отсутствия квалифицированных кадров специалистов в республику переселялось большое количество людей из других регионов СССР, прежде всего из РСФСР. За их счет пополнялся рабочий класс, инженерно-технические кадры, специалисты в области образования и здравоохранения. Так, например, население Узбекистана в период с 1926 по 1940 г. за счет переселенцев увеличилось на 750 тыс. человек, т.е. более чем на 10%.

В Туркмении новые ирригационные сооружения расширили площадь оазисов. Происходила механизация сельского хозяйства. За 1928–1938 гг. сред-

няя урожайность хлопка увеличилась на 112%, составив свыше 16,4 ц с 1 га. За те же годы продукция хлопка-сырца увеличилась в 2,9 раза и достигла более 200 тыс. т. Введены длиноволокнистые египетские сорта хлопчатника. Развивались ирригационные работы, был построен новый канал Палван-Газават, Джарский сброс на реке Мургаб. Заложены основы индустрии: текстильной, нефтяной, добыча глауберовой соли. В Ашхабаде построены хлопчатобумажная, шелкомотальная и обувная фабрики, стекольный завод, мясокомбинат. В Чарджоу созданы предприятия по производству ваты и обработки шелка. В Марах построена шерстомойка.

Число учащихся в школах Туркмении к началу третьей пятилетки (1933 г.) по сравнению с 1913 г. увеличилось более чем в 27 раз, насчитывались 1291 школа, 38 техникумов, 6 вузов, 18 научно-исследовательских учреждений, кинофабрика, издавалась 61 газета, 36 – на туркменском языке. До революции в Туркмении было три агронома, в 1933 г. – 1515.

В Киргизии также строятся промышленные предприятия. Практически вся промышленность республики создается заново. Так же, как в других республиках региона, она основана на добыче полезных ископаемых и на обработке сельскохозяйственного сырья. Добывался уголь в Ферганской долине (Кызыл-Кия, Сулюкта и др.), обрабатывался шелк (в Оше), строились рудники по добыче редких элементов. В Северной Киргизии производился сахар (в Канте и др.), сукно и мясопродукты (во Фрунзе).

В Казахской ССР (преобразована в 1936 г. из автономной республики РСФСР) продукция крупной промышленности в 1937 г. составила 841 млн руб., увеличившись по сравнению с 1913 г. в 14 раз. Тракторный парк насчитывал 29 тыс. тракторов. Караганда превратилась в третью угольную базу Союза. Из Караганды в 1940 г. к Магнитогорску для перевозки угля построена скоростными методами железная дорога Акмолинск – Карталы. На восточном берегу Каспийского моря развивались Эмбинские нефтяные промыслы. В центре Казахстана построен Карсакпайский медеплавильный завод, строится большой Джекказганский медный комбинат. Крупный медный комбинат построен у северного берега озера Балхаш. Расширен Риддеровский свинцово-цинковый комбинат в Алтайских горах. В Казахстане были основаны предприятия по производству удобрений, сахара, фруктовых консервов, положено начало хлопчатобумажной промышленности [4].

Развивается транспортная инфраструктура, были построены железные дороги: Турксиб, Петропавловск – Балхаш, Акмолинск – Карталы.

О Турксибе стоит упомянуть особо. Турксиб, или Туркестано-Сибирская железная дорога – одна из главных строек первой пятилетки СССР, связывающая Сибирь и Среднюю Азию, была проложена в 1927–1930 гг. Через степи, скалистые хребты, горные реки, пески было проложено 1445 километра рельсового пути. В первые годы существования Турксиба грузовые перевозки по нему удваивались каждые пять лет. Кстати, хочу напомнить, что у нас в Алтайском государственном университете в 2020 г. была проведена международная научная конференция, посвященная 90-летию со дня открытия Туркестано-Сибирской железной дороги.

Таким образом, в результате экономических практик взаимодействия славянских и тюркских народов в советских республиках Центральной Азии в годы первых пятилеток СССР было поднято сельское хозяйство, заложены основы промышленной индустрии, значительно развита инфраструктура. Индустриализация региона осуществлялась преимущественно в отраслях первичной переработки сельскохозяйственного сырья и горнодобывающей промышленности. Данный факт является основой для утверждений, характерных для современной историографии уже независимых государств региона, о колониальном характере индустриализации в эти годы. Не отрицая данного утверждения, хочется сказать, что, на мой взгляд, иного пути не было. Невозможно было создавать какие-то высокотехнологичные производства в регионе, где просто не было квалифицированных кадров и инфраструктуры, а подавляющее большинство населения было неграмотным. Только когда была создана развитая инфраструктура, полноценная система образования и науки, т.е. в 1960-1980-х гг. начинается создание высокотехнологичных производств.

Список использованных источников и литературы

1. Шаронова В.Г. Из истории социально-экономической политики советского государства в Средней Азии в 20-30-е годы XX века. М.: Рос. эконом. акад. им. Г.В. Плеханова, 2008. 70 с.

2. Восточные рубежи Союза: как изменилась Средняя Азия за первые пятилетки. [Электронный ресурс]. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/225795-vostochnye-rubezhi-soyuza-kak-izmenilas-srednyaya-aziya-za-pervye-pyatiletki>.

3. Ишанходжаева З. Р. Репрессивная политика советской власти и культура Узбекистана: трагедия выживания (1925–1953 гг.). Ташкент: Тафаккур, 2011. 288 с.

4. Ханин Г.И. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск: Наука, 1991. 267 с.

Сведения об авторе: *Гончаров Юрий Михайлович*, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, e-mail: yuriig@yandex.ru

И.Б. Бочкарева

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ТУРКЕСТАНА (1917–1924 гг.)

Аннотация. Центральным вопросом революций 1917 г. являлся вопрос о власти. В Туркестане, как и других национальных регионах бывшей Российской империи, вопрос о власти был сопряжен с решением национального вопроса и его ключевой составляющей – национальным самоопределением. Вопрос национального самоопределения населения Туркестанского края актуализировался после февральской революции и завершился национально-территориальным размежеванием региона в 1924 г. на несколько советских республик. Поскольку реальные шаги в этом вопросе были сделаны после Октябрьской революции, в статье анализируется политика РКП(б) и советского правительства, которая оказала определяющее влияние на процесс самоопределения населения Туркестана.

Ключевые слова: Туркестанская АССР, большевики, национальное самоопределение, национальное размежевание, пантюркизм.

I.B. Bochkareva

Altay State University, Barnaul (Russia)

NATIONAL SELF-DETERMINATION OF TURKESTAN (1917-1924)

Abstract. The central issue of the revolutions of 1917 was the power question. In Turkestan, as in other national regions of the former Russian Empire, the question of power was associated with the solution of the national question and its key component – national self-determination. The issue of national self-determination of the Turkestan population was actualized after the February revolution and ended with the national-territorial division of the region in 1924 into several Soviet republics. Since real steps in this matter were taken after the October Revolution, the article analyzes the policy of the RCP(b) and the Soviet government, which had a decisive influence on the process of self-determination of the population of Turkestan.

Keywords: Turkestan ASSR, Bolsheviks, national self-determination, national demarcation, pan-Turkism.

На протяжении периода 1917–1924 гг. подходы к определению характера национального самоопределения и политического статуса Туркестана задавала центральная власть в лице руководства РКП(б). Однако в отличие от имперского периода большевикам пришлось выстраивать свою политику с учетом новых социальных феноменов. В частности, речь идет о зарождающейся идеологии национализма в среде коренной политической элиты, которая после Февральской революции смогла довольно быстро выдвинуть свой национальный проект. К моменту Октябрьской революции местные национальные организации, возникшие после февральской революции, «Шурои Исламия» и «Улема Джамияти», определили основные требования национального проекта Туркестана, который готовились отстаивать на Учредительном собрании. Солидаризуясь с позицией I съезда мусульман России [1, с. 187], туркестанские националисты выступали за предоставление Туркестану статуса национально-территориальной автономии

в составе Российской Республики. Отметим, что весь период, пока проблема национального самоопределения была актуализирована в общественно-политической жизни региона, представители национального движения от либералов до коммунистов по идейной принадлежности определяли национально-политический статус Туркестана именно в форме автономии в составе Российской Республики, потом РСФСР. Дискуссия шла по вопросу, какой объем властных полномочий будет включать автономия, какая территория будет признана в качестве национальной автономной и какая национальная группа будет реализовывать право на самоопределение. Дискурс по национальному вопросу в Туркестане шел в рамках идей пантюркизма. Туркестанская интеллектуальная элита в процессе поиска национальной идеи и адаптации западного концепта нации к местной иерархии идентичностей видела в тюркских культурных и лингвистических корнях большинства населения Туркестана основу национальной консолидации и политического самоопределения региона как минимум в границах Туркестанского края, или в перспективе в формате «Большого Туркестана» с включением Бухары и Хивы. Вопрос о дроблении территории края на более мелкие автономные единицы как результат самоопределения отдельных народов региона на период революций 1917 г. не стоял [см. подр. 2].

Туркестанский комитет Временного правительства (официальная краевая власть)¹ и Советы рабочих и солдатских депутатов, выражавшие интересы русского меньшинства региона, весьма настороженно относились к заявкам мусульманских общественных организаций на власть, как и к проекту автономии края. Русских политиков как либерального, так и социалистического направлений сближало представление, что мусульмане должны допускаться к власти, но составлять меньшинство, достаточное для соблюдения принципа демократичности. Закономерно, что провозглашение советской власти в Ташкенте принципиально не изменило ситуацию доступа к власти для мусульманской политической элиты. III Съезд Советов Туркестанского края, начавший свою работу 15 ноября

¹ В первый состав Комитета под председательством Н.Н. Щепкина включал девять членов, четверо из них были представителями мусульманских народов России, но только один – М. Тынышпаев – являлся представителем собственно туркестанской «туземной» политической элиты. В партийном отношении Туркестанский комитет комплектовался из представителей кадетов и правых социалистических партий.

1917 г., большинством голосов одобрил предложенную большевиками резолюцию: «Включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым, как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, так и ввиду того, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций...» [3, л. 11]. Вопрос об автономии края вообще не нашел отражения в решениях съезда. Советская власть в Туркестане была провозглашена по классовому принципу, как диктатура трудящихся, но это была диктатура русских трудящихся.

Решения III съезда Советов Туркестанского края стали точкой размежевания мусульманского автономистского движения с советской властью. По мнению лидеров Шурои и Улема, принципы институционального оформления советской власти означали продолжение колониального правления в Туркестане. Ответом стало провозглашение Туркестана автономией в составе федеративной демократической российской республики на IV съезде мусульман в Коканде 27 ноября 1917 г. [4, л. 17]. Временное правительство в количестве 12 членов, 4 из которых должны были представлять европейскую общину, возглавил М. Тынышпаев.

После провозглашения Туркестанской автономии и Шурои, и Улема, тем не менее, пытались выстроить диалог с советской властью. Шурои обратилась в Совнарком РСФСР с предложением признать правительство Туркестанской автономии на основании права наций на самоопределение. Однако эти попытки были проигнорированы советским руководством. Для центрального советского правительства важен был тот факт, что власть в Ташкенте находится у большевиков, и главная задача заключалась в том, чтобы ее удержать, а не делиться ею, тем более что Кокандское правительство определялось как буржуазно-националистическое по классовым интересам. В противостоянии с Совнаркомом Туркестана Кокандское правительство, не располагая реальными ресурсами влияния (армия, финансы, массовая поддержка со стороны населения), не смогло перехватить политическую инициативу в свои руки. Ташкентский СНК по реко-

мендации центрального советского правительства взял курс на ликвидацию правительства Кокандской автономии военным путем, что и было сделано в начале февраля 1918 г.

Вместе с тем провозглашение в ноябре-декабре 1917 г. в ряде мусульманских регионов России (Туркестан, Башкирия, Казахстан) национальных автономий свидетельствовало о популярности этой формы и высоком мобилизационном потенциале идеи национального самоопределения для *коренного* населения. Ленин еще до революции отмечал, что идеология национализма способствует сближению национальной буржуазии и пролетариата на почве общности национальной культуры и интересов, создает своего рода «надклассовые альянсы» [5, с. 132]. Действительно, провозглашение советской власти в Ташкенте показало, что в Туркестане туземный пролетариат, помимо того, что являлся малочисленным, в политическом отношении поддерживал местные национальные организации. Ленин, как основной разработчик национальной политики большевиков, быстро осознал вызовы советской власти, исходящие от таких перспектив развития национального вопроса в условиях гражданской войны. Стратегической установкой РКП(б) на период гражданской войны в отношении «угнетенных народов» мусульманских регионов становится раскол надклассового альянса и привлечение на сторону советской власти широких слоев мусульманского населения. Сделать это предполагалось не отрицанием, а поддержкой национальной культуры и устремлений к национальному самоопределению коренного населения в форме автономии. Комментируя подходы советского правительства к проблеме национального самоопределения, Сталин, нарком по делам национальностей, отмечал: «Автономия есть форма. Весь вопрос в том, какое классовое содержание вкладывается в эту форму. Советская власть <...> за такую автономию, где бы вся власть находилась в руках рабочих и крестьян...» [4, л. 32]. Туркестанская АССР, провозглашенная в мае 1918 г., стала первой в ряду советских национальных автономий, созданных большевиками в мусульманских регионах России.

Значимым моментом в процессе национально-государственного развития населения региона стало определение статуса советской автономии в Туркестане как республики. Как представляется, республиканский статус национальной автономии призван был подчеркнуть действительно демократичный, народный характер советской власти и продемонстрировать политической активной части коренного населения фактически максимальное воплощение права на самоопределение. Что касается классового содержания автономии, то шагами в этом направлении стало создание Коммунистической партии Туркестана, I съезд которой прошел в июне 1918 г., а также создание по аналогии с Центром сети уездных и областных мусульманских бюро под общим руководством Краевого Мусбюро при Крайкоме КПТ. Мусбюро стали первым организационным шагом по работе с местным туземным населением и его включения в систему советских партийных и государственных органов. Краевое Мусбюро возглавил Турар Рыскулов.

Однако формальное решение задачи национального самоопределения не привело к нейтрализации национального вопроса в Туркеспублике, как рассчитывали большевики. Очередной вызов национальной политике РКП(б) и предложенной форме советской автономии в Туркестане связан с оформлением в КПТ так называемого национального варианта коммунизма. Выразителем взглядов этого направления стал уже упоминавшийся Т. Рыскулов. На III краевой конференции мусульманских коммунистических организаций в феврале 1920 г. он выступил за устранение системы колонизации, выражавшейся в сохраняющемся доминировании на руководящих должностях представителей русского меньшинства и ущемлении политических прав коренного населения, что в целом соответствовало установкам Москвы по национальному вопросу. Однако Рыскулов пошел дальше и предложил переименовать ТуркАССР в Тюркскую советскую республику РСФСР на основании того, что самоопределяющимся народом является тюркский народ [6, л. 19-20], а также расширить права автономии за счет создания национальных частей Красной армии и контроля над ними. При этом он допускал возможность расширения границ республики

за счет вхождения в нее других тюркоязычных народов. Предложения Рыскулова, по сути, представляли собой новую вариацию проекта «Большого Туркестана», перефразируя Сталина, Рыскулов попытался придать советской автономии национальное содержание. Проект Тюркской советской республики свидетельствовал о том, что первое поколение мусульманских коммунистов привлекало в советской альтернативе в первую очередь деколонизационная составляющая. Перспектива создания единой республики тюркских народов, весьма обширной по территории, была воспринята сначала членом Турккомиссии Фрунзе, потом Лениным как угроза советскому влиянию в тюркоязычных регионах и территориальной целостности РСФСР (тем более что со схожими идеями выступили лидеры татарской и башкирской элит в составе РКП(б) М. Султан-Галиев и А. Валидов). Близость идей мусульманских коммунистов идеологии пантюркизма делала ее очень сомнительной в глазах руководства партии. Проект Рыскулова как основа национальной политики в регионе был отклонен и подвергнут критике как проявление «буржуазного национализма». Именно в процессе разработки «Положения о задачах партии в Туркестане» в июле 1920 г. В.И. Ленин в поправках к его проекту внес свою известную рекомендацию: составить карту (этнографическую и проч.) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению; детальнее выяснить условия слияния или разделения этих трех частей [7, с. 436]. Можно сказать, что предложения Рыскулова стали одним из факторов, обусловивших поворот руководства РКП(б) к этнотерриториальным критериям национального строительства в Центральной Азии, позволившим впоследствии создать более дробные относительно проекта Тюркской республики и подконтрольные центру советские республики.

Вместе с тем тюркские ориентации как маркеры национальной идентичности и политических симпатий были по-прежнему привлекательны для части местных элит. Так, новый центр лоббирования тюркизма стал оформляться в лице Бухары. В результате пантюркизм стал восприниматься большевиками в качестве серьезной оппозиционной силы их власти в Туркестане. В этой связи размежевание ТуркАССР, а вместе с ней Бухары и Хивы по этническому прин-

ципу согласно ленинской схеме рассматривалось руководством ВКП(б), как способ нейтрализации пантюркистских настроений, тем более что данный подход находил определенную поддержку «снизу». Параллельно с пантюркизмом и панисламизмом в национальном дискурсе шел процесс оформления местных этнических национализмов. Именно их и поощряли большевики, стремясь изжить пантюркистские настроения части советских элит.

Таким образом, проекты самоопределения Туркестана после революций 1917 г., исходящие от местных национальных элит, основывались на идее наличия тюркских культурных и лингвистических корней большинства населения Туркестана как основы национальной консолидации и политического самоопределения региона с перспективой расширения его границ. Решая задачу утверждения советской власти в условиях гражданской войны, большевики продемонстрировали политическую гибкость и допустили саму возможность национального самоопределения и создания национальных территорий. Однако пантюркистская основа национальных проектов местных элит не отвечала принципам национальной политики и государственного строительства большевиков, которые предпочли направить процесс национальной консолидации в направлении этнокультурного самоопределения населения региона.

Список использованных источников и литературы

1. Из резолюции Всероссийского мусульманского съезда. Май 1917 г. // Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти. Документы и извлечения. – Барнаул, 2016.
2. Бочкарева И.Б. Автономистское движение в Туркестане в период революций 1917 года // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2 (94) (Июнь). С. 53-57.
3. РГАСПИ Ф. 71. Оп. 34. Д. 1561.
4. РГАСПИ Ф. 71. Оп. 34. Д. 1632.

5. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу (1913 г.) // Полное собрание сочинений. Т. 24. М., 1969.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 79.
7. Ленин В.И. Замечания на проекте решения ЦК о задачах РКП(б) в Туркестане // Полное собрание сочинений. Т. 41.

Сведения об авторе: *Бочкарева Ирина Борисовна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения ИИМО Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия, e-mail: portnygina@yandex.ru

Н.И. Курбанов

Московский государственный институт международных отношений
(МГИМО МИД РФ), Москва (Россия)

**ТУРКМЕНСКАЯ ССР НАКАНУНЕ НЕЗАВИСИМОСТИ:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Аннотация. В статье анализируется степень развития экономики Туркменской ССР накануне распада СССР и ее готовность к независимости. По результатам проделанной работы можно прийти к следующим выводам: 1) Экономика Туркменской ССР была фактически полностью не готова к независимости, ибо не имела развитой структуры промышленности, сельского хозяйства, а также в общесоюзной статистике занимала отнюдь не лидирующие позиции. Тем не менее наличие огромных запасов нефти и газа, развитой химической промышленности и высокая фондовооруженность предприятий республики позволили немного сгладить экономические шоки.

Ключевые слова: Туркменская ССР, СССР, Туркменистан, экономика, промышленность, сельское хозяйство, нефть, газ.

N.I. Kurbanov

MGIMO University, Moscow (Russia)

**TURKMEN SSR ON THE EVE OF INDEPENDENCE:
SOCIAL AND ECONOMIC ASPECTS**

Abstract. The article analyzes the level of Turkmen SSR's economy development by 1991 and its readiness for independence. Based on the results of the work done, the following conclusions can be drawn: 1) Turkmen SSR economy was in fact completely unprepared for independence, because it did not have a developed industry, agriculture, and also did not occupy leading positions in the all-Union statistics. Nevertheless, the huge reserves of petroleum and natural gas, a developed chemical industry and a high capital ratio of the enterprises made it possible to smooth out economic shocks.

Keywords: Turkmen SSR, USSR, Turkmenistan, economy, industry, agriculture, petroleum, natural gas.

Туркменская ССР накануне обретения независимости находилась в очень зависимом положении от союзного центра, поэтому обретение независимости стало для республики экономическим шоком. Данная тема актуальна по нескольким аспектам. Во-первых, в российской науке публикаций по Туркменистану в целом и по Туркменской ССР в частности крайне мало, а если таковые и встречаются, то рассматривают эти аспекты очень бегло. Во-вторых, состояние туркменской экономики на 1991 г. и степень ее интегрированности в общесоюзный экономический комплекс также представляются неосвещенными до конца, так как опять-таки публикаций по этой теме очень мало.

Поэтому *целью* настоящей работы является анализ уровня развития экономики Туркменской ССР на момент 1991 г., чтобы ответить на вопрос, готов ли был Туркменистан к независимости. *Методология исследования:* в работе использованы методы экономического, геополитического, а также историко-сравнительного анализа.

Туркменская ССР накануне обретения независимости была сильно интегрирована в общесоюзное экономическое пространство, поэтому явно была не готова к такому историческому повороту. Любопытно, что на референдуме о сохранении СССР 17 марта 1991 г. именно жители Туркменской ССР больше всего хотели, чтобы Союз, пусть и в обновленной форме, но сохранился – при рекордной явке в 97,7% «За» сохранение СССР высказалось 97,9% [1, с. 25]. Более того, во время проведения самого референдума некоторые союзные республики (в том числе Россия и Украина) стали назначать параллельно свои собственные плебисциты или же произвольно менять формулировку главного вопроса, в корне меняя его смысл, в целях дальнейшего давления на союзный центр [2, с. 142–147]. Ничего подобного в Туркменской ССР зафиксировано не было, что лишний раз свидетельствует о неготовности и даже фактическом нежелании Туркменистана принять независимость.

С экономической точки зрения страна подошла к 1991 г. с целым набором экономических «плюсов» и «минусов». Что касается «минусов», первым из них можно назвать тот факт, что Туркменистан был одной из самых малонаселенных республик СССР, и с распадом страны на обширной территории нового государства проживало примерно 3,8 млн человек [3], которые были разбросаны в основном по приграничным районам – центр республики был фактически безлюден. Примечательно, что среди населения более 40% находилось в возрасте менее 14 лет, что затрудняло экономическое развитие [4, с. 61]. Более того, Туркменская ССР обладала целым рядом других негативных демографических факторов: самая низкая в СССР продолжительность жизни (66,4 года в 1990 г.) [5, с. 6], самый высокий после Латвии уровень материнской смертности (55,2 на 100 тыс. родившихся в 1989 г.) [6, с. 84], одна из самых низких долей населения, обучающегося в средних специальных (34 тыс. человек в 1990-1991 учебном году) и высших учебных заведениях (42000 человек) [6, с. 96] и т.д. Вместе с этим серьезной проблемой стал массовый отъезд русского населения из страны, ибо уезжали в основном высококвалифицированные специалисты, без которых экономика ТуркССР функционировать просто не могла.

Во-вторых, Туркменская ССР не обладала разветвленной промышленной базой. За весь советский период на территории ТуркССР появилось лишь несколько стратегически важных предприятий, большинство из которых относились к химической промышленности. Т.А. Джумаев вообще считает, что полностью был оснащен как раз только сегмент химической промышленности, предприятия которого из-за высоких транспортных издержек располагались недалеко от месторождений [4, с. 61]. Доля Туркменистана в выпуске промышленной продукции была самой низкой в СССР и равнялась 0,5% [5, с. 8] в 1988 г. Более того, доля ТуркССР в общем ВВП по ППС составляла 1%, показатель же ВВП по ППС на душу населения – 8,6 тыс. долларов [5, с. 10–11], что также показывает неразвитость национальной экономики и ее большую зависимость от Центра. Поэтому, как убедительно показал А.Г. Данков, в 1992–1998 гг. экономика Туркменистана была ввергнута в тяжелый кризис – в 1997 г. уровень ВВП Туркменистана составил лишь 54,1% от уровня 1991 г. [7, с. 88–92].

В-третьих, сельское хозяйство в Туркменской ССР также было развито очень слабо во многом из-за сурового климата. Поэтому ТуркССР очень серьезно зависела от импорта продовольствия (и в целом товаров народного потребления) из России и Узбекистана – Е.М. Рутгайзер указывает, что в республику ввозилось более 50% товаров народного потребления, из них продовольственных товаров – 30%, а непродовольственных – 70% [8, с. 14]. Несмотря на то, что главной сельхозкультурой республики был хлопок, подавляющая его часть поставлялась в Россию на переработку, в то время как в самой республике обрабатывалось только 3% этого сырья [4, с. 61]. В общесоюзной же статистике доли Туркменской ССР очень скромные: в произведенной продукции сельского хозяйства – 1,3% (от всего СССР в 1990 г.), валового сбора овощей – 1,5%, зерна – 0,2%, поголовья крупного рогатого скота – 0,7% [5, с. 8]. Площади коллективного огородничества и садоводства вообще составляли в совокупности 3,3 тыс. га (меньше было только в Таджикистане – 1,2 тыс. га) [6, с. 242]. Все это ставило под удар продовольственную безопасность ТуркССР.

В-четвертых, давало о себе знать и тяжелое экономическое положение, сложившееся во всем СССР в то время. Е.М. Рутгайзер говорит о следующих

проблемах туркменской экономики: 1) огромный дефицит государственного бюджета (более 1 млрд руб.); 2) неконтролируемое увеличение денежной массы – только в 1991 г. этот объем увеличился на 35–40% и достиг 8,4 млрд руб., причем потратить эти деньги было затруднительно – в том же 1991 г. розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли сократился на 20%; 3) сохранение динамики превышения доходов населения над расходами (в 1991 г. эта разница составила 1,2 млрд руб., что было в 4 раза выше, чем в 1990 г.); 4) развился спекулятивный рынок, где цены были в 3–5 раз выше государственных [8, с. 13–14], что еще больше осложняло экономическое положение ТуркССР. Кроме того, большой проблемой стала замкнутость советского экономического комплекса, разрешалось поставлять продукцию только в рамках СССР, что резко сужало доходную часть туркменского бюджета. Так, в соответствии с общесоюзной политикой субсидирования энергии ТуркССР выплачивалось в среднем всего 70 коп. за тысячу кубометров газа – главного экспортного сырья республики – что составляло поразительную разницу от мировой рыночной стоимости [4, с. 61], причем Туркменистан располагал единственным газопроводом «Средняя Азия – Центр», ведущим в Россию. Все это делало обретение независимости для Туркменистана крайне болезненным.

Однако нельзя не сказать и о «плюсах» туркменской экономики, которые затем и помогли стране оправиться от экономического шока, вызванного распадом СССР. На наш взгляд, самым главным «плюсом» для ТуркССР являлось наличие огромных месторождений газа и крупных месторождений нефти. Так, по оценке British Petroleum в 2001 г., запасы нефти составляли 0,2 млрд тонн, газа – 6,7 трлн куб. [9, с. 24] – второе место в СНГ после России. Более того, благодаря наличию месторождений в ТуркССР имела развитая химическая промышленность, которая играла важную роль во всей экономике СССР. Так, в 1987 г. ТуркССР добывала 12,1% всех газовых разработок в СССР, что говорит о серьезной развитости данного сектора экономики [5, с. 9].

Во-вторых, еще одним «плюсом» можно считать то, что у ТуркССР был один из самых высоких показателей прироста населения после Таджикистана и Узбекистана – 72% за 1970–1990 гг., причем показатель естественного прироста

также оставался одним из самых высоких в СССР – 26 человек на 1000 человек населения [5, с. 6], что давало Туркмении серьезный демографический дивиденд.

В-третьих, темпы роста туркменской экономики были одними из самых лучших в СССР. Так, в 1990 г. индекс общего объема продукции, выпущенной ТуркССР, составил 102% от уровня 1989 г. (лучший показатель по всему СССР), удельный вес предприятий, не выполнивших договорные обязательства, составил всего 14% (ниже – только в Белоруссии, в то время как в РСФСР – 25%) [6, с. 207–213]. Кроме того, Туркменская ССР с большим отрывом лидировала по показателю фондовооруженности промышленно-производственного персонала в расчете на одного работающего – 44,9 тыс. руб. в 1989 г. (в среднем по СССР – 22,5 тыс. руб.) [6, с. 219], что свидетельствует о большом «запасе прочности» туркменских предприятий. Вместе с этим Т.А. Джумаев считает, что еще одним «плюсом» можно считать и отсутствие крупного промышленного сектора, так в отличие от той же РСФСР или УССР, Туркменистан не имел таких тяжелых последствий в связи с массовым закрытием предприятий [4, с. 62].

Таким образом, экономика Туркменской ССР оказалась совсем не готовой к независимости, так как республика в общесоюзной статистике занимала довольно скромные позиции, а по многим показателям (особенно развитости сельского хозяйства и промышленности) находилась на последних местах. Более того, сильная зависимость от импорта продовольствия и непродовольственных товаров, слаборазвитая структура промышленности и ограниченные возможности сбыта туркменской продукции ставили под угрозу экономическую и продовольственную безопасность ТуркССР. Тем не менее были и позитивные моменты (наличие развитой химической промышленности, впечатляющий «запас прочности» туркменских предприятий, высокий уровень прироста населения, хорошие темпы экономического роста и т.д.), которые немного сгладили последствия развала общесоюзной экономики и становления новой экономической структуры Туркменистана.

Список использованных источников и литературы

1. Горин В.С. Политико-правовые аспекты проведения референдума о сохранении СССР // *Инновации и Инвестиции*. 2015. № 4.
2. Юрчак Д.В. Референдум 17 марта 1991 года в СССР в условиях противостояния центра и республик // *Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. статей*. Минск, 2017. Вып. 5. С. 135–153.
3. Population Pyramid.net/ Туркмения/1991. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.populationpyramid.net/ru/туркмения/1991/> (дата обращения: 8.05.2022).
4. Джумаев Т.А. Развитие экономики Туркменистана в период правления Президента С.А. Ниязова // *Клио*. 2011. № 8 (59).
5. Калабеков И.Г. СССР и страны мира в цифрах: справочное издание. М., 2022.
6. СССР в цифрах в 1990 году: крат. стат. сб. / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1991.
7. Данков А.Г. Развитие экономики Туркменистана в первые годы независимости (1992–1998 гг.) // *Вестник Томского государственного университета*. 2013. № 374.
8. Рутгайзер Е.М. Проблемы макроэкономической сбалансированности развития народнохозяйственного комплекса Туркменистана: дис. ... докт. экон. наук: 08.00.05. Ашхабад, 1991.
9. Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М., 2001.

Сведения об авторе: *Курбанов Назар Исламович*, стажер-практикант Центра пространственного анализа международных отношений института международных отношений (ЦПАМО ИМИ), МГИМО МИД России, Москва, Россия, e-mail: nazar.kurbanov2001@yandex.ru

**СЕКЦИЯ 1. ОБРАЗОВАНИЕ СССР
И НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ 100-ЛЕТИЕ**

Д.А. Аманжолова

Институт русской истории Российской академии наук, Москва (Россия)

**К ВОПРОСУ ОБ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ
И РЕГЛАМЕНТАЦИИ ФЕДЕРАТИВНОГО ОБЛИКА СССР**

Аннотация. В статье анализируется динамика формирования и специфика деятельности наиболее важных управленческих звеньев, которые были призваны реализовать с национальную политику в СССР. Советский проект предполагал установление баланса центра и субъектов развивающейся федерации, и в формирующейся иерархии центра, территориальных и этнополитических единиц особую роль играли специально создаваемые политические институты. Выделяются наиболее важные проблемы их становления, показана специфика и значение специальных государственных органов и звеньев управления в обеспечении устойчивости и развитии многонационального государства в 1920–1930-е гг.

Ключевые слова: СССР, федерализм, национальная политика, управление, политическая система.

D.A. Amanzholova

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

**ON THE ISSUE OF MANAGEMENT STRUCTURES AND REGULATION
OF THE FEDERAL IMAGE OF THE USSR**

Abstract. The article analyzes the dynamics of the formation and the specifics of the activities of the most important management units that were called upon to imple-

ment the national policy in the USSR in the 1920s and 1930s. The Soviet project assumed the establishment of a balance between the center and the subjects of the developing federation, and specially created political institutions played a special role in the emerging hierarchy of the center, territorial and ethnopolitical units. The most important problems of their formation are highlighted, the specifics and importance of special state bodies and management units in ensuring the stability and development of a multinational state are shown.

Keywords: USSR, federalism, national policy, governance, political system.

Взаимоотношения центра и республик, как и субъектов федерации между собой, оставались почти перманентно чувствительными в советском проекте нациестроительства, при этом они были прямо связаны со всеми другими вопросами комплексного перехода от традиции к модерности, а решение их зависело от партийного руководства. После упразднения Наркомнаца именно отдел ВЦИКа по советской линии ведал практически всеми областями и инструментами управления этносферой.

Несмотря на наличие и усиление постоянного руководства со стороны общесоюзных партийных органов, ВЦИК оставался значимой структурой в системе исполнительной власти, имея непосредственное отношение ко всем преобразованиям во всех областях развития государства и общества. При этом этносоциальная и этнокультурная проблематика пронизывала все стороны жизни страны, что превращало Отдел национальностей ВЦИК в связующее звено между разными наркоматами, ведомствами и органами управления на местах, активного проводника национальной политики и своеобразным центром социальной защиты многочисленных народов РСФСР.

Вместе с тем принятие Конституции СССР и формирование нового облика советской политической системы требовало большего внимания к новым органам союзной власти, призванным олицетворять и проводить в жизнь принципы равенства и модернизации всех народов страны. На XII съезде партии в апреле 1923 г. говорилось о создании Совета национальностей [1, с. 171]. В июне 1923 г. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками нацио-

нальных республик и областей решило учредить в составе ЦИК СССР две равноправные палаты (Союзный Совет и Совет Национальностей). Закрепление сталинской линии в этнополитике после совещания выразилось в проведении чистки от «буржуазных националистов» всех парторганизаций Востока [2].

Он был создан еще при Наркомнаце, но теперь получал новый импульс к работе и формально вполне весомый статус. На местах участие в Совете рассматривали как важный рычаг в повышении статуса и расширении возможностей взаимодействия с центральной властью. Уже в мае 1925 г. секретарь мордовской секции ЦК партии З. Дорофеев обратился в Политбюро, а затем вместе с другими мордовскими деятелями к М.И. Калинину с просьбой о включении двух представителей мордвы во ВЦИК и двух в Совет национальностей как злободневной. «Нужно заметить, – отмечал Дорофеев, – что в настоящее время все народности, даже самые маленькие, объединенные в автономные единицы, имеют своих представителей при ЦИКе, и лишь двухмиллионное население мордвы лишено этой возможности».

М.И. Калинин же писал в июне 1925 г. И.В. Сталину о необходимости повысить значимость Союза национальностей «в разработке национальных вопросов, стоящих перед президиумом ЦИК Союза. Кроме того, в политическом отношении крайне важно, чтобы Совет национальностей стал бы более популярен, представляя себя на деле перед националами». Это было важно, в том числе в связи с ростом числа союзных республик после национально-территориального размежевания в Средней Азии. В качестве инструмента для решения данной задачи всесоюзный староста предлагал усилить кадрами секретариат президиума Совета национальностей, прежде всего за счет утверждения на должности заместителя секретаря С.М. Диманштейна, «как знакомого с национальной работой и связанного с этой работой в ЦК» [3, с. 136-142; 4, л. 20; 5, л. 1-2].

Президиум Совета национальностей меж тем занимался всевозможными вопросами организационно-политического свойства, внося вклад в согласование с другими высшими органами власти и управления мер по развитию языков, обеспечению прав национальных меньшинств, развитию средств массовой информации по национальному вопросу, корректировке границ между автономия-

ми и союзными республиками в ходе их формирования и пр. Так, в октябре 1925 г. было решено возобновить издание журнала «Жизнь национальностей», сделав его «более популярным» с выпуском 8–10 номеров в год по 10–12 п.л. Судя по тому, что журнал на деле выходил до 1924 г., эта инициатива не была поддержана второй палатой и Президиумом ЦИК СССР. Очевидно, по той же причине не состоялась и полноценная реализация решения президиума Совета национальностей от 6 октября 1925 г. о создании при нем института по изучению национального вопроса.

Президиум Совета национальностей собирался один раз в две недели, автономные республики и области должны были направлять представителей на эти заседания при обсуждении касавшихся их вопросов, в самих автономиях предлагалось широко обсудить «положение национального вопроса», в том числе среди национальных меньшинств, с участием членов Совета и «специальных лиц». В первую очередь предлагалось организовать обследования в районах Средней Азии, Закавказья, Казахской, Татарской, Башкирской и Чувашской автономий, а также Рязанской губернии и Калмыцкой АО. При этом в Среднюю Азию, где лишь прошло национально-территориальное размежевание, было решено отправить специальную комиссию президиума Совета национальностей. Планировалось также заслушивать доклады наркоматов о выполнении решений очередного съезда советов СССР. Но уже 27 октября 1925 г. фракция президиума Совета национальностей, заслушав вопрос о его работе, констатировала, что президиум «со дня своей организации регулярно не работал, вследствие чего до сих пор необходимого авторитета в стране не создал и не установил правильного соотношения к себе со стороны наркоматов, прессы и т.п.». Было решено, что «такое положение вещей грозит подрывом авторитета... всего Президиума ЦИК Союза ССР» и потому необходимо «срочным развертыванием планомерной работы в корне изменить» ситуацию [6, л. 7–8, 17].

В начале января 1926 г. В.М. Молотов подтвердил наличие проблем в урегулировании прав и полномочий субъектов федерации, а также взаимодействия их с центром: «Создали Совет Национальностей, который ничего не делает. Это орган на 9/10 русский. Тут до известной степени националов обида сохранилась.

Тут националы сидят, там русские сидят, ничто, конечно, не оживит межнациональные органы. Они национальные вопросы не решают, партийные вопросы не решают, но массовые административные вопросы пусть националы решают» [7, с. 100–125]. Однако налаживание взаимодействия внутри многоступенчатой иерархичной системы с не вполне разделенными функциями и полномочиями на деле было весьма затруднительно. Наибольшие сложности управления испытывало руководство РСФСР как крупнейшего федеративного объединения внутри СССР.

В июне 1926 г. в связи с проверкой выполнения решений 4-го национально-го совещания 1923 г. Оргбюро ЦК постановило создать комиссию для проработки вопроса об усилении работы Совета Национальностей и его Президиума. 28 февраля 1927 г. было принято постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) об улучшении работы Совета Национальностей ВЦИК. Признавалось необходимым усилить регулярную работу его Президиума. Основными задачами последнего устанавливались: подготовка вопросов к очередным сессиям Совета Национальностей, проверка осуществления центральными ведомствами мероприятий по оказанию помощи отдельным союзным и автономным республикам, областям и нацменьшинствам; заслушивание докладов республик, областей и нацменьшинств по разным вопросам их «хозяйственного и культурного положения», рассмотрение возбуждаемых субъектами федерации всех уровне вопросов. Между тем своего технического аппарата Президиум Совета национальностей иметь не мог, хотя и предлагалось обсудить, как обеспечить его «по крайней мере несколькими» постоянно работающими членами. Политбюро данное постановление передало на разрешение Комиссии по руководству IV съездом Советов СССР [8, с. 475–476], что в общем отражало отношение к Президиуму и самому Совету Национальностей как не требующему специального внимания со стороны высшего этажа власти. В 1934 г. при ЦИК СССР был открыт НИИ национальностей, призванный заниматься историей коммунистических партий в национальных республиках, национального революционного движения, социалистической реконструкции экономики, культуры и быта. В 1937–1938 г. он

был переименован в Центральный НИИ языка и письменности народов СССР при Совете национальностей ЦИК СССР [9].

К сожалению, история Совета Национальностей пока не получила достаточного освещения в историографии. Между тем это могло бы способствовать более конкретному представлению об управленческих практиках федеративного строительства, детализации механизма взаимодействия институциональных звеньев политической системы, сложившейся в изучаемый период и надолго сохранившей свой облик. Просопографический подход в этом контексте содержит потенциал, необходимый для осмысления взаимодействия представителей разных слоев иерархически организованной номенклатуры и ее этнополитического компонента. Столь же востребованным остается изучение роли национальных представительств союзных и автономных субъектов федерации как посреднических структур в системе взаимосвязи центра и национально-государственных образований.

В конце 1920-х–1930-е гг. сложный период экспериментов и интенсивных преобразований постепенно заменяется более последовательным и системным встраиванием этнополитики в общую схему укрепления жестко централизованной власти и унификации всех уровней и звеньев управления. Административно-территориальное деление, государственно-правовой статус, степень экономической самостоятельности, обеспечения культурной и языковой идентификации народов СССР рассматривались властью как составные части политики «развертывания наступления социализма по всему фронту» и демонстрации неоспоримых преимуществ нового строя. После принятия Конституции СССР 1936 г. отдел национальностей ВЦИК был упразднен, как и должности представителей автономных республик и областей при ВЦИК. Национальным вопросом занимался Президиум Совета национальностей, но его фактическая роль в конце 1930-х гг. сведена к минимуму.

Перекройка административно-территориальной карты страны была связана с крупными социально-экономическими трансформациями, направленными на строительство социализма, в том числе с индустриализацией и урбанизацией, радикальными изменениями социального состава населения, масштабными ми-

гациями, землеустройством и т.д. Власть стремилась упорядочить систему управления в стране, укрепить механизм централизованного подчинения областей, краев и республик и объединения их в единый народнохозяйственный и политический организм. Одной из задач было выравнивание уровней социально-экономического и культурного развития разных регионов, сильно отличавшихся по хозяйственному потенциалу, этнокультурному составу населения, природным, кадровым, социальным ресурсам и возможностям. В конечном счете, совокупность внутривнутриполитических мероприятий направлена на формирование качественно новой надэтнической и надконфессиональной гомогенной социальной общности, долженствующей представлять миру единственно верный пример и образец всестороннего прогресса. Скрупулезное проведение в жизнь принципа территориальной регламентации этничности приводило к заметным различиям в размерах, численности и плотности населения, социально-культурных особенностях и других параметрах национально-территориальных образований. Противоречие между экономическими интересами и национально-административным принципом было в определенной мере преодолено, но командно-силовые и бюрократические методы управления и преобразований имели негативные последствия.

Заложенные в основу административно-территориального разграничения регионов страны по этническому признаку, который во многом искусственно привязывался к определенной местности, проблемы координации и распределения полномочий, средств, кадров, ресурсов и ответственности постоянно сопровождали жизнедеятельность субъектов федерации и их управленцев. Повышение статуса национальной территории связывалось не только с общим переформатированием административной карты страны, оно объяснялось «обострением классовой борьбы» в условиях коллективизации и положением аналогичных приграничных регионов. Этнические «бренды» также становились важными средствами утверждения нового формата не только политического, но и географического пространства. Численное преобладание титульного этноса было обязательным условием создания «субъекта» федерации и повышения его статуса. Этнополитическое руководство на местах стремилось использовать конъюнктурные об-

стоятельства для получения более выгодных условий финансирования и развития через переход на более высокую ступень административно-территориальной пирамиды. Соблюдение и совершенствование принципов федерализма стало в том числе одним из инструментов репрезентации нового общества, призванных идеологически обеспечивать справедливость и безусловную прогрессивность развития огромного многонационального государства в сравнении с капиталистическим миром, жестко поделенным на метрополии и ограбляемые ими колонии.

Список использованных источников и литературы

1. XII съезд РКП(б). Стенограмма заседания секции съезда по национальному вопросу 25 апреля 1923 г. // Известия ЦК КПСС. 1991. № 5.
2. Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М., 1992.
3. «Что касается государственного строительства, тут, пожалуй, не все еще ясно». Записка И.В. Сталина членам Политбюро ЦК РКП(б). 1923 г. // Исторический архив. 2019. № 6.
4. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 997.
5. РГАСПИ Ф. 78. Оп. 7. Д. 45.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 3.
7. «Как вести руководство, на что ориентироваться?». Стенограмма совещания секретарей парторганизаций в ЦК ВКП(б) по вопросу о «большевиизации национальных кадров». 1926 г. // Исторический архив. 2015. № 5.
8. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1. 1918–1933 гг. М., 2005.
9. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1934. № 16.

Сведения об авторе: *Аманжолова Дина Ахметжановна*, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, ИРИ РАН, Москва, Россия, e-mail: amanzholova19@mail.ru

Р.Ю. Почекаев

НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург (Россия)

**К ИСТОРИИ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ПЕРВЫЕ
МЕСЯЦЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ: ПОПЫТКА ДЕМИЛИТАРИЗАЦИИ
БУХАРСКОГО ЭМИРАТА В 1918 г.**

Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки
и высшего образования РФ, госзадание по проекту «Тюркский мир
"Большого Алтая": единство и многообразие в истории и современности»
(реестровый номер 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

Аннотация. В статье анализируются цели и результаты «Колесовского похода» на Бухару в феврале-марте 1918 г. На основе анализа источников, советской, современной отечественной и зарубежной историографии автор приходит к выводу, что главной целью этого похода являлось разоружение Бухарского эмирата с целью обеспечения безопасности Туркестанской АССР в условиях интервенции и Гражданской войны. Однако в силу целого ряда причин эта цель так и не была достигнута, что, в конечном счете, привело к новому конфликту с Бухарой и падению эмирата в 1920 г.

Ключевые слова: РСФСР, Советский Туркестан, Бухарский эмират, Гражданская война в России, иностранная интервенция, демилитаризация.

R.Yu. Pochekaev

National Research University Higher School of Economics,
Scientific Educational Center “The Great Altai” of the Altai State University,
St. Petersburg (Russia)

**ON THE CENTRAL ASIAN POLICY OF RUSSIA DURING THE FIRST
MONTHS OF THE SOVIET POWER: ATTEMPT OF DEMILITARIZATION
OF THE BUKHARA EMIRATE IN 1918**

Abstract. The article is an analysis of goals and results of the “Kolesov’s raid” against Bukhara in the February-March of 1918. Basing on the historical source, Soviet, modern Russian and foreign historiography author finds that the main goal of the

raid was a disarmament of the Bukharan Emirate to guarantee the security of the Turkestan ASSR during the Civil war and foreign intervention. Because of different reasons the goal was not achieved and that resulted in the new conflict with Bukhara and fall of the Emirate in 1920.

Keywords: RSFSR, Soviet Turkestan, Bukharan Emirate, Civil war in Russia, foreign intervention, demilitarization.

Одним из первых решений советского правительства стало предоставление независимости ряду владений Российской империи, в т.ч. ее протекторатам – Бухаре и Хиве [1, с. 38; 2, с. 144]. Но упускать контроль над этими владениями большевики, безусловно, не собирались, в результате в 1920 г. Бухарский эмират и Хивинское ханство были упразднены, созданы, соответственно, Бухарская и Хорезмская народные республики, тут же признанные РСФСР и вошедшие в состав СССР в 1924 г.

Однако первая попытка восстановления российского контроля над бывшими протекторатами имела место гораздо раньше, ранней весной 1918 г.: речь идет о событиях так называемого «Колесовского похода». Действуя совместно с младобухарцами, председатель туркестанского Совнаркома Ф.И. Колесов 1 марта 1918 г. во главе небольшого отряда вступил в Каган (Новую Бухару) и направил эмиру Алим-хану ультиматум, требуя сформировать новое правительство из младобухарцев и провести реформы в административной, налоговой и уголовной сферах. На попытку затянуть принятие решения Колесов предпринял атаку на Бухару, заставив эмира принять ультиматум. Но тот, воспользовавшись возобновлением переговоров, стянул к городу войска и объявил газават. Отряд Колесова не смог противостоять превосходящим силам противника и 5 марта отступил. Эскалация конфликта привела к резне русских на территории эмирата, а также джадидов и их сторонников. Около 10 тыс. представителей русского населения и младобухарцев покинули бухарские владения и направились в Туркестан вместе с Колесовым [3, с. 83; 4, с. 136–137; ср.: 5, с. 103].

Поскольку власти и Туркестана, и Бухары не желали полномасштабной войны, 25 марта на железнодорожной станции Кызыл-Тепе (в 60 км от Бухары) был подписан мирный договор. По его условиям стороны обменивались пленниками, бухарские власти брали на себя обязательство вернуть контроль над Среднеазиатской железной дорогой русским властям, восстановить разрушенные во время конфликта пути за свой счет и возместить иные убытки. Со своей стороны, туркестанские большевики обязывались поддерживать добрососедские отношения с Бухарой, соблюдая все ранее заключенные договоры.

«Колесовский поход» неоднократно привлекал внимание исследователей, оценки которых в отношении событий и действий их участников существенно различаются. Советские авторы возлагали вину за конфликт на Бухарский эмират, а в неудаче Колесова, вину младобухарцев [1, с. 51, 57; 2, с. 145; 6, с. 6–7]. В зарубежной и постсоветской литературе, напротив, ставится под сомнение враждебность Бухары советской власти, а Колесов предстает авантюристом, слишком поспешно принявшим решение о вторжении и своими действиями восстановившим против себя все население эмирата [7, с. 4–5; ср.: 8, с. 133].

Последствия «Колесовского похода» и, в частности, соглашение от 25 марта 1918 г. также по-разному оцениваются исследователями. Одни авторы полагают, что, несмотря на военное поражение, туркестанские власти добились большинства поставленных целей, заставив эмира подписать невыгодный для себя мирный договор [8, с. 124]. Другие, напротив, считают подписанное соглашение триумфом эмира Алим-хана [9, р. 77; 10, р. 156].

Большинство авторов обращает внимание преимущественно на политические и экономические факторы и последствия «Колесовского похода». При этом практически игнорируется аспект, на наш взгляд, являвшийся решающим для Ф.И. Колесова – демилитаризацию Бухарского эмирата. Свои наблюдения мы базируем на таких источниках, как сам текст Кызыл-тепинского соглашения, свидетельства самого Ф.И. Колесова, Г. Сафарова, М.В. Фрунзе, а также британского агента Ф.М. Бейли, побывавшего в 1918–1920 гг.

По мнению некоторых исследователей, обвинение Бухары в агрессивных намерениях необоснованно: эмир, воспитанный в России и реально оценивавший соотношение советских и собственных сил и ресурсов, в принципе не мог начать войну с Туркестаном [7, с. 4]. Однако остается фактом, что осенью 1917 – зимой 1918 г. власти эмирата провели три мобилизации, увеличив численность своих войск с 10 000 до 30 000 чел. и намеревались довести до 50 000 [2, с. 145]. Также бухарцы скупали оружие в русских поселениях на территории эмирата и казаков, возвращавшихся с фронта по Среднеазиатской железной дороге [5, с. 82–83; 8, с. 120]. Было бы наивно полагать, что столь многочисленные (по бухарским масштабам) войска были собраны только для обороны эмирата. Следовательно, сведения о военных мерах, предпринимавшихся эмиратом, не могли не беспокоить туркестанские власти – особенно с учетом того факта, что как раз в это время они были отрезаны от центрального советского правительства и противостояли войскам атамана А.И. Дутова и Кокандской автономии.

Несомненно, эмир Алим-хан не рассматривал возможности самостоятельного выступления против Туркестана, а ориентировался на союз с другими анти-советскими силами – той же Кокандской автономией, британскими властями Индии и др. И хотя вероятность его переговоров с англичанами до «Колесовского похода» ряд исследователей подвергает сомнению, последующие события подтверждают, что, по крайней мере, такое намерение у него имелось и до действий Ф.И. Колесова. На это указывают косвенные признания британского агента Ф.М. Бейли о присутствии в Бухаре неких индусов-коммерсантов, которые, в частности, регулярно совершали поездки из Бухары в Ташкент [11, р. 30].

Соответственно, председатель Совнаркома Туркестанской АССР имел основания опасаться агрессивных намерений со стороны Бухары и решил предпринять превентивные действия. Инициатива младобухарцев, пообещавших ему поддержку трудящихся эмирата оказалась, таким образом, лишь дополнительным фактором, повлиявшим на сроки проведения операции.

Исследователи при анализе ультиматума Колесова эмиру обращают основное внимание на вопросы о смене правительства и проведении реформ. Однако

он сам вполне однозначно называет среди требований разоружение бухарской армии. И делегация, направленная им в столицу эмирата (где вскоре была уничтожена), должна была, в первую очередь, проследить за соблюдением именно этого требования [5, с. 89–90; см. также: 12, р. 390].

В заключенном 25 марта соглашении несколько пунктов также указывают на значение, которое туркестанские власти придавали демилитаризации Бухары, поэтому считаем необходимым их процитировать:

«Слушали: 1. Совместными усилиями обезоружить бухарско-подданных.

Постановили: Редакция принята с добавлением пожелания бухарских уполномоченных «оставить вооружение в глубоких степях, которое необходимо для охраны скота, уменьшив это вооружение на половину и заменив винтовки дробными ружьями».

2. Оставить регулярную армию в пределах штатов, существовавших до последних событий.

Воспретить покупку всякого рода боевого огнестрельного оружия и снаряжения. Редакция принята с добавлением «в числе двенадцати тысяч при 12 военачальниках».

Все старые медные орудия остаются у бухарского правительства. Все новые орудия казеннозарядные выдаются вместе с пулеметами, если таковы окажутся, России.

3. Выдать всех русских контрреволюционеров и офицеров русской армии, скрывающихся в Бухарском ханстве.

Принято без изменений» [5, с. 99; см. также: 13, с. 38 прил.].

Как видим, 3 из 9 пунктов соглашения (причем первые) посвящены как раз разоружению и сокращению армии эмирата и выдаче тех, кто мог стать ее инструкторами. На наш взгляд, это полностью подтверждает тот факт, что именно ликвидация потенциальной военной опасности со стороны эмирата, а не смена правительства и реформы в нем были главной целью рейда Ф.И. Колесова.

Советские власти в Туркестане, не имея возможности проконтролировать выполнения выдвинутых условий, были вынуждены довольствоваться формаль-

ным их принятием со стороны эмира [14, р. 268–269]. Неудивительно, что вскоре эмир вновь приступил к милитаризации Бухары, что еще раз доказывает обоснованность подозрений ташкентских властей и позволяет сделать вывод, что цель, поставленная Ф.И. Колесовым, так и не была достигнута.

Главной причиной активизации действий эмира стала английская интервенция в Закаспийском крае [15, с. 11–12]. Современные исследователи, опираясь на британские источники об интервенции в Закаспийском крае, утверждают, что неоднократные требования эмира Алим-хана о присылке в Бухару британского экспедиционного корпуса для совместного выступления на Ташкент [8, с. 132–133; 11, р. 169] игнорировались, а британское оружие было поставлено в эмират только после принятия решения об уходе интервентов из Закаспийского края. Причем это был единственный караван с несколькими тысячами ружей в сопровождении двух индийских сержантов, который «в воображении» ташкентских властей якобы превратился в «нескончаемый поток оружия» и «600 британских военных инструкторов» [16, с. 155–156, 201].

Думается, авторы подобных утверждений сильно преуменьшают масштабы сотрудничества Бухары с британскими властями. Вполне вероятно, что от интервентов официально в эмират пришел всего один караван. Однако после «Колесовского похода» разгрому подверглись не только русские поселения на территории эмирата, но и гарнизоны на границе с Афганистаном, который к этому времени вновь оказался под британским контролем. В результате через неконтролируемую русскими границу проходили караваны с оружием, наемники и военные инструкторы, которые вполне могли выдавать себя за афганцев [2, с. 146].

Соответственно, уже к 1919 г. Бухарский эмират восстановил прежнюю боеспособность [8, с. 131–132; 11, р. 301], что позволило его властям вести себя более агрессивно в отношении Ташкента. Помимо уже открытого участия в антисоветской коалиции с англичанами и Афганистаном власти эмирата установили контакты и с антисоветскими элементами в самом Туркестане [8, с. 131; 12, р. 390]. Кроме того, бухарские власти демонстрировали враждебность советскому Туркестану и другими способами – в частности, отказавшись вести с ним тор-

говлю (под предлогом нежелания принимать в качестве оплаты советские знаки), переориентировав рынок, складывавшийся столетиями на британские владения в Индии и, через их посредничество, на европейские страны [1, с. 79–80; 8, с. 129–130, 11, р. 246–247].

Таким образом, доводы, высказанные уже в 1920 г. М.В. Фрунзе об агрессивности эмирской Бухары и невозможности ни поддерживать с ней мирные отношения, ни игнорировать ее в условиях неопределенных отношений с Турцией и Персией, представляются вполне обоснованными [17, с. 73–75; 18, с. 508; см. также: 14, р. 274]. Эмират в сложившейся ситуации мог стать плацдармом для вторжения на территорию РСФСР, а его войска – авангардом сил интервенции. Именно эти соображения и привели к событиям 1920 г., в результате которых Бухарский эмират прекратил свое существование.

Список использованных источников и литературы

1. Искандаров Б.И. Бухара (1918–1920 гг.). Душанбе: Дониш, 1970. 170 с.
2. Тухтаматов Т.Г. Русско-бухарские отношения в конце XIX – начале XX в. Победа Бухарской народной революции. Ташкент: Фан, 1966. 179 с.
3. Сафаров Г. Колониальная революция (Опыт Туркестана). М.: Государственное изд-во, 1921.
4. Генис В. Вице-консул Введенский. Служба в Персии и Бухарском ханстве (1906–1920 гг.). Российская дипломатия в судьбах. М.: Социально-политическая мысль, 2003. 416 с.
5. Колесов Ф.И. Восстание в Бухаре в 1918 году // Революция в Средней Азии: сборник 3. М.; Ташкент: ОГИЗ, 1932. С. 73–104.
6. Назаров М.Х. Из истории Узбекистана в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (Научно-популярный очерк) // Труды Среднеазиатского государственного университета им. В.И. Ленина. Вып. LVII.
7. Генис В. «С Бухарой надо кончать...» К истории бутафорских революций. Документальная хроника. М.: МНПИ, 2001. 96 с.

8. Пылев А.И. Политическое положение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в 1917-1920 гг. Выбор путей развития. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005. 192 с.
9. Bailey F.M. A Visit to Bokhara in 1919 // *Geographic Journal*. Vol. 57. 1921. P. 75–95.
10. Carrère d'Encausse H. Islam and the Russian Empire: Reform and Revolution in Central Asia / Transl. by Q. Hoare. London; New York: I.B. Tauris, 2009. 267 p.
11. Bailey F.M. Mission to Tashkent. London: Jonathan Cape, 1946. 312 p.
12. Khalid A. Society and politics in Bukhara, 1868–1920 // *Central Asian Survey*. Vol. 19. No. 3/4. 2000. P. 367–396.
13. Becker S. Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924. Cambridge: Harvard University Press, 1968. 416 p.
14. Ишанов А.И. Государственный строй Бухарской Народной Советской Республики: автореф. ... докт. юрид. наук. М., 1950. 32 с.
15. Куприянов А.В. Англо-индийская интервенция в Закаспийском крае в 1918–1919 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015. 219 с.
16. Васильев А.Д. М.В. Фрунзе о политической ситуации вокруг экспорта революции в Бухару // *Восточный архив*. 2018. № 2 (38). С. 71–76.
17. Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. II. Сентябрь 1919 г. – декабрь 1920 г. / отв. ред. Т.Е. Елеуов, Х.Ш. Иноятов. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1964. 724 с.

Сведения об авторе: *Почекаев Роман Юлианович*, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, главный научный сотрудник Научно-образовательного центра «Большой Алтай» Алтайского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ropot@mail.ru

И.А. Суздальцев

ГБОУ Школа № 1381, Москва (Россия)

**ПОЛИТИКА КОМИНТЕРНА В ОТНОШЕНИИ ЭТНОРЕГИОНОВ
ПЕРЕДНЕЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ДО ОБРАЗОВАНИЯ СССР**

Аннотация. В статье анализируется политика Коминтерна – международной организации, объединявшей коммунистические партии в 1919–1943 гг. в отношении усиления влияния на государства и государственные образования в Азии, позже вошедшие в состав СССР. В статье проанализирована литература, публицистические материалы и организационные документы Коминтерна, автор стремится проследить особенности взглядов лидеров Коминтерна в отношении народов Востока до образования СССР. Делается вывод, что деятельность Коминтерна во многом способствовала «советизации» этих регионов.

Ключевые слова: I конгресс Коминтерна, II конгресс Коминтерна, Восточный отдел ИККИ, Туркестанское бюро ИККИ, Первый Съезд народов Востока, Совет пропаганды и действия.

I.A. Suzdaltsev

GBOU School № 1381, Moscow (Russia)

**THE POLICY OF THE COMINTERN TOWARDS
THE ETHNO-REGIONS OF WESTERN AND CENTRAL ASIA
BEFORE THE FORMATION OF THE USSR**

Abstract. The article analyzes the policy of the Comintern regarding the strengthening of influence on the states and state formations in Asia, which later became part of the USSR. The article analyzes the literature, journalistic materials and organizational documents of the Comintern, the author seeks to trace the peculiarities of the views of the leaders of the Comintern in relation to the peoples of the East before the

formation of the USSR. It is concluded that the activities of the Comintern largely contributed to the "Sovietization" of these regions.

Keywords: I Congress of the Comintern, II Congress of the Comintern, Eastern Department of the ECCI, Turkestan Bureau of the ECCI, the First Congress of the Peoples of the East, Propaganda and Action Council.

Актуальность темы видится в том, что деятельность Коминтерна тесно связана с внешней политикой РСФСР/СССР, в том числе ее восточного направления. Вскоре после основания III Интернационала одним из его организаторов, членом Исполкома (ИККИ) Л.Д. Троцким было высказано предложение перенести маршрут мировой революции на Восток, создать на Урале или в Туркестане штаб азиатской революции. Соответственно, за несколько лет до создания СССР, проводником политики на территориях, которые войдут в ее состав как в составе ЗСФСР, так и позже в составе других союзных республик, был Коминтерн, политика которого способствовала «прощупыванию почвы», в том числе и «штыком», в ряде азиатских этнорегионов¹.

В современной историографии присутствует ряд мнений относительно периода, когда лидеры Коминтерна обратили внимание на азиатские регионы в качестве расширения своей сферы влияния. По мнению английского исследователя Дж. Эли [2, р. 182], уже на I конгрессе были заложены тенденции на создание там советских правительств. Его соотечественник Д. Пристланд считает, что политика в отношении стран Востока получила развитие в 1920 г. [3, с. 379]. Современные отечественные историки чаще всего отмечают, что на I конгрессе еще не поднимался вопрос о революциях на Востоке. По мнению сотрудника Института Дальнего Востока РАН И.Н. Сотниковой, серьезное внимание Востоку стало уделяться в начале 1920-х гг. [4, с. 40–41]. Ю.А. Балашов считает, что «первым инструментом воздействия Коминтерна на политическую обстановку в Средней Азии и на Ближнем Востоке стало так называемое Ближневосточное бюро», созданное в 1920 г. [5, с. 346]. А.Ю. Ватлин, приводя в качестве примера цитату В.И. Ленина о вовлечении в политику трудящихся Востока, от которых зависит

¹ Как известно, «красноармейским штыком» В.И. Ленин в 1920 г. предлагал прошупать Польшу [1, с. 229].

судьба западной цивилизации, пишет, что на Востоке советское влияние укреплялось на протяжении 1920-х гг. [6, с. 143]. Соответственно, приводятся точки зрения, что до 1922 г. Коминтерн уже проводил активные действия на азиатской части будущего СССР.

На I конгрессе (1919 г.) восточный вопрос не поднимался, слово было дано для небольшого доклада Г. Айкуни и Г. Ялымову. Хотя представительство азиатских народов было достаточно значительным: Айкуни был делегатом от Армении, Объединенная группа восточных народов России помимо Ялымова была представлена еще четырьмя делегатами, имелись представители Туркестанской, Грузинской и Азербайджанской секций Центрального бюро восточных народов [7, с. 235–242, 250–251].

На II конгрессе (1920 г.) национальному и колониальному вопросам было посвящено уже два отдельных заседания (26 и 28 июля). С приветственным словом от хорезмских трудящихся выступал Б. Салимов. Помимо него на конгрессе присутствовал один делегат от Азербайджана, Армении, Бухары, шесть – от Грузии [8, с. 347–348, 619–625]. Перенесение внимания на азиатские страны подчеркивал в своем выступлении Г.Е. Зиновьев: «Теперь просыпается Восток, новые сотни миллионов людей. Эти народы пробуждены русской революцией» [9, с. 2473].

В ноябре 1919 г. началась революция в Хивинском ханстве. В Коминтерне в это время был создан Восточный отдел ИККИ. Коммунисты Хивы обратились к правительству РСФСР и в Исполком Коминтерна за военной поддержкой, которая была оказана. В итоге, в феврале 1920 г. хивинский хан отрекся от престола, а в апреле была создана Хорезмская народная советская республика. В этом же месяце с помощью Красной армии была установлена советская власть в Азербайджане [10, с. 174–175]. Параллельно в Коминтерне создавались органы, которые должны были отвечать за восточное направление: 5 июля 1920 г. было создано Туркестанское бюро ИККИ; 8 августа в Ташкент назначены три доверенных лица ИККИ для осуществления там конкретных решений Исполкома Коминтерна – Г.И. Сафаров, Г.Я. Сокольников и М. Рой [11, с. 10; 27, 30–31]. В 1920 г. планировалось ускорить военными акциями «советизацию» Армении

и Грузии. Но Политбюро запретило военное вмешательство в дела Армении, а также, как выразился секретарь ЦК РКП(б) Е.А. Преображенский, было принято решение «оставить в покое грузинских меньшевиков и потом разделаться с ними уже на почве невыполнения явно им непосильных пунктов соглашения» (Московского договора 7 мая 1920 г.) [12, с. 348].

Переориентация Коминтерна нашла отражение и в журнале «Коммунистический Интернационал»: в 1920 г. количество статей, посвященных странам Азии, значительно увеличилось. Например, член Туркбюро ЦК РКП(б) Г.И. Сафаров писал о ситуации в Туркестанской республике, отмечая, что массового движения в Ташкенте в пользу советов не могло быть. Антисоветский мятеж, поднятый в Ташкенте в январе 1919 г., Сафаров называет белогвардейским восстанием с участием левых эсеров, хотя руководитель мятежа К.П. Осипов являлся большевиком. Также Сафаров подчеркнул отсталую экономическую обстановку в регионе и трудность пути революции на востоке [13, с. 2761, 2767–2768]. Однако вскоре в Туркестане во многом благодаря деятельности Советского правительства (руководители которого входили в Исполком Коминтерна) и Красной Армии были образованы органы Советской власти, а в сентябре 1920 г. была образована Туркестанская (автономная) Социалистическая Советская Республика [14, с. 134].

1 сентября 1920 г. открылся организованный Коминтерном Съезд восточных народов, на что главный редактор «Коммунистического Интернационала» М.В. Кобецкий отреагировал статьей, в которой отметил высокий уровень сознательности делегатов съезда. Несмотря на достаточно формальный характер съезда, удалось осуществить ряд практических мер: был создан Совет пропаганды и действия, в ноябре 1920 г. начал издаваться журнал «Народы Востока» на русском и турецком языках, в Баку открылись 6-недельные ударные курсы, на которых читались лекции по политической экономии, советскому строительству и т.д. [15, с. 3367]. Все это, по мнению Г.И. Сафарова, способствовало развитию классового сознания на Востоке, которое, однако, необходимо еще развивать [16, с. 3127–3128].

Таким образом, начало восточной политики Коминтерна относится еще к 1919 г., однако основные события, произошедшие в будущих советских республиках на Востоке, датированы 1920 г.: была создана Хорезмская народная советская республика, установлена советская власть в Азербайджане, создано Туркестанское бюро ИККИ, планировалась «советизация» Грузии и Армении, была образована Туркестанская (автономная) Социалистическая Советская Республика, открылся Съезд восточных народов, был создан Совет пропаганды и действия, начал издаваться журнал «Народы Востока» на русском и турецком языках. Безусловно, не ко всем событиям Коминтерн имел прямое отношение, однако его опосредованное влияние имеет место быть хотя бы по той причине, что лидеры Советского правительства и Красной армии являлись также членами Исполкома Коминтерна, в рамках которого также обсуждались те или иные политические решения, связанные с указанными выше событиями.

Список использованных источников и литературы

1. Войтиков С.С. Высшие кадры Красной Армии. 1917–1921 гг. М.: Эксмо, 2010. 480 с.
2. Eley G. Forging democracy: The history of the left in Europe, 1850-2000. Oxford: Oxford univ. press, 2002. 698 p.
3. Пристланд Д. Красный флаг: история коммунизма. М.: Эксмо, 2011. 973 с.
4. Сотникова И.Н. Китайский сектор Коминтерна: организационные структуры, кадровая и финансовая политика: 1919-1943 гг. М.: Восточная литература, 2015. 406 с.
5. Балашов Ю.А. Структура и деятельность аппарата ближневосточной политики Коминтерна // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Международные отношения, политология, регионоведение. 2004. № 1. С. 346-360.
6. Ватлин А.Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М.: РОССПЭН, 2009. 374 с.

7. Первый конгресс Коммунистического Интернационала. Март 1919 г. М.: Партийное издательство, 1933. 275 с.
8. Второй конгресс Коммунистического Интернационала. Июль-август 1920 г. М.: Партийное издательство, 1934. 754 с.
9. Зиновьев Г.Е. Второй конгресс Коммунистического Интернационала. Доклад на заседании Петросовета 12 августа 1920 г. // Коммунистический Интернационал. 1920. № 13. С. 2459–2476.
10. Емельянова Е.Н. Политика Советской России по отношению к странам Среднего Востока в начале 20-х гг. XX века // Научный диалог. 2016. № 7 (55). С. 171–185.
11. Адиебеков Г.М., Шахназарова Э.М., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919-1943. М.: РОССПЭН, 1997. 286 с.
12. Преображенский Е.А. Архивные документы и материалы: 1886–1920 гг. / сост. М.М. Горинов. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2006. 728 с.
13. Сафаров Г.И. Колониальная революция. Опыт Туркестана // Коммунистический Интернационал. 1920. № 14. С. 2759-2768.
14. Лысенко Ю.А., Лысенко М.Ф. К вопросу о политике коренизации аппарата государственного управления в Туркестанской и Киргизской (Казахской) автономных советских социалистических республиках РСФСР (1919–1924 гг.): цели, этапы и итоги // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3/2(87). С. 131-138.
15. Кобецкий М.В. Заседание ИККИ 28 ноября // Коммунистический Интернационал. 1920. №15. С. 3367–3370.
16. Сафаров Г.И. Восток и революция // Коммунистический Интернационал. 1920. № 15. С. 3127–3140.

Сведения об авторе: *Суздальцев Илья Алексеевич*, кандидат исторических наук, преподаватель истории, ГБОУ Школа № 1381, Москва, Россия, e-mail: ialoko90@mail.ru

С.А. Жусіп, Х.Б. Маслов

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Нур-Султан (Казахстан)

АЛАШ – АВТОНОМИЯ С КЛАССИЧЕСКИМИ ПРИЗНАКАМИ СУВЕРЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Статья подготовлена в рамках реализации проекта AP13067722 «Мобилизация казахов на тыловые работы Первой мировой войны: новые факты и материалы» и AP08855676 «Новейшая интерпретация участия казахов в Первой мировой войне в 1916-1917 годах: художественно-документальные произведения, исторические документы, архивные материалы»

Аннотация. В статье авторы впервые предприняли попытку рассмотреть историю движения, партии и Автономий Алаш, руководствуясь не какими-то идеологическими установками, как прежде, а объективной научной точкой зрения, и приходят к выводу, что Автономная Республика Алаш представляла собой историческую основоположницу современного казахского государства.

Ключевые слова: Автономия Алаш, федерация, трансформация, республика, суверенитет, независимость, Алаш Орда, советская власть.

S.Kh. Zhussip, Kh.B. Maslov

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan (Kazakhstan)

ALASH IS AN AUTONOMY WITH THE CLASSIC FEATURES OF A SOVEREIGN STATE

Abstract. In this article, the authors for the first time made an attempt to consider the history of the movement, party and Autonomies of Alash from a completely different point of view, guided not by some ideological attitudes as before, but from an objective scientific point of view, and finally to recognize the Autonomous Republic of Alash as the historical founder of the modern Kazakh state.

Keywords: Alash autonomy, federation, transformation, republic, sovereignty, independence, Alash Horde, Soviet power.

Идеологические истоки движения «Алаш», приведшие к провозглашению Автономии Алаш в 1917 г., формировались несколько раньше. Идея казахской автономии возникла не вдруг и не благодаря Февральской революции 1917 г. Она родилась накануне первой русской революции 1905–1907 гг., и ее истоком стало общественно-политическое течение Сибирское областничество, возникшее среди сибирской интеллигенции в середине 60-х гг. XIX в. Одним из идеологов и основателей его являлся Григорий Потанин, русский ученый, общественный деятель, близкий друг двух выдающихся представителей Великой степи, причем двух разных поколений – Чокана Валиханова и Алихана Букейхана (*второй родился через год после преждевременной смерти первого – в 1866 году. – Авт.*). В 1865 г. Г.Н. Потанин был арестован по делу «Общества независимости Сибири» и привлечен к суду по обвинению в стремлении отделить Сибирь от России. В действительности же, под областничеством подразумевалась автономия в составе России. Революция 1905-1907 гг. придала новое дыхание движению областничества, но не среди сибирской интеллигенции, а среди казахской элиты «Алаш». Об этом свидетельствует письмо А.Н. Букейхана основателю сибирского областничества Г.Н. Потанину от 11 мая 1905 г. *«В вопросах федеративного (союза) устройства русского государства, – писал А.Н. Букейхан в письме, – казахи пойдут в рядах крайних областников. Я вступил в переписку с известными влиятельными казахами и надеюсь из них организовать отделение сибирского союза. Омичи (русские) равнодушны к вопросам областничества и склонны думать так, как думает автор «сибирских очерков» из газеты «В[осточное]. О[бозрение].». Чем дальше идет история, тем областничество теряет свой резон. Один вид омичей (русских), слушающих вас, при разговоре об областничестве, наводит на отчаянный пессимизм»* [1, л. 119].

Из этой цитаты следует вывод о том, что казахское национальное движение «Алаш» изначально сформировалось в виде отделения сибирского областничества, организатором и лидером отделения был А.Н. Букейхан. И в дальнейшем он выступит теоретиком, пропагандистом и лидером казахского областничества.

Нельзя не заметить тот факт, что лидеры казахского областничества рассматривали все возможные варианты, которые можно обозначить как пессимистический и оптимистический в зависимости от развития революционного движения в России. Согласно пессимистическому сценарию, казахский народ может добиться автономии вместе с Сибирью и в его составе [2, с. 1]. Этот вариант, судя по всему, был предусмотрен на случай, если Россия перейдет из самодержавия в конституционную монархию. Этот сценарий оставался востребованным даже после Февральской революции. Так, например, Конституционно-демократическая партия, одна из влиятельных в 1906–1917 гг., членом ЦК которой являлся А.Н. Букейхан, выступила против автономии и федерации. В знак протеста Алихан Букейхан вышел из ее рядов и создал казахскую партию «Алаш» [3, с. 1]. Во-вторых, еще оставалась неопределенность, каким государством провозгласит Россию Всероссийское учредительное собрание, созыв которого откладывался с намеченного августа месяца 1917 г., вплоть до 5 января 1918 г. Именно поэтому А.Н. Букейхан во главе казахской делегации принял участие в работе I Сибирского областного съезда, состоявшегося в Томске 8-17 октября 1917 г. Съезд избрал Временное правительство Сибири, А.Н. Букейхан стал одним из его министров [4, с. 3]. В своей статье «Жалпы Сібір сиезі» («Общесибирский съезд») он так объяснил свою позицию: *«Итак, в основной закон (конституцию) Сибирской автономии будет внесена отдельная статья о том, что казахская нация и другие народы, занимающие исконные территории в Сибири, временно присоединятся к Сибирской автономии, сохраняя при этом право на отделение, в случае необходимости создания собственной автономии. [...] у нас мало управленцев, а народ в своей массе безграмотен. И мы подумали: чтобы безболезненно отделиться от пут великой державы при помощи Сибири, будет разумно сперва примкнуть к ней, а затем, достаточно окрепшись, отделиться от нее в суверенное государство»* [2, 1].

Но был также оптимистический вариант развития событий, по которому Страна казахов, как суверенное государство, будет поддерживать с Россией дружеские отношения в статусе доминиона [5, с. 118]. Об этом говорится в проекте конституции под названием «Устав Страны казахов», разработанным видным деятелем движения «Алаш» Б. Сырттанулы в 1911 году в Петербурге.

После Февральской революции 1917 г. статус доминиона обретал вполне реальные черты.

Годом ранее, в 1910 г., в своем очерке «Киргизы» («Казахи»), А.Н. Букейхан перечислил 9 областей и одну губернию, которые казахи занимали испокон веков и где они доминировали по численности над крестьянами-переселенцами [6, с. 241–242]. Тем самым он четко обозначил территориальные пределы будущего государства казахов. В декабре 1917 г., на II Общеказахском курултае эти территории, а также ряд уездов Алтайской губернии, будут объявлены территорией Республики Алаш [7, с. 69].

Февраль 1917 г., ознаменовавший крах царской империи, дал колониальным народам надежду на национальное освобождение и свободу выбора своего исторического пути развития. Об этом, например, гласила телеграмма, отправленная группой элиты «Алаш» во главе с А.Н. Букейханом 16 марта из Минска во все казахские области (*всего 25 адресов*):

«Взошло солнце свободы, равенства и братства для всех народов России. Необходимо казахам организовать для поддержания нового строя и нового правительства...»

Казахи должны подготовиться к учредительному собранию и наметить достойных кандидатов. Призываем вас бросить казахские споры и домашние дразни. Лозунг народа – единение и справедливость!

Спешно обсудите аграрный вопрос. Наш лозунг «демократическая республика» и земля тому, кто извлекает доход из неё скотоводством и земледелием. Не бойтесь никого, кроме Бога!» [8].

Весной и летом 1917 г. состоялись областные курултаи (съезды) казахов Тургайской [7, с. 54–61], Уральской [7, с. 21–36], Семипалатинской и других областей, а также два общеказахских съезда (*I состоялся 2–8 апреля 1917 года в Оренбурге с участием делегатов из 6 областей; II – прошел также в Оренбурге под вывеской I съезда 21–28 июля. – Авт.*) [7, с. 46–53; 62–75]. Первым в повестке дня всех съездов стоял вопрос о государственном строе в России, по которому все областные и общеказахский съезды приняли идентичные постановления, выражавшие надежду на провозглашение России федеративной республикой. Это постановления подразумевали, что казахским областям должно

быть предоставлено права самостоятельно решать вопросы областного значения в качестве равноправного субъекта новой федеративной России. Принятие решения по этому вопросу возлагалось на Всероссийское учредительное собрание, созыв которого неоднократно откладывался.

Но все усиливающийся политический кризис в России, приведший к свержению Временного правительства и захвату большевиками центральной власти, вынудил лидеров партии «Алаш» пересмотреть намеченный путь национального освобождения через областную самостоятельность в структуре государственной власти России на общенациональную автономию.

На официальном уровне эта позиция была отражена в проекте Программы партии «Алаш» в ноябре 1917 г. [7, с. 88]. В ней было отмечено, что Россия должна стать демократической федеративной республикой, состоящей из равноправных государств, выражаясь современным термином – субъектов федерации. Одним из этих субъектов федерации должна быть «автономия киргиз» (казахов. – Авт.), слагающаяся из казак-киргизских областей [7, с. 89]. Несомненно, что лидеры «Алаш» под «автономией» подразумевали государство казахов, являющееся по форме правления республикой, но с ограниченными суверенными правами из-за вхождения в союз равноправных государств. При этом нужно обратить внимание на то, что Казахстан, то есть Автономия Алаш, не входит в состав России, а вместе с ней и другими субъектами на добровольной основе образует союз государств по наглядному опыту США (*Наименование The United States of America (USA) дословно и по смыслу переводится как Союз Государств Америки, а не как Соединенные Штаты Америки. – Авт.*), то есть федерацию под названием «Российская федеративная республика». Опыт США по инициативе лидеров Алаш (А.Н. Букейхан, Р. Марсеков) подробно обсуждался на том же I Сибирском съезде в Томске, завершившимся за неделю до большевистского путча. *«Я представляю себе нашу Российскую республику в виде только федерации штатов, – заявил А.Н. Букейхан на съезде. – Ведь, для того, чтобы штат существовал, нужно, ведь, чтобы были или хозяйственные общие признаки губернии, которая может быть соединена в один штат, или этнографические... Почему не может составить один штат наша Прибалтийская губерния, губернии центрально-промышленного района,*

губерний Тамбовская, Орловская. Вот я и представляю, что если наша Российская республика разобьется на отдельные штаты, от этого только получится счастье людей, которые живут в Российской республике» [9, л. 73].

Автономный характер государств, образующих союз, выражался в добровольном ограничении суверенных прав каждого из них путем учреждения наднациональных государственных органов в виде президента, государственной думы (парламента) и правительства, которые наделялись бы полномочиями решать общефедеральные задачи. При такой конструкции федеративного государства народы бывшей колониальной империи получили бы, по замыслу лидеров «Алаш», возможность автономного государственного развития, не разрывая исторически сложившихся хозяйственно-экономических и социокультурных связей с Россией.

Эти замыслы элиты «Алаш» свидетельствуют, что они внимательно изучили опыт развитых демократических стран Запада: США, Великобритании, Канады, Австралии. В своей статье «Туркестан», опубликованной в апреле 1917 г. в связи с формированием Туркестанского комитета по управлению Туркестаном с предоставлением ему полномочий по определению его автономного статуса, А.Н. Букейхан снова затронул тему доминиона [10, с. 1]. Проанализировав состав и личности каждого из членов Турккомитета (*4 из 9 членов являлись видными представителями тюрко-мусульман России, бывшими депутатами Государственной думы I, II и III созывов, А. Букейхан, М. Тынышбайулы, С. Максуди, генерал А. Давлетишин, П. Преображенский и А. Липовский – уроженцы Туркестана, В. Елплатиевский и Б. Шкапский – исследователи этого края. – Авт.*), он предположил, что получение Туркестаном статуса доминиона вполне реально. Статус доминиона предоставлен таким колониям Великобритании, как Австралия, Канада и Оранжевая республика, которые обладают всеми атрибутами суверенного государства. *«Судя по всему, резюмировал А.Н. Букейхан свой взгляд, после Учредительного собрания Туркестан станет суверенным государством» [11, т. VI, с. 370].*

Между тем предполагаемую элитой «Алаш» автономию необходимо воспринимать в качестве автономного государства с республиканской (демократической) формой правления, характерными чертами которого являются выбор-

ность всех ветвей государственной власти по вертикали от высших представительной, исполнительной и судебной до местного самоуправления (земства). Поскольку в проекте Программы партии «Алаш» речь шла об автономии всех казахских областей, то есть общенациональной автономии и, с учетом ее места в предполагаемой федеративной республике, следует ее считать – в современной трактовке – автономной республикой.

Разумность и необходимость подобной трактовки автономии наглядно демонстрируется постановлениями II Всеказахского курултая от 5–13 декабря 1917 г., состоявшегося в Оренбурге. В его работе приняли участие 43 полномочных представителя, избранных во Всероссийское учредительное собрание, а также по 2 представителя от областных казахских комитетов и уездов, всего 81 делегат [11, т. VI, с. 419], представлявших Букеевскую орду, Уральскую, Тургайскую, Акмолинскую, Семипалатинскую, Семиреченскую, Сырдарьинскую области, казахских уездов Ферганской, Самаркандской областей, Амударьинский отдел Прикаспийской области, смежных Бийского, Змеиногорского и Барнаульского уездов Алтая.

В повестке дня курултая было десять вопросов, касающихся будущей казахской национальной государственности. Все они были посвящены таким аспектам государственного строительства, как форма государства, взаимоотношения казахской автономии с другими самопровозглашенными независимыми субъектами политической власти на территории России, судебная власть, местное самоуправление и т.д.

Курултай, объективно оценив текущую политическую ситуацию в России после захвата власти большевиками в октябре 1917 г., увидел явную угрозу гражданской войны на намеченной территории Автономии Алаш, оказавшейся без легитимной государственной власти после свержения Временного правительства. Воззвание большевиков о переходе власти в России советам еще не означало ее фактического распространения на всю прежнюю территорию Российской империи. В связи с этим И. Сталин в «Обращении к советам Казани, Уфы, Оренбурга, Екатеринбурга, Совнаркому Туркестанского края и другим» в апреле 1918 г. отмечал: *«Революция, начатая в центре, распространялась на окраинах, особенно на восточных, с некоторым опозданием»* [12, с. 69].

И ... «к началу 1920 года почти вся территория Казахстана (за исключением части Семиречья) оказалась под властью Советов» [13, с. 70].

Обесквоенные надвигающимся хаосом, анархией на своей территории, делегаты курултая решили учредить твердую власть, которую признало бы все казахское население казак-киргизских областей. Единогласно принятое постановление II Всеказахского курултая гласит:

«I. Образовать территориально-национальную автономию областей Букеевской орды, Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Сыр-Дарьинской, киргизских уездов Ферганской, Самаркандской, Аму-Дарьинского отдела Закаспийской (Прикаспийской) областей, смежных казакских уездов Алтайской губернии, представляющих сплошную территорию с господствующим населением, Казак-Киргизским, единого происхождения, единой культуры, истории и единого языка.

II. Автономии казак-киргизских областей присвоить название «Алаш» [7, с. 69].

Это постановление имеет для современного Казахстана поистине непреходящее историческое и конституционное значение, так как в его истории впервые было использовано универсальное и естественное, то есть неотчуждаемое право нации на государственное самоопределение. Легитимность его заключается в том, что решение курултая явилось выражением исторической и политической воли казахского народа и принято подлинными представителями народа, выразившими его волю в форме конституционного акта.

Этот случай потому и уникальный, что в последующей истории Казахстана использование права нации на самоопределение было превращено в циничную формальную акцию. Так, например, учредительный съезд, провозгласивший учреждение Кир(Каз)АССР прошел почти полтора месяца спустя после ее образования высшими органами власти РСФСР [14, с. 97–100]. А трансформация КазАССР в КазССР было осуществлено Верховным Советом СССР [15], видимо, полагавшим, что казахи будут рады новому статусу республики, и поэтому их легитимное волеизъявление не имеет значения.

Таким образом, признаки, характерные для состоявшегося государства, в Республике Алаш были представлены в начальной стадии (форме), имеющей потенциал для трансформации в полноценное суверенное государство. Алаш Орда в качестве правительства, т.е. высшей исполнительной ветви государственной власти, сумела подняться до уровня самостоятельного политического института на территории России наравне с другими самопровозглашенными всероссийскими (*Комуч, Уфимская директория, Временное всероссийское правительство А. Колчака*), национальными (*Украины, Азербайджана, Башкирии и др.*), областными (*Сибири*) правительствами, не признававшими над собой верховной власти. Тем самым она являлась носителем суверенитета независимого Казахского государства.

По стечению исторических обстоятельств Республика Алаш как суверенное государство просуществовала исторический миг – чуть более двух лет. Но это не принижает ее непреходящую историческую роль и значение. В лице Алаш было восстановлено единое казахское государство, и оно начало формироваться в виде автономии, как это отражено в трудах отечественных и зарубежных ученых. Но затем оно быстро переросло в суверенное, самостоятельное государство. Автономный статус не мог утвердиться, так как Россия не состоялась в статусе федерации, способной охватить автономные республики. Этот нюанс зачастую ускользает из поля зрения исследователей, или сознательно игнорируется.

Список использованных источников и литературы

1. Красноярский краевой краеведческий музей (ККМ). Ф. 7928. Оп. 119. Д. 1315.
2. Қыр баласы. Жалпы Сібір сиезі // Қазақ. 1917. 21.11. № 251. С. 1–2.
3. Бөкейханов Әлихан. Мен кадет партиясынан неге шықтым? // Қазақ. 1917. 23.12. № 256. 1 б.
4. Известия из Томска // Революционная мысль. 1917. 21 дек. № 76. С. 3.
5. Сырттанұлы Б. Өмірі, шығармашылығын / Құрасты.: Е. Тоқтарбай. Нұр-Сұлтан: «Алашорда» Қоғамдық қоры. 2019. 248 б.

6. Бөкейхан Ә. Шығармалары: сочинения. Толықт. екінші бас. Астана: «Алашорда» Қоғамдық қоры. Т. VIII. 2018. 600 с.
7. Алаш-Орда: сборник документов / сост. Н. Мартыненко. Алматы: Айқап, 1992. 192 с.
8. Қазақтар, свободным гражданам обновляемой России! Минск. 16.03.1917 г. Семипалатинск. Бюллетень Семипалатинского областного исполнительного комитета. 1917. № 11.
9. Государственный архив Томской области РФ (ГАТО). Ф. Р-552. Оп. 1. Д. 7.
10. Қыр баласы. Түркістан // Қазақ. 1917. 22 апреля. № 226. С. 1.
11. Бөкейхан Ә.Н. (1866–1937). Шығармаларының 9 томдық толық жинағы. Полное собрание сочинений в 9 томах. Астана: «Сарыарқа» БҰ. Т. VI. 2013. 598 с.
12. Сталин И. Об очередной задаче Советской власти // История советской конституции в декретах и постановлениях Советского правительства. 1917–1936. М., 1936.
13. Зиманов С.З., Даулетова С.О., Исмагулов Ш. Казахский отдел народного комиссариата по делам национальностей РСФСР. Алма-Ата, 1975.
14. Декреты Советской власти. Т. 10. М., 1979.
15. Казахская Советская Социалистическая Республика // Большая советская энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия. 1969–1978.

Сведения об авторах:

Сұлтан Хан Жусип, PhD, директор НИИ «Алаш» Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумилева, Нур-Султан, Казахстан, e-mail: prahacz2002@gmail.com

Маслов Халил Борисович, PhD, ВНС НИИ «Алаш» Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан, e-mail: halel_86@mail.ru

В.В. Русанов

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

**ОБРАЗОВАНИЕ ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ
КАК РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА
АЛТАЙСКОГО НАРОДА**

Аннотация. Образование Горно-Алтайской автономной области стало закономерным итогом «национального поиска» алтайского народа. Горная часть Горного Алтая получила возможность от лица советской власти приступить к государственному строительству и реализовать свои национально-культурные возможности. В статье освещается завершающий период национального поиска алтайского народа в начале 1920-х гг. Именно образование Горно-Алтайской автономной области положило конец белобандитизму и проявлениям национал-шовинистическим идеям.

Ключевые слова: Горный Алтай, пути самоопределения, алтайский народ, национальная идея.

V.V. Rusanov

Altai State University, Barnaul (Russia)

**FORMATION OF THE GORNO-ALTAI AUTONOMOUS REGION
AS A SOLUTION TO THE PROBLEM OF NATIONAL SOVEREIGNTY
OF THE ALTAI PEOPLE**

Abstract. The formation of the Gorno-Altai Autonomous Region has become a natural result of the "national search" of the Altai people. The mountainous part of the Altai Mountains, received the opportunity on behalf of the Soviet government, to begin state construction and realize their national and cultural opportunities. The article highlights the final period of the national search of the Altai people, in the early

1920s. It was the formation of the Gorno-Altai Autonomous Region that put an end to white-banditism and manifestations of national chauvinistic ideas.

Keywords: Gorny Altai, ways of self-determination, Altai people, national idea.

Горный Алтай в начале XX в. пережил достаточно сложных политических моментов, практически все они были связаны с национально-культурным поиском, попытками самоидентификации алтайского народа. К числу таких моментов следует отнести движение бурханистов, образование Горной Думы, Каракорумской управы. Гражданская война не обошла Горный Алтай стороной. И постепенно органы Советской власти пришли к осознанию о необходимости наделить горную часть Алтая административно-территориальным статусом. Наряду с военными, политико-экономическими задачами органы власти на местах проводили разъяснительную работу по поводу выделения Горного Алтая в самостоятельную административную единицу. Наделение горной части Алтая «самостоятельностью» имело несколько позитивных последствий. Во-первых, лидеры белобандитизма теряли главный козырь, с помощью которого они вербовали, увлекали за собой наиболее национально настроенные элементы алтайского населения. Проще говоря, им не за что и незачем стало бороться с Советской властью, так как со времен бурханизма, революции, гражданской войны идея национального суверенитета была движущей силой для инородческой интеллигенции. Во-вторых, местное население перестало смотреть на бандитские группировки как на освободителей, сказывалась попросту усталость. И там, где раньше они могли надеяться на теплый прием, теперь их ждало недоверие, недовольство и страх. Население перестало помогать бандам. А как следствие, бандиты потеряли надежную разведку, пропитание и ночлег. Многие, даже активные участники белого движения, стали покидать отряды Сатунина, Кайгородова, Тарышкина, Орлова и возвращались в родные села и деревни. Из информационного доклада по линии ГПУ следует, что инородческое и русское население сначала боялось, как бы из этого выделения не получился новый Каракорум. Советская власть проводила разъяснительную работу и постепенно все население

Горного Алтая к вопросу о выделении Ойротской автономной области стало относиться с пониманием, доброжелательно.

На бандитов выделение, как сказано выше, подействовало разлагающе, об этом свидетельствует следующий пример. Некто Тужлей Ташкинов, известный старый белогвардеец времен Колчака, сдался и предложил свои услуги для ликвидации остатков банды частями ЧОН.

Но это событие явилось лишь следствием проводимой Советами работы. А подобная деятельность велась органами Советской власти с начала 1920 г. Так, в соответствии с выпиской из протокола частного совещания представителей волостных ревкомов Улалинского района от 7 февраля 1920 г. по вопросу о взаимоотношении райревкома с Бийским уревкомом, мы узнаем, что собрание после ряда ораторов вынесло следующую резолюцию. Горный Алтай, имеющий своеобразные эстетично-исторические, экономические и этнографические условия, имеет право на самостоятельность в административном смысле [1, л. 1].

К большевикам лозунг «право нации на самоопределение» привлек много сторонников. 26 марта 1921 г. вышло в свет постановление Сибревкома, в котором сказано следующее: «Ввиду территориальной, этнографической и экономической особенности Горного Алтая, отдаленности административного центра (Бийска) и перерыва путей сообщения с внешним миром в осенний и весенний периоды ..., является особенно необходимым создание отдельного уезда с самостоятельным административным центром непосредственно в Горном Алтае, поэтому Сибирский революционный комитет постановляет:

1. Выделить Горный Алтай из Бийского уезда Алтайской губернии в самостоятельный уезд в пределах бывшего Каракорумского уезда с наименованием Горно-Алтайский уезд Алтайской губернии.

2. Присоединить к Горно-Алтайскому уезду тяготеющее к нему в экономическом отношении четыре волости Бийского уезда: Черно-Ануйскую, Сарасинскую, Куяганскую, Алтайскую.

3. Перенести резиденцию административного центра Горно-Алтайского уезда из села Шебалино в село Алтайское, как наиболее удобный узловой пункт

трактов Чуйского, Уймонского и как центр экономического тяготения уезда» [2, с. 98].

18 ноября 1921 г. Оргбюро ЦК, обсудив внесенные предложения, постановило: не возражать против созыва совещания Алтайских народов на предмет их волеизъявления» (подписано Секретарем ЦК В. Молотовым) [3, с. 25]. 2 января 1922 г. состоялось совещание при члене Коллегии Наркомнаца О.Я. КаркLINE с представителями Сибирского ревкома по делам национальностей о выделении Алтая в автономную область и амнистии населения, участвующего в движении против Советской власти.

Вопрос суверенизации Горного Алтая решался на самых разных уровнях и неоднократно. 31 января 1922 г. председатель Сибревкома С.Е. Чуцкаев после своей поездки в Москву доложил Сиббюро ЦК РКП(б) о том, что центральными органами РСФСР разрешено образовать Ойротскую автономную область в пределах Горно-Алтайского уезда, не включая инородцев Енисейской губернии [4, л. 18].

6 февраля 1922 г. было распространено обращение депутатов 9-го Всероссийского съезда Советов РККК из г. Москвы к инородческому населению Горно-Алтайского уезда. «...Осуществлен великий лозунг революционного пролетариата о самоопределении и равноправии национальных меньшинств, входящих в состав Федерации Советов... Советская власть поставила на повестку дня вопрос – о предоставлении вам самостоятельности ... Во время пребывания депутатов в Москве, в Народном Комиссариате по Национальностям обсуждался вопрос об инородческом населении Горного Алтая, где все участники совещания единогласно высказались о необходимости улучшения положения алтайских инородцев...».

10 февраля 1922 г. начала свою работу 2-я Горно-Алтайская уездная партийная конференция. Конференция рассмотрела вопрос об образовании Горно-Алтайской автономной области. 13 февраля 1922 г. конференция обсудила доклад Н.Ф. Иванова о выделении Горно-Алтайской автономной области. Докладчик подчеркнул, что идея национального суверенитета весьма популярна среди

алтайцев. Конференция обратила внимание всех коммунистов на необходимость усиления политической работы среди населения в связи с предстоящим оформлением Горного Алтая как автономной области. 18 февраля 1922 г. Алтайским губернским экономическим совещанием был одобрен проект об образовании из туземных народностей Горного Алтая особой автономной области, причем была намечена граница области и ее административное деление.

5-я Алтайская губернская партийная конференция, состоявшаяся 24–28 февраля 1922 г., одобрила решение партийной конференции Горного Алтая о создании автономной области и предложила Горно-Алтайской уездной партийной организации уделить максимум внимания национальному вопросу, проявить наибольшую гибкость в его решении [5, с. 104].

Апрель-май месяцы проходят в подготовке документов, согласовании создания областных органов и членов ревкома. 3 апреля 1922 г. Комиссия при Наркомнаце рассматривает проект постановления ВЦИК «Об образовании Ойротской автономной области». Комиссия пришла к заключению, что вопрос о выделении Ойротской автономной области, как с советской, так и партийной стороны во всех инстанциях считать разрешенным и согласованным.

Первый областной съезд советов был созван 1–5 мая 1922 г. Согласно декрету ВЦИК от 1 июня 1922 г., он избрал «исполнительный комитет автономной области с правами губернского исполнительного комитета». При полном единогласии на съезде были приняты «Основные принципы, положенные в основу дальнейшего развития и существования Ойротской области...». Это был документ, по характеру своего содержания представляющий собой первый опыт Конституции Горного Алтая как советской областной автономии. В нем закреплялось положение о том, что «Ойротская автономная область стоит под флагом РСФСР, а потому своего особого национального флага и герба не имеет». «Основные принципы...» исходили из того, что все законы РСФСР обязательны для исполнения на территории области и что автономная область не присваивает себе права законодательства. Право же рассмотрения и изменения законов и распоряжений центральной власти РСФСР применительно к местным условиям

Ойротской автономной области представлялось областному съезду советов и облисполкому только в рамках существующих положений. С другой стороны, на съезде опять возник вопрос «О присоединении к Ойротской автономной области волостей, населенных ойротскими народами, Кузнецкого уезда и волостей Бийского уезда Алтайской губернии, прилегающих к Ойротской области и тяготеющих к таковой». Постановка последнего вопроса на съезде была обусловлена, по мнению докладчика Н.Ф. Иванова, тем, что при выделении области были учтены национальные признаки, – экономические же признаки оказались в тени [6, с. 114]. Таким образом, необходимость присоединения к Ойротии населенных «ойротскими народами» волостей Кузнецкого и Бийского уездов получала теперь экономическое обоснование.

1 июня 1922 г. Президиум ВЦИК вынес постановление о выделении Ойротской автономной области, в состав которой входили волости Горно-Алтайского уезда. Областным центром избрано село Улала. Возглавляется автономная область областным революционным комитетом, которому согласно постановлению ВЦИК, до созыва первого областного съезда Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, принадлежит полнота власти в области.

Состав ревкома следующий: председателем облревкома назначен П.Ф. Иванов, его заместителем Сары-Сеп-Конзычаков, члены: П.А. Чагат-Строев, Г. Чусов, Л.А. Папардэ.

При облревкоме были созданы отделы: здравоохранения, финансовый, народного образования, продовольственный, соцобеспечения, военный, коммунальный, труда, статистическое бюро, ГПУ; образована почтово-телефонная контора.

1 июля 1922 г. соглашением Алтайского губисполкома и Ойротского областного ревкома были окончательно установлены границы области [7, л. 16].

В результате такой национальной политики все национальные и демократические документы свидетельствуют, что алтайцы расценили образование автономной области как достижение национального суверенитета. К тому же в этот период многие деятели и организаторы национального движения вынуждены

были покинуть территорию Алтая и скрываться за границей. Население без руководителей, без лозунгов, без идей не могло продолжать поиск национального самоопределения. И предпочло взять то, что давали, но проблема национального суверенитета не была разрешена. Что нашло отражение в последующие периоды. Вследствие образования автономной области положение дел в Горном Алтае коренным образом изменилось. В ноябре 1923 г. контрреволюционных выступлений и агитации против Советской власти не наблюдалось [8, л. 4].

Таким образом, образование автономии явилось естественно возможным в Советской России способом суверенизации. Автономия не была свободной, но алтайский народ имел территорию, пусть подконтрольные, но органы управления. Получил возможность, хотя и в ограниченных рамках, развивать культуру, науку, собственную интеллигенцию.

Список использованных источников и литературы

1. ГАРА Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 86.
2. Алтай в восстановительный период: сборник документов. Барнаул, 1960. 212 с.
3. Люди эпохи XX века. Горно-Алтайск, 2002. 416 с.
4. ГАРА Ф. 310. Оп. 1. Д. 10.
5. Алтай в восстановительный период: сборник документов. Барнаул, 1960. 316 с.
6. Протоколы 1-го областного съезда советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1–5 мая. Улала, 1923. С. 114–116, 121–122.
7. ГАРА Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 179.
8. ГАРА Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 42.

Сведения об авторе: *Русанов Виталий Викторович*, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Юридический институт АлтГУ, г. Барнаул, Россия, e-mail: radomir77@mail.ru

С.Б. Кожирова, Е.Л. Нечаева

Международный научный комплекс «Астана», Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан (Казахстан)

ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ КАЗАХСТАНСКО-РОССИЙСКОЙ ГРАНИЦЫ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Статья подготовлена в рамках программы целевого финансирования BR10965282 «Казахстанско-русская граница: исторический контекст и новая геополитическая реальность» Министерства образования и науки Республики Казахстан

Аннотация. Процессы национально-государственного строительства в первые годы Советской власти сопровождались изменением сложившегося административно-территориального деления и формированием новых границ. Изменение административных границ в СССР было связано с социально-экономическими, военно-стратегическими и другими общегосударственными задачами, действиями региональных и местных властей и стало результатом поиска баланса интересов и взаимных уступок. На основе архивных материалов в статье прослеживаются сложности и противоречия, сопровождающие объединение казахских земель в составе КАССР.

Ключевые слова: Казахстан, Россия, казахстанско-русская граница, национально-территориальное размежевание, национальная автономия, советский период.

S.B. Kozhirova, Y.L. Nechayeva

Astana International Scientific Complex, L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

THE PROCESSES OF FORMATION OF THE KAZAKH-RUSSIAN BORDER IN THE SOVIET PERIOD

Abstract. The processes of national-state construction in the first years of Soviet power were accompanied by a change in the existing administrative-territorial division

and the formation of new borders. The change of administrative borders in the USSR was associated with socio-economic, military-strategic and other national tasks, the actions of regional and local authorities, and was the result of a search for a balance of interests and mutual concessions. On the basis of archival materials, the article traces the difficulties and contradictions accompanying the unification of the Kazakh lands as part of the KASSR.

Keywords: Kazakhstan, Russia, Kazakh-Russian border, national-territorial demarcation, national autonomy, Soviet period.

В мае 1918 г. при Наркомате по делам национальностей РСФСР был создан Казахский отдел для управления степным краем. Через год, в июле 1919 г. В. Ленин подписал декрет «О революционном комитете по управлению Киргизским (Казахским) краем Социалистической Советской Республики». В соответствии с этим документом, Казахстан обретал советскую государственность и был включен на правах национальной автономии в состав РСФСР. Учредительный съезд Советов Казахстана, состоявшийся с 4 по 12 октября 1920 г. в Оренбурге, одобрил Декрет ВЦИК и Совнаркома от 26 августа и провозгласил Казахскую Автономную Социалистическую Советскую Республику (КАССР). В ее состав были включены в прежних административных границах уезды: Семипалатинский, Акмолинский, Тургайский и Мангышлакский [1, с. 251–253].

С завершением воссоединения казахских земель после национального государственного размежевания в Средней Азии встали вопросы о переносе столицы КАССР из Оренбурга и о выводе Оренбургской губернии из состава республики. 6 апреля 1925 г. ВЦИК принял решение о выделении бывшей столицы и ее губернии из КАССР. Бюро Казкрайкома РКП(б) 16 июня заслушало доклад члена партийной комиссии от КазЦИКа Алиаскара Мендибайулы Алибекова о ходе работы комиссии, о согласованных и несогласованных участках границы. Было решено создать специальную комиссию КазЦИКа и Казкрайкома, поручив ей «отстаивать в центральных органах партии и власти мнение Казкрайкома и КазЦИКа по пограничным вопросам» [2, л. 70–71].

В июле 1925 г., в связи с выездом правительства Казахской АССР в новую столицу Кзыл-Орду, Оренбургская губерния в прежних границах была выделена из состава Казахской республики и подчинена непосредственно центральным органам РСФСР. При этом Оренбургская губерния потребовала изменения своих границ в сторону расширения за счет частей Казахстана. Уральская область, сформированная в 1923 г. в рамках экспериментального экономического районирования, также претендовала на части территорий Казахстана, экономически тяготеющие к Уралу. Это усложняло и замедляло и без того непростую ситуацию с административно-территориальной реформой [3, с. 151–164].

Сложность также заключалась в том, что конфигурация внутренней границы Казахской АССР в составе РСФСР формировалась из фрагментов хозяйственных границ между смежными областями Казахстана и России. Основными документами, определяющими эту границу, являлись дежурные карты и землеустроительные материалы, согласованные между хозяйствующими субъектами, которые затем утверждались на межобластном уровне, и то далеко не всегда. В результате иногда возникали хозяйственные споры, которые в ряде случаев приводили к некоторым изменениям линии границы [4].

Еще до выделения Оренбургской губернии из состава КАССР 5 октября 1921 г. Орскому уезду были переданы Беляевская, 1-я и 2-я Буртинские, Ключевская, Крючковская и Михайловская волости Ак-Букеевского уезда. 1 марта 1924 г. Орский уезд получил и 1-ю Кумакскую волость Денисовского уезда, а 20 сентября того же года Буртинская волость (в ней объединились обе прежние) возвратилась в Казахстан. 29 мая 1928 г. Секретариат Президиума КазЦИКа решил передать ее Актюбинской губернии [5, л. 91]. Член комиссии Каратлеуов сообщил, что серьезные разногласия возникли в вопросе о судьбе 18 волостей Уральской, Актюбинской и Кустанайской губерний, на которые претендуют оренбуржцы. На этих землях в Актюбинской губернии размещено 56% посевов. К Оренбургу тяготеют только 5% запрошенной соседями территории. Наделить землей переходящее к оседлости казахское население без этих земель невозможно. Сюда к тому же ежегодно прикочевывают 4865 хозяйств казахов Тургайской области. Докладчик особо выделил вопросы о притязании Оренбургского губисполкома на районы Илецких соляных промыслов и рудников «Южно-

Урал-Золото». Совнарком решил, что граница Оренбургской губернии с Уральской должна остаться без изменений, а с Актюбинской и Кустанайской губерниями по бывшей границе Тургайской области, включая в Казахстан земли по левому берегу реки Урал, «которые ранее входили в состав Актюбинской губернии и временно в целях политических, для придания Оренбургской губернии некоторой казахской окраски, были включены в ее границы». Оба промышленных района – добычи соли и золота – оставить в составе республики [6, л. 91].

19 октября 1925 г. бюро Казкрайкома вновь обсуждало этот вопрос, а докладчиком на этот раз выступил С. Садвакасов. Бюро повторно высказалось против решения Центра, обратившись с просьбой к ЦК РКП(б) приостановить передачу спорных волостей. В дополнение к ранее выдвигавшимся доводам было решено сообщить ЦК, во-первых, о том, что споры вокруг границы между соседями могут возродить сепаратистские настроения среди местного казачества, а во-вторых, при наличии подобных же поползновений национальных меньшинств может возникнуть вопрос о самом существовании КАССР [7, л. 50].

Все усилия казахстанских органов власти и активная поддержка их позиции партийными комитетами республики оказались малоэффективными. Илецкий уезд перешел в состав Оренбургской губернии. Отстоять удалось лишь земли по реке Хобда, район южнее Орска и северо-западные волости Кустанайской губернии. Но тяжба за некоторые участки продолжалась и после этого. 6 августа 1928 г. Президиум Уральского губисполкома рассмотрел ходатайство граждан Локтевского, Ранневского и Бородинского сельсоветов Илекского района Оренбургского округа об их присоединении к Уральскому округу Казахстана. Работник Уральского губплана Тимофеев, накануне ознакомившийся с документами и материалами, доложил, что это законно, так как они живут в 30 км от Уральска и в 60 км от Оренбурга. Но выполнить их пожелание можно, только присоединив к республике и Иртекский сельсовет, лежащий между Уральским округом и Бородинским сельсоветом, без чего образуется чересполосица. Далее он уточнил, что речь шла о девяти населенных пунктах с 4573 жителями, и добавил, что при выделении Оренбургской губернии из Казахстана опрос населения ходатайствующих селений не производился [8, л. 2, 3, 8, 9]. Центральная административная комиссия при ВЦИКе учла позиции обеих сторон и 16 августа того же

года рекомендовала им отложить решение вопроса до общего пересмотра границ между Оренбургским округом и Казахской республикой, «дабы действительно избежать в будущем аналогичных настояющему ходатайств в необходимости рассмотрения каждого из них в отдельности» [8, л. 1, 12].

В октябре 1928 г. Актюбинский окрисполком поддержал просьбу жителей пос. Покровского Буранской волости Оренбургского округа о перечислении их села к Казахстану. Выяснилось при этом, что первая их просьба, представлявшаяся в 1923 г., была оставлена без удовлетворения. А 2 февраля 1929 г. актюбинцы обратились в Центральную адмкомиссию с просьбой вернуться к итогам размежевания 1925 г. и вернуть в Казахстан упоминавшиеся две Буртинские, а также Камсактинскую, Токинскую и Истемисскую волости [9, л. 16].

18 октября 1931 г. Президиум Средне-Волжского крайисполкома обратился в ЦИК КазАССР с просьбой «о перечислении в состав Соль-Илецкого района» 8 аулов, селений, колхозов и совхозов (Ибулда, Первомайское, Новый Мир, Незаможник, Андреевский, мясосовхоз № 21, зерносовхозы № 13 и 14 Акбулакского района Актюбинской области)». Объяснялось это их близостью к Соль-Илецку, экономической связью с ним и однотипностью производства. Председатель Казахского Госплана в своем заключении указал, что «данных о количестве душ в каждом пункте в настоящее время в Госплане нет, что лишает возможности судить о целесообразности передачи перечисленных точек Средне-Волжскому краю. Также нет никаких других материалов, которые могли бы служить документами, подтверждающими их ходатайство, и отсутствует согласие Акбулакского района» [9, л. 16 об.].

16 августа 1931 г. общее собрание граждан поселков Красноярский и Брусинский потребовало их возврата в Хобдинский район Актюбинской области. Исходя из хозяйственных потребностей, они настаивали на скорейшем осуществлении их решения, и 12 сентября просьба была удовлетворена, но Президиум Актюбинского облисполкома утвердил постановление райисполкома только через два года – 5 июля 1933 года. По непонятным причинам перечисление Красноярского сельсовета в Казахстан Президиум Верховного Совета РСФСР разрешил лишь 5 апреля 1940 г. Одновременно было дано согласие и на переда-

чу 200 тыс. га из Адамовского района Оренбургской области в Кустанайскую область Казахстана.

11 ноября 1939 г. часть территории Алимбетовского совхоза Актюбинской области площадью 14 635 га была передана в Чкаловскую (бывшую Оренбургскую) область. 5 января 1940 г. Президиум Верховного Совета КазССР удовлетворил просьбу колхозников сельхозартелей «Свобода» и «Красный Октябрь» Бурановского района Чкаловской области о перечислении их в Хобдинский район Актюбинской области. Тем самым было устранено вклинение земель этих колхозов в территорию Казахстана, что создавало затруднения в их связях с властями, торговыми и прочими организациями [10, л. 74]. Граница Казахстана с Оренбургской губернией по территории Актюбинской области определилась и остается без существенных изменений до настоящего времени.

Таким образом, к концу 1930-х годов процесс национально-территориального размежевания завершился, Казахская АССР была преобразована в союзную республику. Итогом этого размежевания стало то, что Казахстан практически восстановил ту территорию, которую имел до присоединения к Российской империи в XVIII–XIX вв.

Список использованных источников и литературы

1. Образование Казахской АССР: Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1957.
2. Архив Президента Республики Казахстан (АП РК) Ф. 141. Оп. 1. Д. 13-б.
3. Тиханова Е.В. Районирование Средней Азии: экономическая целесообразность // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2011. № 4 (96).
4. Аманжолова З.А., Атанов М.М., Турарбеков Б.Ш. Правда о государственной границе Республики Казахстан (под редакцией К.-Ж. Токаева). Алматы: Жибек жолы, 2014. – 228 с.
5. Центральный Государственный Архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 350. Оп. 1. Д. 36.
6. АП РК Ф. 30. Оп. 1. Д. 377.

7. АП РК Ф. 141. Оп. 1. Д. 11.
8. ЦГА РК Ф. 350. Оп.1. Д. 91.
9. ЦГА РК Ф. 350. Оп. 1. Д. 93.
10. ЦГА РК Ф. 1109. Оп. 5. Д. 1.

Сведения об авторах:

Кожирова Светлана Басейовна, доктор политических наук, профессор, директор Центра китайских и азиатских исследований Международного научного комплекса «Астана», г. Нур-Султан, Республика Казахстан, e-mail: sbako@yandex.kz

Нечаева Елена Леонидовна, кандидат политических наук, профессор, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева. г. Нур-Султан, Республика Казахстан, e-mail: elenech@inbox.ru

М.Т. Лаумулин¹, А.Н. Шукыжанова²

¹Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК, Международный университет «Астана», Нур-Султан (Казахстан)

²Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы (Казахстан)

ФОРМИРОВАНИЕ КАЗАХСТАНСКО-РОССИЙСКОЙ ГРАНИЦЫ В 1920-е ГОДЫ

Статья подготовлена в рамках программы целевого финансирования МОН РК – BR10965282 «Казахстано-российская граница: исторический контекст и новая геополитическая реальность»

Аннотация. Обретение Казахстаном сначала статуса автономной республики в составе РСФСР, а затем и статуса республики с формальным правом выхода из его состава легитимизировало приобретение внутренних межреспубликанских границ статуса, близкого к статусу межгосударственных границ, что и стало правовой основой для формирования межгосударственной границы Казах-

стана и России. Это имело судьбоносное значение для Казахстана, став отправной точкой в дальнейшем складывании его государственности. Изучение факторов и условий, в которых происходило формирование рубежей между национальной автономией казахского народа и Сибирью, представляет несомненный научный интерес. В статье рассматриваются вопросы формирования казахстанско-русской границы в 1920-е гг.

Ключевые слова: Казахстан, Россия, границы, Киргизская (Казахская) АССР, размежевание, Кирревком, Сибревком.

M.T. Laumulin¹, S A.N. hukyzhanova²

¹Kazakhstan Institute of Strategic Studies under the President, Astana International University, Nur-Sultan (Kazakhstan)

²Kazakh Ablai khan university of international relations and world languages, Almaty (Kazakhstan)

THE FORMATION OF KAZAKH-RUSSIAN BORDER IN 1920-s

Abstract. Kazakhstan's acquisition first of the status of an autonomous republic within the RSFSR and then of the status of a republic within the Soviet Union with the formal right to secede from its composition legitimized the acquisition of internal inter-republican borders of a status close to the status of interstate borders, which became the legal basis for the formation of the interstate border of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation. According to the decree of the Central Executive Committee and the CPC of August 26, 1920, the Kazakh Republic was created with clear borders and a certain independence. This was of crucial importance for Kazakhstan, becoming the starting point in the further development of its statehood. The study of the factors and conditions in which the boundaries between the national autonomy of the Kazakh people and Siberia were formed is of undoubted scientific interest. The article deals with the formation of the Kazakh-Russian border in the 1920s.

Keywords: Kazakhstan, Russia, borders, Kyrgyz (Kazakh)ASSR, demarcation, Kirrevkom, Sibrevkom.

В 1920–1930-х гг. административные границы СССР не были четко определены и часто изменялись. Их изменение было связано с экономическими, военными и другими общегосударственными задачами, действиями региональных и местных властей, а также результатом сложных переговоров и взаимных уступок, поиска баланса интересов. Размежевание и формирование границы Казахской Республики с Сибирью является неотъемлемым проявлением административной и национальной политики Советского государства [1, с. 369–370].

Первый Учредительный съезд Советов Казахстана состоялся в Оренбурге 4–12 октября 1920 г. На его повестке стояло 14 вопросов. Самым приоритетным был вопрос о восстановлении государственности казахского народа.

Вопрос о северных границах Казахстана в Декрете об образовании КАССР и в решениях Учредительного съезда Советов республики был решен лишь де-юре. В декрете оговаривалось, что практическая передача Акмолинской и Семипалатинской губерний откладывается до того времени, когда центральные власти Казахстана смогут обеспечить реальное управление ими. Власти республики сочли, что они будут в состоянии делать это с 1 января 1921 г. [2, с. 20].

На том же Межведомственном совещании 16 февраля 1920 г. практически был решен и вопрос о передаче в Семипалатинскую область Каиндыкской, Вознесенской и Ново-Покровской волостей Змеиногорского уезда Алтайской губернии как экономически тяготеющих к Семипалатинскому уезду. Совещание, состоявшееся 20 апреля 1920 г. в Барнауле, подтвердило такую передачу и одновременно по тем же основаниям решило образовать Межведомственную комиссию из представителей ревкомов, земельных отделов, совнархозов, продовольственных комитетов соседних регионов [3, с. 211–212].

Комиссия рассмотрела также вопросы о присоединении к Семипалатинской области Коростелевской степи, большинство населения которой составляли казахи, а также Риддерского, Убинского, Локтевского лесничеств и южной части Пограничного бора Тополинского лесничества в порядке выпрямления линии границы. 27 октября 1924 г. Президиум ВЦИК вновь возвращается к вопросу о принадлежности спорных территорий. Акт от 11 февраля 1925 г. фактически

завершил определение административной границы Казахстана с Сибирью и Алтаем [4, с. 115].

При образовании Киргизской (Казахской) АССР декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 26 августа 1920 г. в ее состав включены в прежних административных границах пять уездов: Семипалатинский, Акмолинский, Тургайский и Мангышлакский. Две другие крупные области, преимущественно населенные казахами и являющиеся исконно казахскими землями – Семиреченская и Сырдарьинская, – оставались в составе Туркестанской Республики. В декрете было указано на необходимость временно оставить указанные территории в составе Сибревкома и Туркестана до окончательной организации центральных органов КАССР. Для проведения единой политики в эти области были направлены уполномоченные КАССР, подчинявшиеся также Сибревкому и ВЦИК.

Проблема административного объединения районов и областей, населенных казахами, в составе Казахской АССР прежде всего требовала разрешения двух вопросов. С одной стороны, необходимо было объединить те области, управление которыми по декрету ВЦИК и СНК РСФСР относилось к ведению республики, с другой – включить в состав КАССР казахские области и районы, оставшиеся за пределами республики в момент ее образования.

Кирревком должен был управлять указанными выше пятью областями, однако фактически его власть распространялась только на Тургайскую, Уральскую и Букеевскую область и то не во всех отношениях. Административная комиссия ВЦИК РСФСР была образована в начале 1920 г., а 9 марта она определила основные принципы районирования, поставив на первое место национальный момент. В 1920 г. она вплотную занималась вопросом о границе Киргизской АССР.

На первом заседании Президиума КазЦИК 14 октября 1920 г. состоялся принципиальный обмен мнениями о границе только что образованной Киргизской (Казахской) АССР. На нем Радус-Зенькович предложил в возможно короткий срок присоединить Акмолинскую и Семипалатинскую области. Президиум КазЦИК постановил отправить делегацию в Сибревком для ведения переговоров по этому вопросу.

В октябре-ноябре 1920 г. было выработано и утверждено «Положение о полномочном представительстве КазЦИК при Сибревком», в котором подчеркивалось, что оно призвано принимать все меры по исполнению постановлений смешанной комиссии, участвовать в решении Сибревкомом и КАССР всех вопросов принципиального и практического характера, оказывать содействие уполномоченным наркоматов КАССР в разрешении сложных вопросов. Представительство во всех своих действиях было ответственно только перед КазЦИК [5, с. 251–255].

10 декабря 1920 г. на заседании Президиума КазЦИК после обсуждения состояния управления этими областями Сибревкомом и представителями Казахской республики было решено «для скорейшего разрешения этого вопроса возбудить его перед центральными учреждениями РСФСР через едущих представителей в Москву на VIII съезд Советов. Командировать т. Сейфулина специально как представителя от Акмолинской и Семипалатинской областей».

В феврале 1921 г. была образована правительственная комиссия Казахской республики для приема Акмолинской и Семипалатинской областей. В ходе подготовки к переходу этих областей к Казахской республике и его законодательного закрепления возник вопрос об Омском уезде. ВЦИК и СНК РСФСР постановили передать его решение претендующим сторонам [6, с. 50–52].

На одном из первых заседаний Президиума КазЦИК 20 октября 1920 г. состоялось обсуждение вопроса о разногласиях между представителями Казахстана и Омского губисполкома по поводу принадлежности Омского уезда. На нем было решено рассмотреть возможность присоединения Омского уезда с г. Омском к Кирреспублике. На Второй Всеказахской партийной конференции, состоявшейся в начале 1922 г., обсуждались вопросы, связанные с преодолением трудностей, с которыми столкнулись партийные и советские органы республики при налаживании управления вошедшими в ее состав областями: Сибирский ревком отозвал своих ответственных работников, оголив таким образом управленческий аппарат областей. Все это привело к многим издержкам [6, с. 53–54].

Разработкой и решением о присоединении Сырдарьинской и Семиреченской областей работали специально созданная комиссия КазЦИК, полномочное

представительство ЦИК и СНК КАССР при правительстве Туркестанской республики, административная комиссия КазЦИК. В июле 1922 г. для участия в работе сессии ТурЦИК в Ташкент была направлена комиссия КазЦИК. В результате национально-государственного размежевания Средней Азии и Казахстана, осуществленного партией и Советским государством в 1924 г., ряд областей Туркестанской АССР были присоединены к КАССР. Этим завершилась этническо-территориальная и государственная консолидация казахского народа. Успешное проведение в КАССР административно-территориального деления позволило создать стройную систему местных органов государственной власти, служило их укреплению [2, с. 41–42].

Основным принципом районирования субъектов федерации, в том числе и КАССР, являлся экономический: прежде всего, учитывались хозяйственная однородность местности и связанный с ней культурно-бытовой уклад, количество и плотность населения. Кроме того, административный центр должен был быть пунктом экономического тяготения района или сосредоточения его промышленности, так как необходимо было наряду с правовым равенством обеспечить национальности право заботиться о своем экономическом подъеме и эффективно использовать ресурсы. Воплощение данного принципа в жизнь обеспечивало развитие производительных сил всей федерации.

Список использованных источников и литературы

1. Корженевский К.Б. Формирование разграничительной линии между Казахстаном и Сибирью в 1920-х – начале 1930-х годов (на примере Черлакского района) // Научный диалог. 2020. № 2. С. 369–370.
2. Сейдін Н.Б. Қазақстан Республикасының мемлекеттік шекарасы: қалыптасуы, мәселелері және айқындалу барысы. Алматы: ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ, 2006. 172 с.
3. Голунов С.В. Фактор безопасности в политике России и Казахстана по отношению к их общей границе: дис. ... канд. пол. наук: 23.00.02. Нижний Новгород, 2008. 629 с.

4. Сулькевич С.И. Административно-политическое строение Союза ССР: материалы о территориальных преобразованиях с 1917 г. по 1 июля 1925 г. Ленинград: Государственное издательство, 1926. 300 с.

5. Покровский С.Н. Образование Казахской АССР: сборник документов и материалов. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1957. 385 с.

6. Белан П.С. Границы Казахстана: краткая история формирования. Тарих тағылымы, 2008. 156 с.

Сведения об авторах:

Лаумулин Мурат Турарович, д.п.н., профессор, главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК, профессор Высшей школы социально-гуманитарных наук Международного университета «Астана», Нур-Султан, Казахстан, e-mail: muratlau@mail.ru

Шукыжанова Айым Нуртасовна, PhD, ассоциированный профессор Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан, e-mail: aiym.shukizhanova@gmail.com

А.Ю. Быков

Сингапурская Академия Корпоративного Менеджмента, Москва, (Россия)

ИСТОРИЯ ИСЧЕЗНУВШЕГО УЧАСТКА РОССИЙСКОЙ ГРАНИЦЫ: О РАЗМЕЖЕВАНИИ РСФСР С ТУРКМЕНСКОЙ ССР В 1924–1936 гг.

Работа выполнена в рамках программы целевого финансирования проекта BR10965282 «Казахстанско-российская граница: исторический контекст и новая геополитическая реальность»

Аннотация. Впервые в историографии освещены вопросы истории формирования российско-туркменского участка межреспубликанских границ, возник-

шего в результате национально-государственного размежевания советских республик Средней Азии и Казахстана в довоенный период, и определены доминировавшие принципы разграничения. Выявлена роль отдельных органов республиканского и союзного уровней, участвовавших в процессе изменения границы, ставшей после распада СССР границей между Республикой Казахстан и Туркменской Республикой.

Ключевые слова: РСФСР, Туркмения, Казахстан, Киргизская АССР, СССР, размежевание, граница, Кара-Богаз-Гол.

A.Y. Bykov

Singapore Academy of Corporate Management, Moscow (Russia)

**THE HISTORY OF THE DISAPPEARED SECTION OF THE RUSSIAN
BORDER: ABOUT THE DELIMITATION OF THE RSFSR
FROM THE TURKMEN SSR IN 1924-1936**

Abstract. For the first time in historiography, the questions of the history of the formation of the Russian-Turkmen section of the inter-republican borders, formed as a result of the national-state delimitation of the Soviet republics of Central Asia and Kazakhstan in the pre-war period, are highlighted, and the dominant principles of delimitation are determined. The role of different republican and central level bodies participating in the process of changing the border, that became the border between the Republic of Kazakhstan and the Turkmen Republic after the collapse of the USSR, is revealed.

Keywords: RSFSR, Turkmenistan, Kazakhstan, Kirghiz ASSR, USSR, delimitation, borders, Kara-Bogaz-Gol.

Вопрос изучения истории формирования российско-туркменской границы является наименее изученным среди комплекса проблем в рамках национально-территориального размежевания Средней Азии и Казахстана. Сведения об этом

разграничении встречаются в обобщающих работах эпизодически, зачастую противореча друг другу. Поэтому для освещения вопроса целесообразно обратиться к архивным материалам, отложившимся в фондах ГА РФ.

После перехода власти к большевикам в 1919–1920 гг. территория, населенная туркменами, прежде входившая в состав Закаспийской области под именем Туркменской области, включалась в состав входившей в РСФСР Туркестанской АССР. Меньшая часть бывшей Закаспийской области – Мангышлакский и часть Красноводского уезда – на основании национального принципа, а казахи здесь в тот период составляли около 60%, – была отнесена к Киргизской АССР, образованной в 1920 г. [1, 2]. 27 октября 1924 г. в рамках национально-государственного размежевания советских республик Средней Азии с некоторыми территориальными коррективами Туркменская область была выделена из состава упразднявшейся Туркестанской АССР и преобразовывалась в Туркменскую ССР.

В связи с тем, что процесс разграничения данного участка границы не становился предметом специального исследования, остановимся на нем несколько подробнее. Тем более что это может продемонстрировать процесс разграничения и переговоров заинтересованных сторон (административно-территориальных, ведомственных и иногда хозяйствующих субъектов). Согласно предложениям об окружном районировании Киргосплана 1924 г., Адаевский (четвертый) округ должен был включать территорию между Каспийским и Аральским морями, причем на юго-западе в состав округа включался весь залив Бугаз (ныне – Кара-Богаз-Гол, площадь залива составляет ок. 18 тыс. кв. км), далее граница огибая его практически параллельно очертаниям залива на расстоянии около 10,5 км шла до его окончания, затем сушей же поднималась вверх по диагонали относительно меридианов и параллелей до срединной линии залива, а далее проходила по прямой, параллельной географическим параллелям до середины расстояния между Каспием и Аралом, достигнув стыка планируемых границ Туркменистана, РСФСР и Узбекистана далее шла по извилистой кривой вверх до Арала в его юго-западной точке, не доходя нигде до Аму-Дарьи [3, приложение]. Описывалось географическое положение Адаевского округа следующим

образом: «Расположен между 40°15' и 48°40' северной широты 19°40' и 23°20' восточной долготы от Пулкова. Округ расположен по восточному побережью Каспийского моря и западной части Аральского моря, занимая плоскогорье Усть-Урт, с площадью до 256456 кв. верст. В состав округа входят весь б. Мангышлакский уезд Закаспийской области, примыкающий на юге к Карабугазскому заливу, волости б. Красноводского уезда и Адай-Тавгиский район. По своему основному характеру Округ является скотоводческим, с некоторым развитием рыбной промысловости и будущими перспективами горного дела» [3, с. 29].

Социально-политическая потребность разграничения в Среднеазиатском регионе побудила исполнительные органы начать этот процесс. С инициативой о начале процесса делимитации административной границы выступила Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, которая сразу заявила о целесообразности перенесения границы в этом районе севернее, увеличивая тем самым в первую очередь территорию Туркмении. Одной из причин, почему требовалось изменение границ, была потребность (согласно принципов/критериев разграничения и образования Союзных республик) увеличения численности и доли пролетариата в общем составе населения. В прикаспийских рабочих поселках как раз концентрировалось промысловое население, преимущественно русское по этническому составу.

15 декабря 1924 г. Президиум ВЦИК постановил начать процесс разграничения между РСФСР и Туркменской ССР. Ответственным исполнительным органом по данному поручению стала Административная комиссия [4, л. 1]. Сам процесс изучения разграничиваемой территории и обсуждения с заинтересованными сторонами – Туркменской ССР и Киргизской АССР, представлявшей РСФСР, – занял весь 1925 г. и начало 1926 г. Направленная экспедиция сочла целесообразным провести разграничение в Прикаспийском регионе – в районе залива Карабугаз (ныне Кара-Богаз-Гол) по срединной линии. Северная часть должна была отойти к РСФСР (Киргизской АССР), а южная – к Туркменистану. Материалы обследования были направлены Уполномоченному Совета Труда

и Обороны, а он в свою очередь – заинтересованным сторонам. Среднеазиатский Ликвидком поддержал это предложение. Но Туркменский ЦИК выразил свое несогласие с таким вариантом разграничения. После обсуждения внутри республиканских ведомств Председатель Туркменского Центрального исполнительного комитета Шутемов телеграфировал Председателю ЦИК СССР А.С. Енукидзе о несогласии. Из союзного органа был направлен запрос на председателя Комиссии по уточнению границ Средне-Азиатских республик, которую возглавил направленный из Москвы известный эконом-географ И.П. Магидович, о причинах невключения в состав Туркмении вышеозначенного участка границы [4, л. 2–4].

Комиссия по районированию придерживалась позиции, что северная часть залива и прибрежные территории должны остаться в составе РСФСР. Вопрос был направлен на дополнительное рассмотрение в Ликвидком, базировавшийся в Ташкенте, в результате в его обсуждение включилась и узбекская сторона [4, л. 5–10]. Поскольку к компромиссу сторонам прийти не удалось, вопрос был передан на рассмотрение союзным органам, согласно ст. 1 и 6 действовавшей Конституции СССР. В итоге в тот период вернулись к позиции, предложенной экспедицией, а именно к разграничению по срединной части залива.

Поскольку и казахи, и туркмены традиционно пользовались этими территориями, будучи кочевыми народами, то устоявшихся границ не существовало. В качестве ориентиров были приняты естественные рубежи (где имелись), прежние границы упраздненных Туркменской области и Хорезмской республики, в нескольких случаях границу для удобства «спрямляли».

По итогам нового раунда обсуждений был предварительно согласован следующий маршрут прохождения границы, предложенный союзной Комиссией по районированию: граница «направляется на перешеек между озерами Кара-Куль и Кара-Кол, где сворачивая в юго-западном направлении идет сначала по прежней границе между бывшими Хорезмской республикой и Кирреспубликой (см. карту 40-верстного масштаба), а затем по границе между бывшей Туркменской областью и Кирреспубликой, установленной протоколом ВЦИК от 10 ап-

реля 1924 г., то есть прямой линии в северо-западном направлении от русла сухого озера через колодец Дереп к мысу Кулан-Чурлан на Карабугазском заливе и от названного мыса по прямой линии через залив к Карабугазскому проливу, где достигает Каспийского моря, восточное побережье которого с его островами на протяжении от Карабугазского пролива до залива Гасан-Кули составляет западную границу Туркменистана» [4, л. 17–18]. Однако через несколько дней после предварительного согласия с данным вариантом туркменская сторона дезавуировала свое предварительное согласие, и через Постоянное представительство Туркменской ССР при правительстве СССР были доведены новые претензии Туркменистана к РСФСР: «По дополнительным сведениям, полученным от Комиссии по районированию Туркменской ССР, граница РСФСР и ТССР проходит к востоку от Даш-Кала не в десяти, а приблизительно в двадцати пяти верстах. А посему в этой части описание границы подлежит соответствующему изменению» [4, л. 21]. Данное мнение союзным правительством было доведено до Всероссийского ЦИКа, а тем через Админкомиссию до казахстанского ЦИКа. При этом было уточнено, что вопрос срочный, поскольку через четыре дня планировалось его обсуждение в Совете Национальностей ЦИК СССР. По прошествии трех дней и неполучении затребованного согласия/несогласия со стороны КазАССР уже из союзного ЦИКа были направлены две срочные телеграммы с напоминанием [4, л. 22, 25–26]. Предложенный новый вариант трактовки прохождения границы категорически не устроил казахстанскую сторону. КазЦИК, подобрав возможные подтверждающие свою позицию документы, направил обоснованный отказ от претензий со стороны Туркменской АССР, а к дискуссии был дополнительно подключен еще и подотчетный в тот период Казахстану Каракалпакский облисполком [4, л. 27]. В феврале 1926 г. вопрос снова рассматривался на всероссийском уровне – во ВЦИКе [4, л. 29 (с приложением на 15 л.)]. Обсуждения продлились еще некоторое время, но был принят первоначальный вариант, предложенный еще экспедицией и поддержанный ВЦИКом. Вместе с тем и это решение оказалось промежуточным.

В этническом плане доминирование в районе принадлежало нетуркменскому населению. Так, в 1939 г. в Бекдаше русские составляли 48,5%, казахи – 39,3%, туркмены – лишь 2,8% населения. В других населенных пунктах района ситуация была аналогичной. В Кызыл-Купе казахи составляли 87,6%, туркмены – 7%, русские – 4,3%; в Сартасе казахи – 83,6%, русские – 12,4%, туркмены – 0,5%; в Чагале казахи составляли 93,3%, русские – 5,5%, туркмены – 0,2%. В целом по Кара-Богаз-Голу, включая город Кара-Богаз-Гол и соседние поселки: казахи – 66,2%, русские – 26,1%, туркмены – 2,4%. Однако принцип разграничения по национальному признаку в данном случае не стал определяющим.

С 1910 г. в районе Кара-Богаз-Гола велась добыча мирабилита. В довоенное время здесь работало несколько геологических экспедиций, причем с 1929 г. исследованием залива занималась Соляная лаборатория Академии наук СССР. Выявленные запасы позволяли расширить добычу и вывести ее на промышленный уровень. Началось развитие химической промышленности. В 1926 г. был образован трест «Туркменсоль», в 1929 г. – трест «Карабогазхим» (позже «Карабогазсульфат»), с которого началось развитие химической промышленности Туркменской ССР [5]. Разделение залива на 2 части при поставленных задачах расширения добычи по всему периметру залива было признано нецелесообразным. Сложившиеся экономические потребности, наряду с необходимостью расширения доли пролетариата [7, с. 68] (а она в Туркмении была ниже, чем в Казахской АССР), а это были два из четырех основных критериев при разграничении автономий (еще два: национальный состав – был в пользу РСФСР и волеизъявление населения – не проводилось), в значительной мере предопределили итоговое решение по разграничению в пользу приращения территории Туркмении.

Параллельно шло изменение административных единиц и их границ внутри республик. В 1927 г. был ликвидирован Адаевский уезд, преобразованный в округ, а в следующем году был упразднен и он. Часть Адаевского уезда была передана в состав Каракалпакии [6, с. 22–25, 124–125], которая, по решению от 20 июля 1930 г., в 1932 г. уже в статусе АССР перешла в непосредственное подчинение РСФСР [8, с. 205]. Определенное воздействие на процесс начала и за-

вершения разграничения оказали межэтнические столкновения 1923 г. и протесты 1931 г, выразившиеся в откочевках, но это тема отдельного исследования. Несмотря на противоречия и дискуссии, представляется, что завершение делимитации административной границы в 1932 г., в целом, оказало позитивное влияние на процесс развития Центрально-Азиатского региона в составе Советского Союза в довоенный период.

27 декабря 1932 г. вышло Постановление Президиума ЦИК Союза ССР (Протокол №57, п. 4) «Об определении административной территории Карабугаза, изменении в связи с этим границ между Туркменской ССР и РСФСР в районе Карабугаза с подчинением этой территории ЦИК Туркменской ССР и о порядке культурного обслуживания населения Карабугаза», согласно которому граница была перенесена зеркально на север по сравнению с проектом Госплана 1924 г. Весь залив и прилегающие территории оказались включены в состав Туркменской ССР, территория которой возросла до 443,6 тыс. кв. км [9, с. 12–13].

Помимо изменения границы по суше, а также переходе Кара-Богаз-Гола к Туркмении, к ней же отошла часть Каспийского побережья и, соответственно, часть морской территории, которая, согласно ст. 12 Договора РСФСР с Ираном 1921 г. о дружбе и сотрудничестве, составляла 10 морских миль параллельно побережья на всем протяжении изменившейся пограничной черты на суше [10, с. 970–975].

Так завершился процесс делимитации административной границы РСФСР с Туркменской ССР, занявший 8 лет. 5 декабря 1936 г. с принятием новой Конституции СССР, по которой Казахстан приобретал статус союзной республики, эта граница перестала существовать [11]. После этого у РСФСР на юго-востоке осталась граница только с одной союзной республикой – Казахской ССР. Бывшая граница РСФСР с Туркменской ССР с распадом СССР стала межгосударственной границей между независимыми Казахстаном и Туркменистаном; процесс ее делимитации прошел без серьезных разногласий, заняв намного меньше времени, чем тот же процесс в советскую эпоху, не вызвав социальных волнений и роста политической напряженности [12, с. 72-96].

Список использованных источников и литературы

1. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров об образовании Автономной Киргизской Социалистической Советской Республики // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 1 сентября 1920 года № 192.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р1318. Оп. 11. Д. 40.
3. Материалы по районированию Киргизской Республики (Общая часть и описание округов). Т. 1. Восточная и Западная Киргизия. Оренбург: Киргизское Гос. Изд-во, 1924.
4. ГАРФ. Ф. Р6892. Оп. 1. Д. 25.
5. История формирования границы Туркменской ССР. [Электронный ресурс]. URL: <https://meteojournal.ru/istoriya-formirovaniya-graniczy-turkmenskoj-ssr> (дата обращения: 18.04.2022).
6. Справочник по административно-территориальному делению Казахстана (август 1920 г. – декабрь 1936 г.) / сост. Ф.Н. Базанова. Алма-Ата: Архивное управление МВД Казахской ССР, 1959.
7. Трофимов Д. К вопросу об этнотерриториальных и пограничных проблемах в Центральной Азии // Central Asia and the Caucasus. Russian Edition. 2002. №1. С. 60-73.
8. Базарбаев Р.Ж. Кадровая политика РСФСР в Каракалпакстане в 1930-1936 гг. // Молодой ученый. 2010. № 7 (18). С. 205-209.
9. Административное деление СССР. Изменения, произошедшие с 1 ноября 1931 по 1 июля 1932 г. М.: Власть Советов, 1934.
10. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР. М.: б/и, 1944.
11. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена 5 декабря 1936 г.) с изменениями и дополнениями // Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М.: Политиздат, 1987. С. 277-296.

12. Аманжолова З.А., Атанов М.М., Турарбеков Б.Ш. Правда о государственной границе Республики Казахстан. 3-е изд-е, доп., перераб. Алматы, 2014.

Сведения об авторе: *Быков Андрей Юрьевич*, доктор исторических наук, профессор Сингапурской Академии Корпоративного Менеджмента, г. Москва, Россия, e-mail: baju72@mail.ru

И.В. Анисимова

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

СУДЕБНО-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА СОВЕТСКОГО КАЗАХСТАНА В 20-е ГОДЫ XX ВЕКА

Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, госзадание по проекту «Тюркский мир "Большого Алтая": единство и многообразие в истории и современности»
(реестровый номер 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

Аннотация. В работе проводится анализ развития судебно-правовой системы советского Казахстана в 1920–1925 гг. Определены основные этапы становления советского суда в Казахстане. Выявлены основные формы и методы организации судопроизводства. В 20-е гг. XX в. в результате принятия и введения в силу прогрессивных декретов Советской власти в Казахстане были ликвидированы существенные пережитки традиционной судебно-правовой системы и юстиция республики приобрела логически завершённый вид, полностью интегрировав в общегосударственное судебно-правовое пространство.

Ключевые слова: Советский Казахстан, реформы, судебная система, юстиция, нормативно-правовое обеспечение, традиционный суд, модернизация.

I.V. Anisimova

Altai State University, Barnaul (Russia)

THE JUDICIAL AND LEGAL SYSTEM OF SOVIET KAZAKHSTAN IN THE 20S OF THE XX CENTURY

Abstract. The article analyzes the development of the judicial and legal system of Soviet Kazakhstan in 1920–1925. The paper defines the main stages of the formation of the Soviet court in Kazakhstan, as well as identifies the main forms and methods of organizing legal proceedings. In the 20s of the XX century, as a result of the adoption and entry into force of progressive decrees of the Soviet government in Kazakhstan, significant remnants of the traditional judicial and legal system were eliminated and the justice of the republic acquired a logically completed form, fully integrating into the national judicial and legal space.

Keywords: Soviet Kazakhstan, reforms, judicial system, justice, regulatory support, traditional court, modernization.

Установление советской власти в России и бывших имперских национальных окраинах сделало необходимым проведение комплексной реорганизации государственного управления, в том числе и судебно-правовой системы. При этом Гражданская война и интервенция отложили на второй план вопросы социально-правовой модернизации и культурного строительства. Сразу после победы советской власти в Гражданской войне вопросы о борьбе с «вредными пережитками старого общества», упразднении институтов и норм традиционной судебно-правовой системы вновь приобрели свою актуальность. Интерес вызывает процесс становления советской модели судопроизводства в Казахстане, где на протяжении всего имперского периода конфигурация судебной системы включала в себя как общегосударственные институты, так и традиционные судебные инстанции и нормы права (суд биев и адат). Процессы государствовроительства требовали от властей решительных мер по унификации государственного аппарата и создания действенного и единообразного механизма власти, чем и было вызвано изменение отношения к структуре судебно-правовой системы региона.

После принятия 26 августа 1920 г. ВЦИК и СНК постановления об образовании «Автономной Киргизской Социалистической Советской Республики» началось институциональное оформление региональной юстиции, прежде всего, был учрежден наркомат юстиции [1, с. 6–8]. Принципы построения судебной системы КАССР были утверждены на Первом Всекиргизском Учредительном съезде Советов, который проходил 4–12 октября 1920 г. в г. Оренбурге. В принятой на съезде резолюции «Об организации советской юстиции» подчеркивалось, что необходимо «народную юстицию построить в точном соответствии с опытом народного революционного суда Советской России, считаясь с бытовыми особенностями киргизского народа там, где они не противоречат основным положениям прав трудящихся, устанавливаемых настоящей Декларацией» [1, с. 96–99; с. 85–88]. При этом региональные власти признавали сохранение в обществе норм обычного права, которые в отдельных случаях успешно и бесконфликтно взаимодействуют с общегосударственными принципами юстиции, в других случаях их реальное существование приводит к противоречию друг другу. В «Резолюции» подчеркивалось, что одной из важных задач наркома юстиции Кирреспублики является «собрание и систематизация материалов обычного права киргизского народа для практического законодательства» [2, док. № 192, с. 284]. В целом, документ предусматривал конкретные шаги по организации судоустройства в регионе, в том числе: обязательность ведения судопроизводства на родном для населения языке, выездные сессии народных судей в отдаленные районы, создание кадрового резерва народных судей для своевременного замещения, открытие курсов по подготовке нарсудей и народных следователей, организация бесплатной юридической помощи населению в виде консультаций и предоставления государственного защитника.

Ряд положений вносил изменения в систему исполнения наказаний. Так, наркому юстиции для расширения видов наказания было поручено принять меры к организации «принудительных работ, земледельческих и скотоводческих колоний, социальных клиник и т.п.» [2, док. № 192, с. 285]. Отдельно в «Резолюции» рассматривался раздел о брачном, семейном и опекуном праве казахского общества, основные положения которого сводились к необходимости «раскрепощения киргизской женщины», утверждению принципа заключения

брака на добровольном и обоюдном согласии при достижении брачного возраста (женщины – 16 лет, мужчины – 18 лет), введению понятия «развода» как по обоюдному согласию супругов, так и в одностороннем порядке. Результатом Первого Всекиргизского Учредительного съезда Советов стала разработка законоположений, отменяющих отдельные институты адата, а именно: куна; семейно-брачных институтов обычного права, таких как калым, многоженство, аменгерства; процессуальных учреждений адата – барымты, суда биев, большинство из которых были введены в действие уже к концу 1920 г.

Так, 9 декабря 1920 г. Совнарком Казахстана издал декрет «Об отмене куна» [2, док. № 209, с. 309–310]. Были упразднены действовавшие в казахских областях «третейские» суды аксакалов, а неразрешенные ими дела были переданы в компетенцию народным судам. Согласно постановлению Наркома юстиции Киргизской АССР от 20 декабря 1920 г. народные суды должны были при решении дел исходить из «Положения о едином народном суде» и декретов Советской власти. Однако, в постановлении признавалось возможным в случае крайней необходимости «руководствоваться <...> «народными» обычаями» [3, с. 206].

Одной из отраслей права, требовавших коренной реорганизации, были семейно-брачные отношения. На Первом Учредительном съезде Советов КирАССР 1920 г. была выработан единая позиция по отношению к вопросам семьи и брака. В частности подчеркивалось, что «семейный быт киргиз содержит еще <...> целый ряд нелепых традиций, с которым необходимо бороться. Надо твердо установить новый курс на сущность брака и развода» [1, с. 56]. В конце декабря 1920 г. был издан Декрет ЦИК и СНК КАССР «Об отмене калыма», уплата и принятие которого становилось уголовным преступлением [2, док. № 211, с. 310]. В январе 1921 г. СНК КАССР утвердил Декрет «О брачном праве киргиз». В основу принятых документов был положен Кодекс законов о браке, семье РСФСР. Декрет законодательно закреплял равноправие супругов в семейно-брачных отношениях, отменял нормы обычного права, допускавшие похищение девушек для последующего вступления с ними в брак, и традицию аменгерства. В ноябре 1921 г. издается Декрет Совнаркома КАССР «О наказуемости многоженства», где наряду с отменой этого обычая определялись и меры наказания уголовно-правового характера за его совершение.

Основополагающим для развития советской юстиции в регионе стал декрет ЦИК КирАССР «О народном суде Киргизской Социалистической Советской Республики», принятый 8 апреля 1921 г. И хотя документ по основным положениям воспроизводил Положение о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г., однако ряд принципов организации и деятельности народного суда был изменен с учетом национальных условий региона. Декрет предусматривал замену следственных комиссий единоличными следователями, что способствовало повышению качества предварительного расследования. Также предусматривалась организация параллельно народных судов, ведущих делопроизводство на русском и казахском языках. К подсудности народного суда, рассматривавшего дела с участием шести заседателей, были отнесены дела о правонарушениях в сфере семейно-брачных отношений (похищение женщины, принуждение к замужеству, нарушение декретов об отмене куны и калыма и т.д.). Также, согласно декрету, народные суды по-прежнему могли опираться при вынесении решения на нормы обычного права. Однако эти положения не остановили процесс по разрушению сохранявшихся в казахском обществе элементов патриархальных отношений.

Важно подчеркнуть, что развитие судебно-правовой системы КАССР шло в русле общегосударственных тенденций. В начале 20-х гг. XX в. в РСФСР была проведена кодификация законодательства, были изданы Уголовный, Уголовно-Процессуальный, Гражданский, Земельный и другие кодексы, которые позднее получили распространение и на территории республики [4, с. 60]. В июле 1922 г. на территории КирАССР был введен Уголовный кодекс РСФСР. Однако общегосударственное законодательство не всегда отражало региональные особенности правоотношений, что приводило к внесению дополнений в нормативно-правовые акты. Так, 16 октября 1924 г. постановлением ВЦИК в УК РСФСР для Казахской АССР по инициативе республиканских властей была введена в действие гл. IX «Нарушения запретов куна, бариты (барачты), калыма, принуждения женщин к супружеству у киргиз КАССР» [5, с. 307]. В циркуляре Народного комиссариата юстиции КАССР от 12 января 1925 г. «О порядке применения IX главы УК РСФСР» отмечалось, что борьба с этими бытовыми преступлениями «нелегка, ибо они укоренились веками и воспринимались с молоком матери,

что изжить их одними административными мерами нельзя, требуется развернуть широкую массово-просветительскую работу среди населения» [6, с. 92].

С 1 января 1923 г. в Киргизской Республике начал действовать первый Гражданский кодекс РСФСР. В целом введение в действие нормативной основы работы судебной системы способствовало усилению деятельности советских народных судов, укреплению их компетенций, росту функциональной эффективности.

Одним из важных направлений работы региональной юстиции было обеспечение широкого доступа местного населения к органам судебной власти. В сентябре 1922 г. Совнаркомом КирАССР было издано постановление о проведении в жизнь законодательных актов на казахском языке. К началу 1923 г. был установлен статус казахского как основного языка, на котором должно осуществляться судопроизводство. Летом 1923 г. Наркомом юстиции КирАССР был издан специальный циркуляр о переводе всего делопроизводства в судах, обслуживающих казахское население, на казахский язык. Наркомом юстиции была организована работа по подготовке и изданию типографским способом судебно-следственной документации, по переводу и изданию на казахском языке Собраний узаконений и распоряжений правительства КирАССР за 1923 г., Уголовного кодекса РСФСР и ряда других нормативно-правовых актов. В 1924 г. были организованы юридические курсы НКО КирАССР, которые готовили судебно-следственных работников, в том числе казахской национальности.

Происходило и институциональное оформление юстиции советского Казахстана. Во второй половине 1922 г. в Казахстане была организована прокуратура и адвокатура, а 17 января 1923 г. Народным комиссариатом юстиции республики был издан циркуляр «О введении в действие Положения о судостроительстве РСФСР» 1922 г., согласно которому в стране устанавливалась единая 3-ступенчатая система судебных учреждений [7].

Уже весной 1923 г. в семи губерниях советской республики были созданы губернские суды, сформирована сеть народных судов, включавшая 138 участков, и создан следственный аппарат. В апреле 1923 г. Постановлением ВЦИК в республике было учреждено отделение Верховного суда РСФСР, что, по мнению ряда исследователей, завершило «построение трехчленной судебной системы

Казахской республики: народный суд, губернский суд, отделение Верховного суда РСФСР» [4, с. 63]. При этом организация в Казахстане высшей инстанции судебной системы отделения Верховного суда изначально имела свои особенности и представляла собой Верховный уголовный суд республики. Только в 1925 г. в составе Казахского отделения Верховного суда РСФСР были организованы судебная и кассационная коллегия по гражданским делам.

Таким образом, к 1925 г. завершился сложный период институционального и нормативно-правового оформления юстиции советского Казахстана. Характеризуя основы судеустройства СССР и союзных республик, ряд исследователей подчеркивают, что «советское государство рассматривало судебные органы, прежде всего, как инструмент в достижении своих целей» [8, с. 171], с чем нельзя не согласиться. Однако в результате принятия и введения в силу прогрессивных декретов Советской власти в Казахстане были ликвидированы существенные пережитки традиционной судебно-правовой системы и юстиция республики приобрела логически завершенный вид, полностью интегрировавшись в общегосударственное судебно-правовое пространство.

Список использованных источников и литературы

1. Учредительный съезд Советов Киргизской (Казакской) АССР. 4–12 октября 1920 г. Протоколы. Алма-Ата; М.: Казакстанское краевое издательство, 1936.
2. Образование Казахской ССР. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1957.
3. История государства и права Советского Казахстана. Т. 1. (1917–1925 гг.). Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1961.
4. Шаламов М. Судебное устройство Казахстана. М.: Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1941.
5. История советского уголовного права. М.: Юрид. изд-во, 1948.
6. Даулетова С. Барымта и ее ликвидация в первые годы Советской власти в Казахстане // Проблемы казахского обычного права / отв. ред. С.З. Зиманов. Алма-Ата, 1989.

7. Постановление от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие положения о судеустройстве РСФСР». [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1438.htm

8. Бабенко В.Н. Судебная система России: История и современность. М.: ИНИОН РАН, 2007.

Сведения об авторе: *Анисимова Инна Владимировна*, канд. ист. наук, доцент кафедры востоковедения, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, e-mail: iva0410@mail.ru

Г.Н. Кондратюк

Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь (Россия)

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В КРЫМСКОЙ АССР В 1929-1934 ГОДАХ: ИЗМЕНЕНИЕ КУРСА

Аннотация. В статье рассматриваются направления и конкретные мероприятия советской национальной политики в Крымской АССР в 1920–1930-е гг. Автор отмечает, что она не была комплексом одинаковых мер на протяжении двадцатилетия и обладала существенными региональными особенностями.

Ключевые слова: Крымская АССР, национальная политика, коренизация, земельная реформа.

G.N. Kondratyuk

Crimean Engineering Pedagogical University, Simferopol (Russia)

NATIONAL POLICY IN THE CRIMEAN ASSR IN 1929-1934: CHANGE OF COURSE

Abstract. The article examines the directions and specific measures of the Soviet national policy in the Crimean ASSR in the 1920s-1930s. The author notes that it was not a set of identical measures for twenty years and had significant regional features.

Keywords: Crimean ASSR, national policy, korenization, land reform.

Национальная политика межвоенного периода в Крыму не была комплексом одинаковых мер на протяжении двадцатилетия. В курсе коренизации может быть выделено несколько периодов. Первый продолжался с 1921 по 1928 г. В 1921 г. была создана Крымская АССР и одной из важнейших причин ее формирования была многонациональность полуострова. Этот период характеризуется относительной свободой, предопределившей национально-культурное творчество. Развивается система национальных школ, действуют национальные клубы, театральные коллективы. Работают писатели и поэты, составившие золотой фонд крымскотатарской литературы Б. Чобан-заде, А.С. Айвазов, А. Гирайбай, А. Одабаш.

Второй период может быть обозначен с 1929 по 1934 г. В 1928 г. в Крыму состоялась одна из первых репрессивных акций укреплявшегося тоталитарного режима. Проведен судебный процесс над председателем ЦИК Крымской АССР Вели Ибраимовым и группой его ближайших соратников. Суд вынес решение о казни Вели Ибраимова. Данный судебный процесс стал началом широкой кампании репрессий против национал-коммунистов. Укрепившийся тоталитарный режим посчитал опасностью для себя рост национального самосознания, расширение влияния национальной интеллигенции. Судебные процессы дали старт широкой волне репрессий против национальной интеллигенции. Было репрессировано руководство Всеукраинской академии наук. Творческая интеллигенция была обвинена в «буржуазном национализме» и «национал-уклонизме». Важное обстоятельство состояло в том, что в самой коренизации заключалось глубокое противоречие между национальным и интернациональным. Для национальной интеллигенции, многие представители которой прошли через революцию 1917 г., национальное являлось приоритетным, национально-культурное творчество было воспринято слишком буквально. В школах росло новое поколение молодежи с высоким уровнем этнического самосознания. 20–26 ноября 1927 г. в Симферополе проходила XIII областная партийная конференция. В прениях по докладу секретаря ОК ВКП(б) Живова один из выступавших отметил «что в селах эти школы [крымскотатарские – Авт.] поставлены не всегда, так как надо. Очень

часто там проводится националистическая линия, которая воспитывает детей в национальном духе» [1, л. 135]. Укрепившийся сталинский режим изменил приоритеты национальной политики. Взаимосвязь с индустриализацией стала занимать важнейшее положение.

Однако в Крыму был еще один аспект, вызвавший глубокий конфликт. Это земельная реформа. В ходе земельной реформы участками должно было быть наделено национальное крестьянство. Среди крестьян крымских татар половина была безземельной, поэтому решение этой острой и болезненной проблемы руководству автономии виделось как важнейший содержательный компонент национальной политики. На проходившей 27 января – 2 февраля 1927 г. XII областной партийной конференции ВКП(б) земельной проблематике было уделено особое внимание. Секретарь Крымского обкома ВКП(б) Петропавловский в докладе отметил, что «отсутствие внутриселенного землеустройства вносит неурядицу в деревню, потому что распри, а иногда и национальные споры в деревне, главным образом происходят из-за земли» [2, л. 16]. Выступивший Уполномоченный по делам национальных меньшинств при ЦИК Крымской АССР У. Балич в докладе, посвященном национальному вопросу, отметил, что «вопрос землеустройства среди татарского населения дает такие результаты, что землепользование среди татар возросло после проведения междуселенного землеустройства на 100%, т.е. вдвое увеличилось... Землеобеспеченность немецкого крестьянства в сравнении с довоенным временем уменьшилась на 50%» [2, л. 159об]. Курс Народного Комиссариата Земледелия Крымской АССР предполагал осуществление как внутриселенного, так и междуселенного землеустройства. Эти мероприятия были существенно скорректированы программой переселения в Крымскую АССР евреев из местечек УССР и БССР. Переселение евреев должно было решить несколько задач. Во-первых, проблему бедности в штеттлах. Во-вторых, по мнению большевистского руководства, доминирование среди евреев занятия торговлей рождало мелкобуржуазный уклад и непролетарские настроения. В-третьих, на международной арене важно было показать, что проблема антисемитизма в СССР решена. Председатель ЦИК Крымской

АССР Вели Ибраимов понимал, что массовое переселение может изменить демографическую ситуацию и приоритеты в развитии автономии. Процессу переселения оказывалось скрытое сопротивление. Официальный лозунг был таков, что сначала необходимо завершить земельную реформу в Крыму, а затем на оставшиеся земли приглашать переселенцев извне полуострова. Противодействие курсу национальной политики центра стало одной из причин суда и репрессирования В. Ибраимова. Важной, но не единственной причиной, так как проводившаяся земельная реформа носила специфический характер. При наделении землей приоритет отдавался зажиточным крестьянам, или «кулакам» в терминологии рассматриваемого периода. Данное обстоятельство было отмечено на Совещании по национальному строительству при ОК ВКП(б) проходившем 10–12 ноября 1929 г. Выступавший с докладом по хозяйственным вопросам А.А. Самединов отмечал, что «при проведении землеустройства при ибраимовщине было допущено искажение классовой линии, классовые интересы были подменены узким национализмом...Этому безобразию был положен конец решением ЦК от 8/VIII 1928 г. После этого решения ЦК одной из основных задач крымской парторганизации стало проведение земельной реформы» [3, л. 28].

Крымское политическое руководство было представлено также бывшими членами партии «Милли-фирка», занимавшими посты в советских органах власти и управления. Партия в первой половине 1920-х гг. практически полулегально существовала. ЦК партии «Милли-фирка» возглавлял Б. Чобан-заде, одновременно избранный и в состав ЦИК Крымской АССР. Национальная политика в Крымской АССР отличалась специфическими чертами, что было обусловлено ситуацией на полуострове. Эта особенность была отмечена на партийном совещании докладчиком обкома ВКП(б) Таксером: «Недостаточное, а в ряде районов и полное отсутствие пролетарской прослойки среди населения, чрезвычайная национальная пестрота, незавершенность аграрной реформы и неурегулированность земельных отношений, обостряющих классовую борьбу в деревне, чрезвычайная религиозная пестрота, низкий культурный уровень крымского населения, как татарского,

так и нацменовского и острый недостаток квалифицированных, идеологически выдержанных работников, особенно среди нацмен и татар» [4, л. 2].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что национальная политика в межвоенный период в СССР обладала существенными региональными особенностями. Крымской АССР были присущи уникальные черты, поэтому автономия стала своеобразной опытной площадкой по апробирования мероприятий коренизации.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 595.
2. ГАРК. Ф. П 1. Оп. 1. Д. 591.
3. ГАРК. Ф. П 1. Оп. 1. Д. 870.
4. ГАРК. Ф. П 1. Оп. 1. Д. 809.

Сведения об авторе: *Кондратюк Григорий Николаевич*, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова (Симферополь, Россия), e-mail: kondratjukkipu@gmail.com

Н.А. Осипов

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
г. Санкт-Петербург (Россия)

УКРАИНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ НА ТЕРРИТОРИИ КУБАНИ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1918–1922 гг.

Аннотация. В данной статье рассматривается краткая история Кубанского региона, в особенности этническая история его заселения. В результате относительного преобладания украинского этноса на территории Кубанской области в дальнейшем украинский вопрос в данном регионе стал особенно актуален во время Революции 1905–1907 гг., а также в ходе Гражданской войны 1918–1922 гг.

после Революций 1917 г. Государственность представителями украинского этноса на Кубани действительно была создана, однако просуществовала недолго и самого начала была обречена на провал в связи с полиэтничностью данного региона.

Ключевые слова: Кубанская Украина, кубанцы, запорожские казаки, черноморское казачье войско, украинцы, украинский, русификация, ассимиляция, малороссы.

N.A. Osipov

A.S. Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg (Russia)

UKRAINIAN STATEHOOD IN THE KUBAN DURING THE CIVIL WAR OF 1918–1922

Abstract. This article discusses the brief history of the Kuban region, especially the ethnic history of its settlement. As a result of the relative predominance of the Ukrainian ethnic group in the territory of the Kuban region, the Ukrainian issue in this region later became especially relevant during the revolution of 1905–1907, as well as during the Civil War of 1918–1922 after the Revolutions of 1917. Statehood by representatives of the Ukrainian ethnic group in the Kuban was indeed created, but it did not last long and from the very beginning was doomed to failure because of the polyethnicity of this region, as mentioned above. Despite attempts at Ukrainization in the 1920s and 1930s on the territory of Kuban, Ukrainian identity among the population gradually declined, which was later shown by the USSR population censuses.

Keywords: Kuban Ukraine, Kuban, Zaporozhye Cossacks, Black Sea Cossack army, Ukrainians, Ukrainians, Russification, assimilation, Little Russians.

Современная территория Украины в действительности не охватывает все земли, на которых когда-то проживали украинцы. Такие территории могут представлять собой как географически близкие к Украине регионы, так и анклав, которые именуются Клинами. Например, Малиновый Клин (Кубань), Желтый

Клин (Нижнее Поволжье), Серый Клин (Западная Сибирь) и Зеленый Клин (Дальний Восток).

Некоторые из вышеперечисленных регионов мало изучены в рамках украинского вопроса, например, современные регионы исторической области Кубань, в связи с чем актуальность предполагаемой научной тематики затрагивает этнокультурные процессы, происходившие в прошлом веке на территории нашей страны, поэтому данная тема актуальна.

Цель данной работы заключается в обобщенном описании истории Кубанской области в рамках украинского вопроса, заселение данного региона украинским населением, его культурная активность, становление государственности в период Революции 1917 г. и последующей Гражданской войны, а позже ее вытеснением советской властью, а также под влиянием активности других этносов в данном регионе. Для этого необходимо выделить и дать содержательную характеристику этапов развития данного региона в 1764–1930 гг.

В 1764 г. российская императрица Екатерина II упраздняет Гетманат на территории Левобережной Украины, входившей в состав Российской Империи, а в 1775 г. ликвидирует Запорожскую Сечь, после чего некоторая часть запорожских казаков переселяется за Дунай и под властью османского султана создается Задунайская Сечь. Однако большая часть бывших запорожцев покорились указу императрицы и отправилась в губернские центры для постановки на учет и приписки к какому-либо сословию. По результатам мирных договоров между Османской и Российской империями 1783 и 1791 гг. река Кубань становилась границей государств на Кавказе [1, с. 183].

Крымский полуостров вошел в состав Российской империи, но угроза исходила от кавказской границы, так как Турция восстанавливала силы и грозила новой войной, в связи с этим Григорий Потемкин предложил восстановить казачьи войска и разместить их на вновь приобретенных территориях.

22 января 1783 г. вышел императорский указ об официальном принятии казаков на российскую службу и создание «Войска верных казаков» [2]. К 1787 г.

войско насчитывало 12 тыс. человек и было брошено на очередную войну с Турцией [1, с. 184].

По окончании войны казаки получили название «Черноморское казачье войско» и жалованную грамоту императрицы Екатерины II 1792 г., по которой они могли заселить земли Кубани. [1, с. 183].

В результате интенсивного заселения, которое осуществлялось не только казаками, но и крестьянством, Кубанский регион стал преимущественно украиноязычным, а также сохранял культуры и обычаи Запорожского войска. Так были распространены украинский фольклор, украинские песни, нравы, обычаи, поверья, быт и др. [1, с. 45–46].

Однако в связи с проведением Александром II административно-территориальной реформы в 1860-х гг. однородность территории изменилась. Рядом с черноморцами также селились кавказские казаки, а также донские [3].

В 1860 г. несколько бригад были выделены из кавказского линейного войска и объединены с черноморским в кубанское казачье войско, в результате чего была создана Кубанская область. Началось упразднение старого административно-территориального деления, и были созданы новые округа и уезды [4, с. 8].

В результате Февральской революции 1917 г. монархия была свергнута и была активизирована волна национально-культурных движений. Так, с 30 апреля по 3 мая 1917 г. в Екатеринодаре прошли сборы казачества, на которых была создана Кубанская Военная Рада. Главой был избран Николай Рябовол. 24 сентября прошла 2-я сессия Кубанской Рады, на которую были приглашены представители украинской стороны, а 16 февраля 1918 г. была провозглашена Самостоятельная Кубанская Народная Республика, а через несколько дней Законодательная Рада приняла резолюцию о воссоединении КубНР и УНР на федеративной основе. Однако резолюция носила декларативный характер и не имела под собой практической реализации [5].

В ходе наступления Красной армии в короткий срок на территории Кубани, в том числе и Екатеринодаре, была установлена советская власть. 14 апреля была провозглашена Кубанская Советская Республика. После объединения со

Ставропольской республикой 30 мая была провозглашена Кубано-Черноморская Советская республика, которая вместе с Терской республикой 7 июля образовала Южно-Кавказскую Советскую республику. Вышепредставленные территориальные образования не просуществовали долго и были уничтожены в результате наступления Добровольческой армии.

Кубанское движение, потеряв своих лидеров, было обречено на провал. Добровольческая армия потерпела поражение, победителями из Гражданской войны вышли большевики, которые в 1920 г. создали Кубано-Черноморскую область. Ее в 1924 г. объединили с Донской, Ставропольской и Терской губерниями и образовали Юго-Восточную область. Спустя 8 месяцев в результате объединения упраздненной Юго-Восточной области и автономных областей: Адыгейской, Карачаево-Черкесской, Кабардино-Балкарской и Чеченской, Сунженского казачьего округа и автономного города Грозный на правах округа был образован Северо-Кавказский край. В рамках национальной политики СССР на территории бывшей Кубанской области в 1920–1930-х гг. проводилась политика коренизации, в виде украинизации для украиноязычного населения. В связи с полиэтничностью региона, отдаленности территории Кубани от Украинской ССР, нежелании местных властей работать с украинским вопросом и стихийной ассимиляцией, местное украинское население влилось в состав российского народа в данном регионе, что было зафиксировано последующими послевоенными переписями населения [6, 7, с. 56].

Список использованных источников и литературы

1. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: Очерки края, о-ва, вооруж. силы и службы: в 17 рассказах, с эпилогом, карт. и 4 рис. с натуры: в 2 ч. СПб.: Тип. П.А. Кулиша. 1858. [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003600213#?page=199> (дата обращения: 10.05.2022).
2. Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. Т. 6: 1720–1722. СПб., 1830. [Электронный ресурс]. URL:

<http://elib.shpl.ru/ru/nodes/178-polnoe-sobranie-zakonov-rossiyskoy-imperii-obranie-pervoe-s-1649-po-12-12-1825-spb-1830> (дата обращения: 10.05.2022).

3. Беликов А.В. Переселенческая политика России после отмены крепостного права и «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» от 10 мая 1862 г. // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2007. № 1. С. 69–79.

4. Князева Е.Е. Кубанские казаки. Страницы истории Кубанского казачьего войска. М.: Государственный исторический музей. 2017. 150 с.

5. Володимир Дем'яненко. Микола Рябовол. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20060823185715/> <http://www.ukrnationalism.org.ua/get/book.cgi?n=18> (дата обращения: 10.05.2022).

6. История административных преобразований в крае. [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20090517084522/http://whp057.narod.ru/kras-k.htm> (дата обращения: 10.05.2022).

7. Долгова Е.И. Административно-территориальное устройство Ставрополя с конца XVIII века по 1920 год: справочник. Ставрополь, 2008. 102 с.

Сведения об авторе: *Осипов Никита Александрович*, аспирант ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет», руководитель музея школы № 152, педагог истории и обществознания, педагог дополнительного образования, г. Санкт-Петербург, e-mail: osipov090996@mail.ru

СЕКЦИЯ 2. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СССР

Л.К. Жаманбаева

Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова,
Усть-Каменогорск (Казахстан)

КОНФИСКАЦИЯ И ВЫСЕЛЕНИЕ КАЗАХСКИХ БАЕВ-ПОЛУФЕОДАЛОВ

Аннотация. В статье на основе источников из архива Президента Республики Казахстан, Центрального государственного архива РК и Центра документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области (г. Семей) рассматривается процесс ликвидации байства как класса в Казахстане в конце 20-х гг. XX в.

Ключевые слова: конфискация, выселение, бай, полуфеодалы, кочевые хозяйства, полукочевые хозяйства, оседлые хозяйства.

L.K. Zhamanbayeva

East Kazakhstan University named after S. Amanzholov,
Ust-Kamenogorsk (Kazakhstan)

CONFISCATION AND EVICTION OF SEMI-FEUDAL KAZAKH BAIS

Abstract. In the article, based on sources from the archive of the President of the Republic of Kazakhstan, the Central State Archives of the Republic of Kazakhstan and the Center for Documentation of the Contemporary History of the East Kazakhstan region (Semey), the process of eliminating the baystvo as a class in Kazakhstan, in the late 20s of the XX century, is considered.

Keywords: confiscation, eviction, bays, semi-feudals, nomadic farms, semi-nomadic farms, sedentary farms.

Одной из трагических страниц силовой модернизации сельского хозяйства в Казахстане в 1920–1930-х гг. прошлого столетия была конфискация имущества крупных баев-скотовладельцев с выселением их вместе с семьями за пределы районов проживания. Саму идею обосновал еще весной 1919 г. Ленин, отвечая на вопрос казахстанцев-делегатов VIII съезда РКП(б), каким образом можно подорвать экономическую силу баев в ауле. Ленин отметил: «Очевидно, вам придется раньше или позднее поставить вопрос о перераспределении скота» [1, с. 17–19]. Вопрос о конфискации скота у крупных баев ставился и на III областной партийной конференции Казахстана в марте 1923 г.

К концу 1920-х гг. идея ликвидации крупных скотоводческих хозяйств вновь признается актуальной, и в декабре 1927 г. была сформирована специальная комиссия по разработке специального закона о конфискации имущества. 25 февраля 1928 г. было поручено «комиссии в составе Исаева, Нурмакова и Сафарбекова разработать проект об экспроприации с последующим его утверждением на бюро» [2, с. 125].

26 июля 1928 г. на совещании в Казкрайкоме партии рассматривались вопросы проведения предварительной комиссии, методах и сроках, критериях конфискации баев и полуфеодалов.

В «Докладной записке Казкрайкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б) «О конфискации средств и орудий производства у крупных байских хозяйств и лиц из бывших привилегированных сословий и родовых групп» были установлены нормы конфискации скота, поскольку средством производства и накопления для ликвидируемых хозяйств считался скот. Таких норм было установлено две по каждому из трех типов хозяйств: кочевое, полукочевое и оседлое. Нормы устанавливались таким образом: для первого типа хозяйств предельный минимум скота устанавливался в 200 голов в переводе на крупную единицу, а предельная норма – 300 гол. В переводе на крупную единицу. Для второго типа хозяйств – 100 и 200 голов. Для третьего типа – 50 и 100 голов [3, л. 231-241]. Таких подлежащих к выселению было не более 500 человек по всему Казахстану.

Постановлением СНК КАССР от 30 августа 1928 г. были установлены места выселения: из Джетысуйского и Сыр-Дарьинского округов в Уральский; из

Уральского – в Джетысуйский; из Гурьевского – в Петропавловский; из Каркаралинского – в Кустанайский; из Семипалатинского – в Сыр-Дарьинский; из Павлодарского и Петропавловского – в Актюбинский округ и т.д. [4, л. 115].

На заседании бюро Казкрайкома 18 августа 1928 года было принято решение о создании комиссии по конфискации, которую возглавил Е. Ерназаров. В состав комиссии вошли Н. Нурмаков, Г. Токтабаев, У. Джандосов и др. На местах конфискацией должны были заниматься окружные комиссии. Партийные комиссии должны были установить суммарные цифры конфискуемых хозяйств.

27 августа 1928 г. был принят декрет ЦИК и СНК КАССР «О конфискации и выселении крупнейших байских хозяйств и полуфеодалов», по которому началась компания по конфискации байских хозяйств с выселением семей в другие районы. А 27 августа и 13 сентября 1928 года были приняты постановления «Об уголовной ответственности за сопротивление к конфискации» и «О переселении крупных и частично крупных феодалов». Было установлено конфисковать имущества у 700 крупных хозяйств. Вместе со скотом были конфискованы средства производства. Таким образом, в ходе акции было конфисковано 696 хозяйств, а 669 человек были высланы как бай-феодалы. Из них 562 попали под конфискацию как первая группа, а 132 – как II-III группа. Согласно неполной информации об этих конфискациях, было конфисковано 142737 голов крупного скота [5, л. 13].

При конфискации имущества баев и последующей их высылке часто допускались вопиющие злоупотребления. Например, фактически количество баев, действительно имевших большое количество скота, было сравнительно немного – 3% от общего количества. Поэтому уполномоченные шли на различные ухищрения – жадность, зависть, желание выслужиться [1, с. 17–19].

Помимо этого списки баев, которые подлежали конфискации и выселению, постоянно корректировались: убирались одни фамилии и вписывались другие. Для того чтобы выполнить план, нередко объединяли членов несколько семей и таким образом получали недостающий процент. То обстоятельство, что скота определенно не хватает, чтобы отправить человека в ссылку, а имущество конфисковать, особо не смущало ретивых исполнителей. Например, в хозяйстве сы-

на знаменитого казахского поэта Абая Ибрагимова Турагула, состоящим из 9 душ, в том числе с семейным сыном, проживавшим отдельно от него еще до революции, было всего 36 голов скота. В своей жалобе в ЦИК КАССР он, сообщая о том, что еще при царизме был только середняком, пишет: «По своему родовому происхождению я сын известного поэта Абая. Отец Абая был Кунанбай, который был султаном, обычным управителем. Я думаю, тут большое недоразумение, смешивают слова агасултан и султан. Агасултан – это ханский правитель, а султан – это обычный управитель, каковым был Кунанбай. Декрет относится, по-моему, к потомкам ханов и агасултанов» [6, л. 4]. Турагул Ибрагимов (Кунанбаев) умер в Шымкенте в 1934 г. Дело его пересмотрено не было.

Для реализации Постановления 27 августа 1928 г. на места выехало несколько тысяч уполномоченных. В каждом ауле создали Комиссии содействия из 10–15 батраков и бедняков. Почти неограниченные права получили представители ОГПУ. Руководство этого учреждения распорядилось о введении на границе усиленной охраны, чтобы воспрепятствовать откочевкам за рубеж, в пределы Китая. В специальной шифрограмме в Бахты, Зайсан, Джаркент говорилось: «Первое сентября начнется проведение в жизнь декрета конфискации байства. Учитывая возможность напора байства в Китай целях обеспечения охраны границы ваше оперподчинение высылается [7].

В Семипалатинском округе стараниями руководства Округкома ВКП (б) и Округного исполкома в списки баев-полуфеодалов и лиц, попадавших под действие декрета о конфискации и выселении, были внесены обычные байские, зажиточные и даже середняцкие хозяйства. Так, в Бишкарагайском районе первоначальный список из двух баев был увеличен до 17, окружной комиссии пришлось принимать меры к проведению конфискации по ранее принятым спискам не только в указанном, но и во многих, других районах [8, с. 118].

Территория применения постановления в Семипалатинском округе включала 9 районов: Бишкарагайский, Кзылтанский, Кзыл-Тасовский, Чингиставский, Аягузский, Жарминский, Уланский, Тарбагатайский, Курчумский. Выселению и конфискации по декрету от 27 августа подверглись 64 хозяйств, из них бай-полуфеодалы составляли 20 человек, остальные 44 были крупными скотовода-

ми. Было конфисковано 2746,59 голов скота в переводе на крупный рогатый, в трудовую норму репрессированным баям была оставлена 871 голов по нормам, разработанным СНК [8, с. 116].

Всего высланных в Сыр-Дарьинский округ семейств насчитывалось 4446 человек, из них взрослых мужчин 99, взрослых женщин – 125, подростков мужского пола (до 18 лет) – 131, женского пола – 101. Скрылись с семьями трое: Мурсалимов Заманбек, Адилев Иса, Укубаев Каражан.

Из общего числа высланных обжаловали решения комиссии 45 лиц, которые свои претензии аргументировали неправильностью подведения хозяйств под признаки конфискации и выселения, а также несоответствием наличного скота к нормам, предусматриваемым декретом [8, с. 121].

Предпринимались и другие попытки противостоять выселению. Это был и сбор документов, носящих оправдательный характер, от райисполкомов, сельаулсоветов, которые власти во всех случаях признавали фиктивными. Подавались жалобы в окружную комиссию по конфискации, в КазЦИК, ВЦИК РСФСР и СССР. Но они тоже передавались на рассмотрение местным властям и ни к каким положительным результатам ни приводили. Наконец, последняя попытка противостоять насильственным мерам властей была предпринята женщинами, которые подавали на развод со своими мужьями, чтобы сохранить хоть какую-то часть имущества и остаться на месте. Сначала народные суды рассматривали эти заявления, но затем и они были признаны властями несостоятельными и были аннулированы [8, с. 125].

В период кампании по конфискации и выселению баев-полуфеодалов вместо высланных из округа 61 семейства были распределены по 7 районам – Аягузскому, Кзылтанскому, Бишкарагайскому, Уланскому, Жарминскому, Жана-Семейскому, Чингиставскому – 31 семейство баев-полуфеодалов, высланных из Кустанайского округа. Их расселяли на свободных землях, где имелись бывшие переселенческие участки, отводилось место для усадьбы, выделялись пахотные и сенокосные угодья по числу едоков, согласно существующим нормам. И в данном случае не обошлось без перегибов. В пяти случаях расселения прибывших произошло в местах, откуда были высланы свои баи.

Проведение Постановления о конфискации и выселении скота и имущества баев-полуфеодалов в Семипалатинском округе, как и везде, проходило с нарушением элементарных правовых норм, наблюдались случаи массового расхищения конфискованного скота по причине отсутствия точного его учета. Органы прокуратуры и ОГПУ, чувствуя безнаказанность, усиливали карательные меры. Конфискация в Казахстане имела различный размах в зависимости от места проживания баев. Наиболее высокий процент осужденных по второй категории, т.е. баев-полуфеодалов, приходился на Гурьевский (41,1%), Петропавловский (36%), Семипалатинский (31,2%) и Кзыл-Ординский (28,5%) округа [9, с. 130].

В ходе проведения этой репрессивной акции в отношении байства к конфискации и выселению (по существу физическому вымиранию), была приговорена наиболее опытная и грамотная часть населения кочевых и полукочевых районов Казахстана, подорвана хозяйственно-организаторская функция самой образованной, авторитетной верхушки традиционного аула. У баев была изъята 144474 голов скота (в переводе на крупный). Из числа 58,6% было передано в пользование 25061 маломощным хозяйствам, а остальной скот перераспределен между колхозами. Однако конфискованного скота не хватило для удовлетворительного обеспечения всех бедняцких хозяйств и, тем более, подтягивания их до уровня середняцких; немалая часть полученного скота в этих хозяйствах пошла на продажу, оплату долгов и налогов и т.д. В ходе репрессий пострадало в большей степени сельское хозяйство, так как были уничтожены целые социальные слои общества, которые в массе всегда были носителями многовекового опыта и знаний о сельском хозяйстве, в том числе кулачество и байство.

В целом конфискация и выселение баев было очередной попыткой Советской власти сбалансировать экономику региона путем еще одной репрессивной кампании, имевшей главной целью уничтожение кочевого и полукочевого хозяйства. Как и предыдущие кампании в сельском хозяйстве, проводимые репрессивными мерами, она не могла дать желаемого экономического эффекта ни в масштабе отдельно взятого округа, ни в масштабе республики. Ее итогом стало изъятие у бывших феодалов всего около 145 тысяч голов скота, т.е. менее 10%.

Но зато сформировалась острая социально-политическая напряженность. Искусственно формируемое противостояние различных имущественных слоев населения подготавливало применение чрезвычайных мер, повышало в жизни общества значимость административной системы и карательного аппарата. Можно сказать, что проведена была генеральная репетиция перед началом насильственной коллективизации и ликвидации кочевого и полукочевого хозяйства.

Список использованных источников и литературы

1. Кстаубаева У.А. Ликвидация казахского байства как класса в конце 20-х годов XX века // Вопросы исторической науки: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Москва, январь 2015 г.). М.: Буки-Веди, 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/conf/hist/archive/128/7037/>
2. Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы, 1997.
3. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1842.
4. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 813.
5. АП РК. Ф. 141. О. 1. Д. 1644.
6. ЦГА РК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 374.
7. Казахстанская Правда. 30 мая. 1992. № 124 (21, 49).
8. Неизвестные страницы истории Семипалатинского Прииртышья (20-30 гг. XX в.): сборник документов ЦДНИ ВКО. Семей, 2020.
9. Изабель Огайон / пер. с фр. А.Т. Ракишева; сост. Б.М. Сужиков. Алматы: Санат, 2009.

Сведения об авторе: *Жаманбаева Лаззат Кыдырбековна*, магистр истории, сеньор-лектор кафедры Истории Казахстана и Рухани Жангыру. г. Усть-Каменогорск, Казахстан, e-mail: lazzat_9299@mail.ru

Ж.К. Омурова

Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева, Бишкек (Кыргызстан)

**РАЗВИТИЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР НАКАНУНЕ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Аннотация. В статье рассмотрен анализ становления и развития народного хозяйства СССР накануне Великой Отечественной войны в советской историографии.

Ключевые слова: историография, промышленность, коллективизация, колхоз.

Zh.K. Omurova

I. Arabaev Kyrgyz State University, Bishkek (Kyrgyzstan)

**THE USSR NATIONAL ECONOMY DEVELOPMENT ON THE EVE
THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Abstract. The article considers the formation and development of the national economy of the SSR on the eve of the great patriotic war in Soviet historiography.

Keywords: historiography, industry, collectivization, collective farm.

В советской историографии годы довоенных пятилеток рассматривались как важнейший период в становлении и развитии советского общества. Говоря о них, историки подчеркивали, что в кратчайшие исторические сроки в СССР были осуществлены радикальные изменения в структуре промышленности, в сельском хозяйстве и культуре.

Накануне Великой Отечественной войны промышленность стала определяющим сектором экономики страны, произошли глубокие изменения в социальном строе, была создана демократическая, доступная десяткам миллионов граждан СССР система школьного и вузовского образования, были развернуты широкомасштабные научные исследования, достижения мировой и отечественной культуры стали достоянием народных масс.

Первые научные публикации по историографии социалистического строительства в годы довоенных пятилеток появились в конце 1950-х – начале 1960-х гг. [1, 2]. Представлены они были статьями, авторы которых попытались охарактеризовать общее состояние разработки истории социалистического строительства и определить задачи советской исторической науки [3, 4, 5, 6].

В 1962 г. вышел сборник статей «Историография социалистического и коммунистического строительства в СССР», представлявший, по мнению его редколлегии, «первую попытку широкого анализа литературы по истории советского общества» [7]. Подобного рода историографические исследования, основным содержанием которых стал анализ литературы по «истории социалистического строительства» в СССР, получили достаточно широкое распространение в советской исторической науке в 1960-1980-е гг. Представлены они были статьями и очерками по историографии советского общества, а также специальными главами или разделами в конкретно-исторических трудах, поскольку историографическое обоснование исследовательской задачи рассматривалось как «важнейший этап в любом историческом исследовании» [8, 9, 10, 11]. Главное внимание в них уделялось анализу работ по истории индустриализации, коллективизации и культурной революции с точки зрения их проблематики, тематики, постановки новых вопросов и разработки новых аспектов и т.п.

Переход к социалистической реконструкции народного хозяйства и индустриализации страны открыл новый, решающий этап борьбы советского народа за экономическую независимость СССР. Основным фактором, определившим укрепление Советского государства, явилось успешное восстановление народного хозяйства, развитие социалистического сектора в экономике, упрочение смычки между индустрией и сельским хозяйством, усиление ведущей роли промышленности, а рабочего класса – в обществе. Совершенствовались методы хозяйственного руководства, перевоспитывались руководители, которые в восстановительный период недостаточно заботились о техническом обновлении производства, усовершенствовании технологических процессов. Совершенствовалась система заготовок сырья для промышленности.

В это же время СССР имел торговые отношения с 40 государствами. Успешно они развивались с Германией, Швецией, Ираном, Монголией, Польшей, Норвегией. Структура импорта все больше приобретала производственный характер, что отвечало задачам индустриализации страны. Правительство принимало меры по усилению борьбы с контрабандой, по упорядочению лицензионной политики, ввозных пошлин и вывозного таможенного тарифа. В марте 1926 г. в Берлине было подписано соглашение о предоставлении Советскому Союзу первого крупного гарантийного кредита на сумму 300 млн марок. На 1 октября 1926 г. действовал 101 концессионный договор в промышленности, в том числе 10 договоров о технической помощи, 6 – в сельском хозяйстве, 3 – в строительстве. Работали 23 торговых смешанных общества. Государственные доходы от всех концессий, действовавших в СССР в 1925–1926 гг., составили около 15,3 млн руб.; валовая продукция их за год увеличилась в 3 раза. Общее число рабочих и служащих в концессиях достигло 33,3 тыс. человек [8]. Советский Союз активно участвовал в международных ярмарках и выставках. Страна уверенно набрала темпы экономического развития, преодолевая многочисленные трудности, обусловленные внутренними объективными условиями и сложной международной обстановкой. Переход к социалистической реконструкции народного хозяйства совершался в обстановке исторически сложившейся диспропорции в развитии промышленности и сельского хозяйства. Социалистическая индустриализация нашей стране с самого начала приобретала особенность, заключающуюся, во-первых, в преимущественном росте тяжелой индустрии и, во-вторых, в более быстром развитии тех ее отраслей и производств, которые освобождали СССР от импортной зависимости. Ленинская политика базировалась на знании и учете объективных закономерностей, реальных условий развития нашей страны и мирового рынка. Она выражала насущные потребности советского общества.

Сталин видел два преимущества в создании крупных коллективных хозяйств:

1) крупные хозяйства могли дать больший процент товарной продукции, чем мелкие;

2) государству было легче контролировать, собирать налоги, договариваться о плановых закупках с несколькими тысячами крупных колхозов и совхозов, чем с 25 млн мелких крестьянских дворов.

В конце 1929 г. комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) разработала рекомендации по вопросам коллективизации. В качестве основной формы объединения крестьян предлагалась сельскохозяйственная артель с обобществлением лишь земли и основных средств производства. В собственности крестьян оставались молочные коровы, мелкий скот, птица, инвентарь и т.п. Комиссия предложила сократить сроки коллективизации, предусмотренные пятилетним планом, и решить эту задачу в основных зерновых районах за 2–3 года, в потребляющих районах – за 3–4 года. В экономически остальных районах и в национальных республиках завершить коллективизацию планировалось во второй пятилетке.

Однако вскоре и эти сроки были резко сокращены. На свет появилось постановление ЦК ВКП (б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». В нем предлагалось Северный Кавказ, Нижнюю и Среднюю Волгу коллективизировать к осени 1930 г. или весне 1931 г., а остальные зерновые районы – к осени 1931 г. или весне 1932 г. [12, с. 96]. К концу февраля 1930 г. было коллективизировано 56% крестьянских хозяйств, и одновременно проводилась политика «раскулачивания», которая проводилась по следующим причинам:

– активное сопротивление курсу на коллективизацию со стороны кулаков, агитировавших крестьян против колхозов;

– стремление использовать скот, землю, инвентарь кулацких хозяйств, передававшихся колхозам. Эти причина была особо весома в тех случаях, когда середняки не хотели объединяться в колхозы с беднотой. Конфискованное имущество кулаков передавалось в колхозы в качестве паевого взноса за бедноту.

30 января 1930 г. было принято постановление ЦК «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Соглас-

но постановлению у кулаков предлагалось забрать основные средства производство и землю. Далее кулаков делили на три категории: 1) «контрреволюционный кулацкий актив» заключался в концлагеря (примерно 60 тыс.); 2) наиболее богатые кулаки, не замеченные в контрреволюционных акциях, выселялись в отдаленные районы СССР или в отдаленные районы в пределах данного края (примерно 150 тыс.); 3) остальные кулаки подлежали расселению за пределами колхозной земли. Высылаемым и расселяемым предлагалось оставить минимум денег, еды и инвентаря для организации хозяйства на новом месте. Число кулаков ориентировочно определялось в 3-5% от общего числа крестьянских хозяйств [13, с. 7].

В сентябре 1930 г. ЦК ВКП(б) отправил всем крайком и обкомам директивное письмо «О коллективизации», где осуждалось пассивное отношение к «новому приливу» в колхозы. В 1931 г. были резко повышены ставки налогов на единоличников. Единоличник стал платить почти в 10 раз больше, чем колхозник (соответственно, 31 р. и 3 р., а кулак – в 140 раз больше (418 рублей)) [14, с. 226]. На протяжении 1929-1931 гг. под раскулачивание попало около 4 млн чел. (включая членов семей). Из этого числа около 1,8 млн чел. (381 тыс. крестьянских семей) были высланы в так называемые «спецпоселения», преимущественно в малообжитые районы Сибири и Урала.

1932 год был объявлен годом завершения сплошной коллективизации. Осенью колхозы объединяли 62,4% крестьянских хозяйств.

К концу пятилетки была освоена технология массового производства, в 1932 г. советские заводы дали уже 48,9 тыс. тракторов, 10 тыс. зерновых комбайнов и около 2,2 тыс. хлопкоуборочных машин. Наличие больших производственных мощностей отечественной промышленности, полностью еще не освоенных, позволило уже в первый пятилетке прекратить импорт комбайнов, резко сократить ввоз тракторов и автомобилей.

Итак, если в 1928-1930 гг. размеры импорта автомобилей и тракторов превышали объем их производства внутри СССР, то к концу пятилетки положение резко изменилось: собственное их производство во много раз превысило импорт.

Однако это новое соотношение еще свидетельствовало о том, что наше народное хозяйство получало необходимое количество автомобилей и тракторов. В годы первой пятилетки машиностроители освоили серийный выпуск новых паровозов, тепловозов, вагонов, средств связи и много другой транспортной техники, которая прежде ввозилась из-за границы. По мере роста отечественного машиностроения основательной реконструкции подвергались легкая и пищевая индустрии.

Список использованных источников и литературы

1. Важная задача советских историков // Вопросы истории. 1959. № 3. С. 3–16.
2. Смирнова Л.И. Против буржуазной фальсификации истории СССР // Вопросы истории. 1959. №7 С. 167–175.
3. Ким М.П. О некоторых задачах исторической науки в свете решений XX съезда КПСС // История СССР. 1961. № 2.С. 3-32.
4. Голиков Г.Н. На переднем крае исторической науки // Вопросы истории. 1961. № 11. С. 18–42.
5. Ким М.П., Поляков Ю.А. Актуальные проблемы истории советского общества // Вестник АН СССР. 1962. № 11. С. 11–35.
6. Изучение отечественной истории на уровне задач современности // История СССР. 1963. № 2. С. 3–22.
7. Историография социалистического и коммунистического строительства в СССР. Сборник статей по материалам сессии научного совета [март 1960] / под ред. М.П. Кима и Ю.С. Борисова. М., 1962.
8. Некоторые проблемы истории советского общества (Историография). М., 1964.
9. Очерки по историографии советского общества. М., 1965.
10. Отечественная история в СССР за 50 лет // История СССР.1967. №6. С. 3-15.
11. Митрофанова А.В., Некрасова И.М., Остапенко И.П., Рогачевская Л.С. История рабочего класса СССР в советской историографии // Изучение

отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Вып. 1. Советской период. М., 1978. С. 76-101.

12. Дмитренко В.П. История России. XX век. М., 1996.

13. Касьяненко В.И. Завоевание экономической независимости СССР (1917–1940 гг.). М., 1972.

14. Барсенков А.С. Вдовин А.И. История России. М., 2005.

Сведения об авторе: *Омурова Журсун Касымбековна*, зав. кафедрой всеобщей истории и социально-экономических и правоведческих дисциплин, Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева, Бишкек, Кыргызстан, e-mail: ozhursun@mail.ru

В.А. Ломанов

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург (Россия)

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НЕМЕЦКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ В 1920-е – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.

Аннотация. Цель публикации заключается в характеристике хозяйственной деятельности немецкого национального меньшинства на территории Новгородской губернии, а в последующем, Новгородского и Чудовского района Ленинградской области в 1920-е – первой половины 1930-х гг. Немецкие поселения под Новгородом в сфере экономического развития сохраняли множество традиционных элементов, с изменениями в виде внедрения коллективных форм ведения хозяйства, таких как кооперативы и колхозы.

Ключевые слова: советские немцы, немецкие поселения, экономическое развитие, советская власть, НЭП, коллективизация, кооперативы, колхозы, сельсоветы.

V.A. Lomanov

Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg (Russia)

ECONOMIC DEVELOPMENT OF GERMAN SETTLEMENTS IN THE NORTH-WEST IN THE 1920S – THE FIRST HALF OF THE 1930S

Abstract. The purpose of the publication is to characterize the economic activities of the German national minority in the Novgorod province, and later, the Novgorod and Chudovsky districts of the Leningrad region in the 1920s – the first half of the 1930s. The German settlements near Novgorod in terms of economic development retained many traditional elements, with changes in the form of the introduction of collective forms of farming, such as cooperatives and collective farms.

Keywords: Soviet Germans, German settlements, economic development, soviet power, NEP, collectivization, cooperatives, collective farms, village councils.

Северо-Запад России на протяжении своей истории всегда являлся многонациональным регионом с высокой концентрацией коренных и этнодисперсных народностей. Немцы за время своего проживания в границах исследуемой территории внесли значительный вклад в ее экономическое, политическое и социокультурное развитие. Хозяйственная деятельность немецкого национального меньшинства на территории Северо-Запада РСФСР в 1920–1930-е гг. не раз становилась предметом изучения в отечественной историографии. В частности, данная тематика была затронута в статьях Т.А. Шрадер [1], Н.С. Федорук [2, 3, 4, 5] и В.А. Ломанова [6, 7]. Историографический аспект экономического развития немецких поселений в период с 1918 по 1939 г. был нами более подробно изучен в отдельной статье [8]. В центре внимания публикации находится экономическое развитие немецких поселений под Новгородом в 1920–1930-е гг.

Революция 1917 г. являлась переломным моментом в жизни немцев Новгородской губернии. Установление Советской власти было встречено подавляющим большинством немецкого крестьянства негативно, чему способствовал ряд в основном экономических факторов, таких как ломка старых порядков землевладения и последующая национализация земли, в рамках политики уравнительного землепользования, изъятие продовольствия, лошадей и инвентаря

в русле проведения продовольственной диктатуры и «военного коммунизма» и навязывание коллективных форм ведения хозяйства [6, 7].

Необходимость сохранения приемлемого уровня функционирования хозяйства, в первую очередь, для обеспечения собственных семей в годы послевоенной разрухи, вынуждала немецких крестьян приспособляться к новым социально-экономическим реалиям. После введения НЭПа в немецкой деревне начинает активно развиваться кооперация. Так, в 1922 г. жители Александровской и Спартаковской колоний образовали Новгородский губернский немецкий культурно-сельскохозяйственный кооперативный союз [9, с. 227–228], в 1923 г. в Ново-Николаевской колонии было организовано потребительское общество, в правление которого вошли 3 человека [9, с. 234–235], в 1925 г. в Александровской колонии было образовано местное кредитно-сельскохозяйственное товарищество «Пахарь», куда вступило 50 человек [9, с. 254–255].

Несмотря на проводимую большевиками в годы «военного коммунизма» политику уравнительного землепользования, запрет на аренду земли и эксплуатацию наемной рабочей силы, в немецких поселениях под Новгородом в 1920-х гг. продолжали существовать старые порядки регулирования земельно-имущественных отношений [3, с. 173]. Вышеизложенное выражалось в сохранении наследственного землевладения, аренды земельных участков и использовании наемного труда. До введения НЭПа они существовали в скрытой форме, а после приобрели легитимный статус и регулировались через сельские советы, оставаясь в глазах государства нежелательными элементами экономической жизни [7, с. 126].

Решение аграрного вопроса сопровождалось многочисленными конфликтами за право владения и пользования землей, возникавшими между ближайшими родственниками и не связанными родством арендаторами и арендодателями. Земельные конфликты решались либо через волостные земельные отделы и сельсоветы, либо путем договора или примирения сторон в индивидуальном порядке [7, с. 124].

Если мы посмотрим на динамику развития хозяйств в немецких поселениях под Новгородом в течение первой половины 1920-х гг., то увидим некоторые изменения. Так, в 1925 г. в Ново-Николаевской колонии по сравнению с 1922 г.

увеличилось число хозяйств с 253 до 275, количество лошадей в хозяйствах – с 336 до 342, коров – с 228 до 331, площадь засева – с 670 до 876 дес., при общей земельной площади 3632 дес., число сельскохозяйственных машин – с 84 до 91. Также незначительно, но увеличилось количество малоземельных крестьян (с 16 до 25) и крестьян-середняков (с 42 до 54) при незначительном снижении числа крестьян, владеющих более 50 дес. земли. Наличие малоземельных крестьян объяснялось занятостью некоторых жителей колоний ремесленным трудом, который являлся для них основным источником заработка [9, с. 257]. Похожую картину мы наблюдаем и в Александровской колонии [9, с. 247].

В конце 1920-х гг. в стране началась сплошная коллективизация сельского хозяйства, непосредственно затронувшая и немецкие поселения под Новгородом. Относительно немцев данный процесс проходил неравномерно и нередко носил принудительный характер [5, с. 46]. С этого момента хозяйственная деятельность немецких крестьян разделяется на два направления: работа в колхозе и работа в личном хозяйстве, причем первое направление становится для них первоочередным [5, с. 55]. В конце 1920-х гг. кооперативы все еще продолжают функционировать, но постепенно их деятельность сворачивается [10, с. 282–283].

Всего к 1933 г. в Новгородском и Чудовском районах Ленинградской области действовало 4 немецких колхоза: в Нижней половине Ново-Николаевского сельсовета «Звезда» – 78 хозяйств, в Верхней половине Ново-Николаевского сельсовета «Рот Фронт» – 79 хозяйств (в том числе 56 хозяйств бывшего колхоза «Трудовик»), в Тарасихе «Роте Фане» – 15 хозяйств, в Малой Вишерке «Батрак» – 28 хозяйств. Стоит учитывать тот факт, что ранее колхозов было больше, но некоторые из них вошли в состав более крупных [5, с. 50].

Экономическая деятельность немецких колхозов носила в основном стабильный и относительно эффективный характер. Так, к январю 1932 г. колхозы, относящиеся к Ново-Николаевскому сельсовету, по многим показателям в области заготовок продовольствия перевыполнили установленные нормы и, по мнению членов местной партийной ячейки, «выполнили долг перед государством» [10, с. 334–

335]. При обследовании колхозов Ново-Николаевского сельсовета за 1932 г., было отмечено, что уборочная кампания везде закончена своевременно [10, с. 355–357].

Крестьяне, не вступившие в колхоз, так называемые «единоличники» (к 1932 г. на территории Ново-Николаевского сельсовета они составляли 68%) [10, с. 335], в первой половине 1930-х гг. испытывали на себе возрастающую экономическую нагрузку в виде твердого задания, чьи нормы становились непосильными для индивидуальных хозяйств [10, с. 249]. Предположительно, причины вышеизложенного могли крыться в экономической политике государства, которое при разработке плана по сдаче продовольствия не учитывало процент коллективизированных хозяйств и в результате местные сельсоветы были вынуждены распределять продовольственную нагрузку равномерно, между колхозами и единоличными хозяйствами, чтобы выполнить план, нередко не учитывая уровень мощности и продуктивности последних [10].

В целом, немецкие хозяйства под Новгородом на протяжении 1920–1930-х гг. сохраняли свою земледельческую и животноводческую направленность. Земледелие в деятельности колхозов занимало основное место и включало в себя такие направления, как полеводство, овощеводство, луговоеводство, садоводство [5, с. 55].

Таким образом, хозяйственное развитие немецких поселений под Новгородом в 1920-е – первой половине 1930-х гг. прошло несколько этапов и характеризуется высоким уровнем приспособления к интенсивно изменяющимся экономическим условиям, порожденных послевоенной разрухой, Новой экономической политикой и сплошной коллективизацией сельского хозяйства. Сфера земельно-имущественных отношений немецкой деревни на протяжении исследуемого периода во многом регулировалась традиционными нормами, с поправкой на значительное участие государства и местных органов власти посредством сельсоветов. Хозяйственная деятельность немецких крестьян сохраняла свою земледельческую и животноводческую ориентацию. Изменения проявлялись во введении новых, коллективных форм сельскохозяйственной организации в виде кооперативов и колхозов с сохранением значительной доли индивидуальных хозяйств.

Список использованных источников и литературы

1. Шрадер Т.А. Социально-экономическое положение немецких колонистов Петроградской губернии (Ленинградской области) в 1920–1930-е гг. // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности: материалы Междунар. науч. конф. Москва, 17–20 сентября 1998 г. М.: Готика, 1999. С. 156-173.
2. Федорук Н.С. «Полезный пример...» образование и развитие немецких колоний под Новгородом в XIX – первой половине XX вв. // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2015. № 1. С. 67-77.
3. Федорук Н.С. Повседневная жизнь немецких колонистов Новгородской губернии в 1920-е гг.: регулирование семейно-имущественных отношений // Новгородика, 2018. Повседневная жизнь новгородцев: история и современность: материалы VI Международной научной конференции: в 2 т. 2018. С. 168–173.
4. Федорук Н.С. Страницы истории немецких колоний в Новгородской губернии в XIX – первой половине XX вв. // Немецкие колонии Новгородской губернии в первое десятилетие советской власти (1918–1927 гг.): сб. документов / сост.: Н.В. Салоников (отв. сост.), Н.С. Федорук и др.; науч. ред. И.В. Черказьянова. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 10–39.
5. Федорук Н.С. Хозяйственная деятельность и повседневная жизнь немецких поселенцев на Новгородской земле. 1821–1941 гг. // Немецкие колонии Новгородского и Чудовского районов Ленинградской области (1927–1941 гг.): сб. документов / сост.: Н.В. Салоников (отв. сост.), Н.С. Федорук и др.; науч. ред. И.В. Черказьянова. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 9–73.
6. Ломанов В.А. Общая характеристика положения российских немцев Новгородской губернии в период Гражданской войны 1918-1922 // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Веремченко. Т. 2. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2021. С. 283–289.

7. Ломанов В.А. Особенности решения земельного вопроса в немецкой деревне Северо-Запада России в начале 1920-х гг. // Клио. №04(184). 2022. С. 121–130.

8. Шайдуров В.Н., Ломанов В.А. Немцы Северо-Запада (1918-1939 гг.): историографический аспект // Вопросы истории. № 4 (1). 2022. С. 207–222.

9. Немецкие колонии Новгородской губернии в первое десятилетие советской власти (1918–1927 гг.): сб. документов / сост.: Н.В. Салоников (отв. сост.), Н.С. Федорук и др.; науч. ред. И.В. Черказьянова. СПб.: Нестор-История, 2017. 496 с.

10. Немецкие колонии Новгородского и Чудовского районов Ленинградской области (1927–1941 гг.): сб. документов / сост.: Н.В. Салоников (отв. сост.), Н.С. Федорук и др. СПб.: Нестор-История, 2019. 584 с.

Сведения об авторе: *Ломанов Владислав Андреевич*, аспирант направления «Исторические науки и археология», профиль «Отечественная история», Лаборант-исследователь Научно-образовательного центра краеведческих исследований ГАУВО ЛО «Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина», г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: Vladislav.Lomanov@yandex.ru

А.А. Коровниченко

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

**ДОРОЖНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В АЛТАЙСКОМ КРАЕ КАК ФАКТОР
МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В ГОДЫ ОСВОЕНИЯ
ЦЕЛИННЫХ И ЗАЛЕЖНЫХ ЗЕМЕЛЬ**

Аннотация. В статье приводится оценка степени влияния дорожного строительства Алтайского края в период освоения целинных земель на межэтнические отношения. Рассматривается кадровый и национальный состав дорожников Алтая, имеющих среднее и высшее образование. Осуществлен анализ проведенных

дорожно-строительных работ с учетом их функциональных задач и как один из факторов расширения межэтнических контактов. Главное внимание уделено географически сопредельным с Алтайским краем территориям Казахской ССР и Республики Алтай.

Ключевые слова: Алтайский край, дорожное строительство, освоение целины, Казахстан, Республика Алтай, межэтническая коммуникация.

A.A. Korovnichenko

Altay State University, Barnaul (Russia)

**ROAD CONSTRUCTION IN THE ALTAI TERRITORY AS A FACTOR
OF INTERETHNIC COMMUNICATION DURING THE DEVELOPMENT OF
VIRGIN AND FALLOW LANDS**

Abstract. The article provides an assessment of the degree of influence of road construction in the Altai Territory during the development of virgin lands on interethnic relations. The article considers the personnel and national composition of Altai roadworkers with secondary and higher education. The analysis of the road construction works carried out, taking into account their tasks and as one of the factors of the expansion of interethnic contacts. The main attention is paid to the territories of the Kazakh SSR and the Altai Republic geographically adjacent to the Altai Territory.

Keywords: Altai Region, road construction, development of virgin lands, Kazakhstan, Altai Republic, interethnic communication.

Дороги – связующие артерии между населенными пунктами и странами, но кроме этого они являются одним из способов налаживания связей между народами и странами. Обустроенный маршрут позволяет быстрее и безопаснее осуществлять транспортную связь внутри страны. К середине XX столетия автомобильный транспорт становится все более распространенным и доступным. При этом в условиях программы советского руководства по освоению целинных

и залежных земель произошли серьезные изменения в экономическом развитии Казахстана, Поволжья, Южной Сибири. В эти регионы направлена усиленная государственная поддержка: поступало большое финансирование, материально-техническое оснащение, усилилась мобильность населения. Главная цель – увеличение сбора зерновых культур. Собранный хлеб нужно вывозить к железнодорожным станциям, что ставит задачу строительства и благоустройства дорог. В этих условиях именно дорожным путям отводилась роль связующего звена между труднодоступными и глубинными районами со станциями и городами.

Рассматривая межкультурную коммуникацию в контексте связи и общения между представителями различных культур, что предполагает как личные контакты, так и опосредованные формы коммуникации [1], нельзя обходить вниманием и те меры, которые помогают эту коммуникацию вести, в частности, развитость транспортной инфраструктуры. Дороги – это свидетельство выстраивания межкультурных и межцивилизационных связей [2, с. 96–97]. В исторических исследованиях вопрос дорог в межкультурной коммуникации в период освоения целины практически не исследован. Исходя из этого можно поставить следующую цель: проанализировать дорожное строительство Алтайского края как средство межкультурной коммуникации. Основное внимание стоит уделить связям региона с Казахской ССР и Республикой Алтай, обоснованное географическими рамками территории. Дорожное строительство в контексте межэтнических отношений может рассматриваться в двух основных направлениях: взаимоотношения между участниками строительства дорог, через повседневное общение, и второе – дороги как главное средство для налаживания бесперебойного контакта между народами. Относительно первого направления однозначно установить наличие таких контактов достаточно сложно; для этого необходимы статистические данные по составу дорожных бригад. Второе направление представляется наиболее значимым в том плане, что охватывает в разы больший круг участников; здесь необходимы данные о тех маршрутах, которые строились во время целинных компаний. Исходя из этого, можно заключить, насколько до-

рожное строительство Алтайского края способствовало выстраиванию межкультурных контактов.

Период освоения целинных и залежных земель в Алтайском крае осложнялся рядом обстоятельств: глубинный характер большинства районов, их малая заселенность, редкая сеть шоссейных и железных дорог, отсутствие достаточного количества ремонтных баз, складов горючего, хлебоприемных пунктов и т.д. Плохие дороги вполне естественно тормозили вывоз хлеба из глубинных районов. За 1955–1957 гг. на строительство, ремонт и содержание автомобильных дорог Алтайского края было израсходовано из государственного бюджета четверть миллиона рублей. За указанный период было введено в эксплуатацию значительное количество магистралей с твердым покрытием. Сеть автомобильных дорог с таким полотном увеличилась на 45% [3, с. 188]. При этом широко практиковался труд населения на строительстве и ремонте дорог и мостов в порядке общественной обязанности. Кадровое обеспечение дорожных отделов на местах было недостаточным, что осложняло выполнение широкого круга задач [4].

В разгар освоения целинных земель кадровый состав Управления автомобильного транспорта и шоссейных дорог (ведомство, отвечающие за строительство, ремонт и эксплуатацию дорог края) меняется за счет прибывающих рабочих из других частей страны. Межэтнические контакты наиболее ярко проявляются в условиях повседневности или трудовой деятельности. Долгое общение между людьми способствует восприятию и пониманию традиций и норм другого народа [5]. В контексте дорожного строительства полностью определить национальный состав дорожников достаточно сложно, так как в условиях освоения целинных земель штат сотрудников значительно расширился и к 1955 г. составлял более 1000 человек, без учета непостоянных сельских бригад и людей на исправительно-трудовых работах [6, л. 2-17]. Кадровыми отделами национальный состав учитывался только у рабочих, имеющих высшее и среднее образование, при этом не каждый год данный показатель подлежал подсчету. Исходя из сводных отчетов по кадровому составу управления автомобильного транспорта и шоссейных дорог, можно составить следующую таблицу [6, 7]:

Состав сотрудников Управления автомобильного транспорта и шоссейных дорог
по Алтайскому краю с высшим и средним образованием,
по национальному составу, 1956-1966 гг.

Год	Русские	Украинцы	Татары	Евреи	Карелы	Чуваши	Алтайцы	Коми	Всего сотрудников с высшим и средним образованием	Всего рабочих по управлению
1956	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	1113
1957	54	-	1	1	-	-	-	-	56	1456
1959	70	1	-	1	1	1	1	-	75	1172
1960	73	2	-	2	-	1	-	-	78	1383
1961	96	1	1	2	-	-	1	-	101	н/д
1962	116	1	-	1	-	-	1	-	119	1549
1963	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	140	1563
1964	98	5	-	1	-	-	-	-	104	1456
1966	149	13	-	1	-	1	-	1	165	н/д

Из данной таблицы следует, что подавляющую часть из числа сотрудников Управления, имеющих образование, составляли русские, что также подтверждается другими исследованиями по кадровому обеспечению края в целом [8]. При этом нужно отметить, что доля алтайцев в данной выборке невелика. Это обстоятельство более показательно в том плане, что дорожная сеть Республики Алтай входила в подчинение Барнаульского управления. Несомненно, межкультурный диалог происходил между сотрудниками управления, так как можно видеть представителей разных национальностей. Однако точно установить его объемы и влияние невозможно. Примечателен также тот факт, что распределение на работу в целинных районах не всегда вызывало энтузиазм в других республиках СССР. Так, в 1955 г. 6 выпускников Тбилисского топографического училища так и не добрались до Алтайского края по распределению, о чем местное управление вело переписку с министерством [6, л. 18].

Наиболее важным аспектом в контексте межэтнических отношений является строительство и усовершенствование транспортных маршрутов для выстраи-

вания более тесного взаимодействия, как экономического, так и социального. С началом целинной программы регион получает важнейшую задачу – с учетом недостаточного уровня развития транспортной сети – начать усиленное строительство дорог с твердым покрытием на ключевых направлениях вывоза хлеба. Для этого создаются дорожно-эксплуатационные участки (далее – ДЭУ), в их задачи входят работы на одном конкретном направлении [9]. На 1954 г. в Алтайском крае было создано 6 ДЭУ, которые строят дороги на следующих направлениях: два участка должны были прокладывать маршрут Алейск – Родино – Кулунда – граница с Казахской ССР; и 4 создавались для строительства дорог: Чарышское – Алейск – Усть-Чарышская пристань; Углы – Рубцовск – Змеиногорск – Ново-Егорьевка; Камень – Панкрушиха – Хабары – Славгород; Бийск – Тогул – граница Кемеровской области. По приказу начальника краевого управления автомобильного транспорта и шоссейных дорог И.К. Иванова от 8 августа 1955 г., в Поспелихе создавался ДЭУ, который обязывался улучшить содержание участка Мамонтово – Поспелиха – Белоглазово, дороги Барнаул – Рубцовск – Семипалатинск [10]. Кроме того, что данные маршруты связывали глубинные районы края с железными дорогами для ускорения вывоза хлеба, часть из них выходила напрямую на границу с Казахской ССР, создавая межреспубликанскую транспортную сеть. Данный фактор налаживал постоянный контакт между районами двух советских республик. Стало удобнее и безопаснее автомобильное сообщение, а значит, и культурный и торговый обмен.

Аналогичные процессы расширения транспортной сети быстрыми темпами шли и в Казахстане, так, к примеру, в Костанайской области в 1953 г. было всего 778 км грунтово-профилированных дорог и не имелось ни одного километра дорог с твердым покрытием. Через 25 лет протяженность дорог превысила 13 тыс. км, в том числе более 4 тыс. с твердым покрытием [11, с. 10-18]. Таким образом, программа освоения целинных и залежных земель начала важный процесс выстраивания развитой автомобильной дорожной сети между Казахской ССР и РСФСР. Создавалась возможность коммуникации не только посредством железнодорожной сети, но и через автомобильные дороги.

Строительству дорог в Республике Алтай в период освоения целины придавалось второстепенное внимание. Исключением был только участок Чуйского тракта – трассы республиканского значения [9]. Однако работы по строительству и ремонту дорог велись [12]. В стратегическом плане уделялось внимание тем маршрутам, которые примыкали к Чуйскому тракту, поддерживая связь отдаленных районов со всей республикой, к примеру, ремонтировались и благоустраивались дороги Черга – Ильинка, Усть-Улаган – Акташ [7]. Тем самым создавались условия отлаженной коммуникации алтайцев, как внутри своей республики, так и с Алтайским краем.

Делая вывод, стоит отметить, что развитие и совершенствование дорожной сети Алтайского края с ее выходом на территорию Казахской ССР способствовало налаживанию межрегиональных хозяйственных связей и, как следствие, межэтнических контактов. Это происходило не только за счет строительства дорог с выходом на границу, но и за счет улучшения подъездных путей к железнодорожным станциям, что ускоряло грузооборот и обслуживание железных дорог, связывающих Алтайский край и Казахстан. Несмотря на второстепенность данного направления в целинный период, строились дороги и в Республике Алтай, где главной задачей было связать горные районы с центральным маршрутом – Чуйским трактом. В целом можно сказать, что целинная программа положила начало регулярной автотранспортной связи между Алтайским краем и Казахстаном.

Список использованных источников и литературы

1. Мартынова Н.А. Межкультурная коммуникация как особый вид общения // Омский научный вестник. 2007. № 2.
2. Шульгин П.М., Штеле О.Е. Исторические пути и дороги, как объект культурного наследия. // Наследие и современность. 2018. Т. 1. № 2.
3. История Алтая: в 3 т. Т. 3: Алтай в новейшую эпоху (XX – начало XXI века) / под. ред. Е.В. Демчик. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019.

4. Демчик Е.В., Коровниченко А.А. Дорожная сеть районов Алтайского края на начальном этапе освоения целинных и залежных земель, 1954-1955 гг. // Историко-экономические исследования. 2022. Т. 23. № 1.

5. Вахитов Р.Р. Этническое разделение труда и феномены империй и наций // Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии. 2020. Т. 6.

6. ГААК. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 39.

7. ГААК. Ф. Р-746. Оп. 2. Д. 40.

8. Головинова Ю.В. Национальный состав политико-управленческих кадров Алтайского края в 1930-1950-х гг. // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства при президенте Российской Федерации. 2016. № 12-13.

9. Матушина С.Ю. История дорожного дела на Алтае 1900–2000 гг. Барнаул, 2000.

10. Дунец А.Н., Исаев В.В., Рыгалова М.В., Колокольцев М.Г. Дороги Алтайского края: от первых верст до наших дней: монография. Барнаул, 2017.

11. Вишниченко В.Г. Освоение целины – грандиозный социально-экономический проект XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия Политические науки и право. 2016. Т. 2. № 3 (7).

12. ГААК. Ф. 746. Оп. 1. Д. 304.

Сведения об авторе: *Коровниченко Александр Александрович*, аспирант, преподаватель, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: 89069402566@mail.ru

Е.В. Демчик, Е.С. Мирошкин

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

**ГАЗИФИКАЦИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ: К ВОПРОСУ
ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ
КОММУНИКАЦИЙ В 1990-2020-е гг.**

Аннотация. Статья посвящена истории и дальнейшим перспективам развития газотранспортной системы Алтайского края в качестве одного из инструментов экономической интеграции с близлежащими регионами с иным этническим составом. Доказывается, что применительно к Алтайскому краю положительный эффект от реализации региональной программы газификации может не ограничиваться рамками одного субъекта и принести большой эффект в экономическом и иных планах при расширении масштабов инфраструктурного проекта на соседние регионы.

Ключевые слова: газификация, природный газ, магистральные газопроводы, межэтнические коммуникации, экономическая интеграция, Алтайский край, Республика Алтай, Республика Казахстан.

E.V. Demchik, E.S. Miroshkin

Altai State University, Barnaul (Russia)

**GASIFICATION IN THE ALTAI KRAI: TO THE QUESTION OF ECONOMIC
ASPECTS OF INTERETHNIC COMMUNICATIONS IN 1990-2020s**

Abstract. This article is devoted to the history and future prospects of the development of the gas transportation system of the Altai Krai as one of the instruments of economic integration with nearby regions with a different ethnic composition. This article proves that in relation to the Altai Krai the positive effect of the implementation of the regional gasification program may be not limited to one federal subject and may

bring a greater effect in economic and other plans when expanding the scale of this infrastructure project to adjoining regions.

Keywords: gasification, natural gas, main gas pipelines, interethnic communications, economic integration, the Altai Krai, the Altai Republic, the Republic of Kazakhstan.

Реализация крупных инфраструктурных проектов исторически является одной из важнейших форм экономического освоения пространств Сибири и Центральной Азии. Оно обеспечивает качественный рост уровня жизни населения и экономического потенциала этих макрорегионов и их отдельных частей, закрепляет консолидацию полиэтничного населения и интеграционные процессы внутри него. К подобного рода проектам относится газификация. Рассмотрение истории газификации на региональном уровне еще не нашло достаточного отражения в исторической науке. Вопрос же о рассмотрении процесса газификации отдельного региона как экономического аспекта межэтнических коммуникаций нами вовсе поднимается впервые.

Газификация на протяжении нескольких десятилетий является одним из важнейших социально-экономических проектов. Темпы развития газовой отрасли в значительной степени определяют современное состояние экономики большинства постсоветских стран в целом и отдельных их регионов в частности. Внедрение газа в энергетический, коммунально-бытовой и производственный секторы значительно повышает экономическую эффективность использования топлива (что снижает издержки производства и повышает конкурентоспособность продукции), способствует улучшению состояния окружающей среды и повышению качества и уровня жизни. При сжигании соответствующих по теплоте емкости объемов природного газа, угля и мазута объем высокотоксичных выбросов от газа меньше в 2–4 раза, оксида серы – в 10–50 раз, отсутствуют такие отходы как зола и шлаки. КПД оборудования, работающего на газе, на 25–40% выше [1, с. 206]. Единственный недостаток – повышенные требования к безопасности – полностью перекрывается преимуществами.

1990-е гг. должны были стать для Советского Союза временем значительного прогресса в реализации газификации как одного из инструментов оздоровления экономики и перехода на новый уровень качества жизни, особенно в сельской местности. Проект газификации Алтайского края разрабатывался в конце 1980-х гг. и должен был реализовываться начиная с 1991 г. в рамках общего для РСФСР плана, изложенного в постановлении Совета Министров РСФСР от 4 января 1991 г. «О развитии газификации села» [2]. В XIII пятилетнем плане (1991–1995 гг.) одним из основных инфраструктурных проектов должно было стать строительство газопровода Новосибирск-Барнаул, по поводу которого 27 сентября 1989 г. было издано распоряжение Совета Министров СССР [1, с. 155]. Рабочее проектирование и строительство газопровода Новосибирск-Барнаул предполагалось осуществить в 1990-1995 гг., на 1996-2000 гг. планировалось строительство продолжения этого газопровода до Бийска и в начале 2000-х – до Горно-Алтайска. В 1996-1998 гг. предполагалось строительство и введение в эксплуатацию газопроводов Барнаул-Славгород и Барнаул-Рубцовск, и отводов от них с целью обеспечения природным газом населенных пунктов в западных и южных районах края. На момент проектирования схемы газоснабжения в состав Алтайского края входила Горно-Алтайская автономная область, которая после ряда трансформаций в 1992 г. преобразуется в Республику Алтай. Жители этого национально-территориального образования, как и жители Алтайского края, в состав которого оно входило до 1990 г., получили возможность убедиться в преимуществах газового топлива еще в 1965 г., когда стартовала автономная газификация края, заключавшаяся во внедрении в быт жителей сжиженного углеводородного газа – пропан-бутана [3]. В составе краевого управления «Алтайкрайгаз» с целью обслуживания потребителей Горно-Алтайской АО был создан трест «Горноалтайгаз». Начальник управления жилищно-коммунального хозяйства Алтайского крайисполкома в 1960–1972 гг. Анатолий Мельников вспоминал: «Можно представить, сколько радости было, когда газ пришел на чабанские стоянки в Горном Алтае! Я был в Ташанте, Джазаторе и видел, с какой благодарностью отзывались о газе чабаны. У них стояло

по 3–4 газовых баллона, они готовили на газе пищу, кипятили воду и т.д.» [1, с. 15]. Поэтому к перспективе строительства газопровода и появления еще более выгодного природного газа (метана) также отнеслись с энтузиазмом.

Помимо варианта системы газоснабжения Алтайского края, где осью являлся магистральный газопровод Новосибирск – Барнаул – Бийск – Горно-Алтайск, рассматривался вариант снабжения Каменской, Славгородской и Рубцовской зоны Алтайского края путем строительства газопроводов в северо-восточных областях Казахстана – Павлодарской, Семипалатинской, Восточно-Казахстанской [1, с. 191]. Магистральный газопровод Омск – Павлодар – Семипалатинск – Усть-Каменогорск, трасса которого разведывалась при участии газовиков из Алтайского края, должен был пройти по правому берегу Иртыша и мог путем строительства отводов обеспечивать газоснабжение не только северо-восточных областей Казахстана, но и западных и южных районов Алтайского края, в то время как на газопровод Новосибирск – Горно-Алтайск легла бы ответственность за газоснабжение Барнаульской, Бийской, Заринской зоны и Горного Алтая, чем обеспечилась бы более равномерная нагрузка на газотранспортную сеть. Осуществление проекта совместной системы газоснабжения было взаимовыгодным для регионов юга Западной Сибири и северо-восточных областей Казахстана, и остается таковым.

Развал СССР поставил под вопрос осуществление множества важнейших инфраструктурных проектов, газификации в том числе. Концерн «Газпром» потерял значительную часть активов на территории бывших союзных республик [4, с. 358]. Обсуждалась заморозка проектов строительства газопроводов и в самом Алтайском крае, и в ставшей ближним зарубежьем Республике Казахстан. Начало работ по газификации Алтайского края удалось инициировать, но затем неоднократно поднимался вопрос об их заморозке уже на этапе реализации [1, с. 192]. Тем не менее, несмотря на тяжелую экономическую обстановку, приведшую к проблемам с финансовым и материально-техническим обеспечением строительства, работы продолжались, хотя последовательное и своевременное осуществление планов при этом не представлялось возможным, поэтому они по-

стоянно корректировались не в лучшую сторону и даже спустя 30 лет не реализованы в той мере, в которой изначально планировалось осуществить за одно десятилетие. Газопровод Новосибирск-Барнаул был введен в эксплуатацию 14 декабря 1995 г. [5], до Бийска он был доведен в 2006 г., до Горно-Алтайска – в 2008 г. [6]. Осуществление же в 1990-е гг. строительства еще более масштабной сети газопроводов и наращивание в связи с этим добычи необходимых объемов газа в имевшихся экономических условиях не представлялось возможным, поэтому от газификации северо-восточных областей Казахстана было принято решение отказаться [1, с. 189]. Этот вопрос оставался практически вне поля зрения до середины 2010-х гг.

В наши дни Казахстан энергично работает над развитием газификации, но Павлодарская и Восточно-Казахстанская области до сих пор остаются негазифицированными, при этом логистическая целесообразность обеспечения их газоснабжения с территории Западной Сибири не подвергается сомнению [7]. На востоке наиболее перспективным для российского газа является китайский рынок. Возможность строительства магистрального газопровода от западносибирских месторождений через территорию Алтайского края и Республики Алтай рассматривалась начиная еще с 1997 г. [1, с. 193], когда были проведены работы по разведке трассы магистрального газопровода «Алтай» в Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР, но в силу ряда причин (горный рельеф, повышенная сейсмическая активность, уникальность экосистемы и имеющее сакральное значение для алтайцев заповедное плато Укок на маршруте трассы газопровода) этот проект оставался под вопросом, а в связи с тяжелой экономической ситуацией был заморожен. О его возобновлении с переименованием из «Алтая» в «Силу Сибири-2» (оба названия продолжают использоваться наравне) было заявлено в 2006 г. В связи с названными выше трудностями представителями Республики Казахстан было выдвинуто предложение проложить газопровод через территорию Восточно-Казахстанской области и обеспечить ее газификацию отводами от него. Однако вариант прямых поставок из России в Китай через территорию Республики Алтай, без транзита через другие государства, оставался

основным до марта 2020 г., когда было принято решение о другой транзитной территории. Но ей стала Монголия, в этот раз раньше отреагировавшая и предложившая более выгодные условия транзита и маршрут через территорию которой сопряжен с меньшими природно-географическими сложностями и позволяет подать природный газ напрямую в густонаселенные районы Китая, являющиеся основными потребителями газового топлива [8, 9].

Инициатива властей Казахстана газифицировать северо-восток своей страны при этом сохранилась. Газоснабжение Восточно-Казахстанской области предполагается обеспечить продлением газопровода Барнаул-Рубцовск до Семей, от него – до Усть-Каменогорска. С этой целью необходимо осуществить собственно строительство газопровода Барнаул-Рубцовск, завершить его планируется к 2025 г. [10]. Ранее оно неоднократно переносилось, что не исключено и в настоящем, однако инициатива Казахстана может поспособствовать ускорению работ [7]. В перспективе допускается строительство от Семей газопровода – отвода на Павлодар с целью газификации Павлодарской области [11]. Не исключается вариант, при котором газификация Павлодарской области будет осуществляться посредством продления газопровода Барнаул-Славгород до Павлодара, но до Славгорода он также будет доведен ориентировочно в 2025 г. [10]. Таким образом, газификация Алтайского края, Восточно-Казахстанской и Павлодарской областей остаются неразрывно связанными – старт газификации северо-востока Казахстана всецело зависит от скорости проведения аналогичных работ в Алтайском крае и в то же время инициатива казахстанской стороны задает стимул руководству «Газпрома» ускорить работы по газификации южных и западных районов края, в том числе для последующего выхода на рынок потребителей в северо-восточном Казахстане.

Таким образом, реализация крупных инфраструктурных проектов, наряду со сферой газоснабжения, направленная на стимулирование развития внутренних социально-экономических возможностей региона, одновременно создает возможности для включения в нее внешних участников в лице сопредельных территорий, а также соседних государств, способствуя экономической интегра-

ции и развитию межэтнического взаимодействия. Потенциал крупных экономических инициатив может быть значительно увеличен при расширении масштабов их реализации, включении в них большего количества заинтересованных сторон, что мы имеем возможность наблюдать при рассмотрении газификации Алтайского края. Вопрос остается за использованием этого потенциала в должной мере.

Список использованных источников и литературы

1. Мельников А.И. Прорыв. Барнаул: АЗБУКА, 2012. 280 с.
2. Постановление Совета Министров РСФСР от 4 января 1991 № 11 «О развитии газификации села» (В редакции Постановления Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 13.04.93 г. № 326) [Электронный ресурс]. URL: <http://sbornik-zakonov.ru/274323.html> (дата обращения: 02.05.2022).
3. ОАО «Алтайкрайгазсервис». История. [Электронный ресурс]. URL: <https://akgs.ru/#p=2> (дата обращения: 03.05.2022).
4. Пусенкова Н.Н. Российский «Газпром» в газпромовской России // История новой России, том 2: под общ. ред. П.С. Филиппова. 2011. – С. 354-437.
5. Altapress.ru. Невесомое топливо. История развития газификации Барнаула. [Электронный ресурс]. URL: <https://altapress.ru/ekonomika/story/nevesomoe-toplivo-istoriya-razvitiya-gazifikatsii-barnaula-114334> (дата обращения: 03.05.2022).
6. Официальный сайт ПАО «Газпром». Пресс-центр. События. «Газпром» ввел в эксплуатацию газопровод «Барнаул – Бийск – Горно-Алтайск с отводом на Белокуриху». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2008/november/article56813/> (дата обращения: 03.05.2022).
7. Amic.ru. Как Алтайский край может ускорить газификацию при помощи Казахстана. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amic.ru/news/prochee/delo-truba-kak-altayskiy-kray-mozhet-uskorit-gazifikaciyu-pri-pomoschi-kazahstana> (дата обращения: 03.05.2022).

8. Официальный сайт Амурского ГПЗ. Газопровод «Сила Сибири – 2» через Монголию в Китай [Электронный ресурс]. URL: <https://gazprovod-sila-sibiri.ru/v-kitaj-cherez-mongoliyu/> (дата обращения: 04.05.2022).

9. Коммерсант. «Газпром» пойдет в Китай длинным путем. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4307272> (дата обращения: 04.05.2022).

10. Газификация России. Программа газификации 2021-2025 в Алтайском крае (интерактивная карта). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazprommap.ru/altaykrai/> (дата обращения: 04.05.2022).

11. Информационно-аналитический центр МГУ. Газовый вопрос: на восток Казахстана придет российское голубое топливо. [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/experts/salauat-iglikov-/gazovyy-vopros-na-vostok-kazakhstan-pridyet-rossiyskoe-goluboe-toplivo/> (дата обращения: 04.05.2022).

Сведения об авторах:

Демчик Евгения Валентиновна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия, e-mail: demtchikev@mail.ru

Мирошкин Евгений Сергеевич, студент Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия, e-mail: emiroshkin@inbox.ru

СЕКЦИЯ 3. ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР И РАСПАД СТРАНЫ

П.К. Дашковский, Н.С. Дворянчикова

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

НЕМЕЦКИЕ ПРОТЕСТАНТСКИЕ ОБЩИНЫ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ПРОЦЕСС ИХ РЕГИСТРАЦИИ ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В 1970–1980-е гг.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №21-011-44027 и Фонда Президента РФ по поддержке ведущей научной школы в рамках проекта № НШ-63.2022.2

Аннотация. В статье исследуется процесс легализации и деятельности немецких религиозных общин на юге Западной Сибири в 1970–1980-е гг. Установлено, что на юге Западной Сибири самыми крупными протестантскими общинами, в которых состояли немцы, являлись объединения евангельских христиан-баптистов, меннонитов, лютеран. В исследуемый период религиозные общины активизировали деятельность, направленную на регистрацию в органах государственной власти. При этом региональные власти зачастую под различными предлогами, особенно до середины 1980-х гг., отказывали общинам в регистрации, а также запрещали им отправление религиозных культов.

Ключевые слова: религиозные общины, немцы, Западная Сибирь, СССР.

P.K. Dashkovskiy, N.S. Dvoryanchikova

Altai State University, Barnaul (Russia)

**GERMAN PROTESTANT COMMUNITIES IN THE SOUTH OF WESTERN
SIBERIA AND THE PROCESS OF THEIR REGISTRATION
BY STATE AUTHORITIES IN THE 1970s–1980s**

Abstract. The article examines the process of legalization and activity of German religious communities in the south of Western Siberia in the 1970s and 1980s. It was found that in the south of Western Siberia, the largest Protestant communities in which Germans consisted were associations of Evangelical Christians-Baptists, Mennonites, Lutherans. During the study period, religious communities intensified their activities aimed at registration with state authorities. At the same time, the regional authorities often, under various pretexts, especially until the mid-1980s, refused to register communities, and also prohibited them from practicing religious cults.

Keywords: religious communities, Germans, Western Siberia, USSR.

Территория юга Западной Сибири исторически формировалась как полиэтничный регион, на территории которого на определенных этапах проживали разные народы, в том числе и немцы. В этой связи вполне объяснимо, что до революции и в первые годы советской власти на территории современного Алтайского края и Новосибирской области действовало несколько лютеранских и католических церквей. Также на юге Западной Сибири действовали другие общины, состоящие из немцев – евангельские христиане-баптисты, меннониты. Стоит обратить внимание на то, что еще с конца 1950-х гг. происходит процесс эмиграции немецкого населения. По данным Всесоюзной переписи 1959 г. в Алтайском крае проживало 143074 человека немецкой национальности [1], в Новосибирской области – 78769 [2]. Спустя 20 лет в 1979 г. была проведена новая перепись населения, в которой заметно сокращение численности немецкого населе-

ния на территории юга Западной Сибири. Так, в Алтайском крае стало проживать 124745 немцев [3], а в Новосибирской области – 64895 человек [4].

В связи с эмиграционными настроениями местные органы власти в 1970-е гг. активно контролировали деятельность религиозных общин, состоящих из лиц немецкой национальности. Так, в 1978 г. в Новосибирской области было учтено 8 легально действующих общин ВСЕХБ, состоящих из немцев. Самая крупная община располагалась в г. Новосибирске, в которой состояло 1117 верующих, в том числе 200 немцев. Зарегистрированная община с. Орловка Купинского района и община с. Кузнецовка Баганского района Новосибирской области состояла полностью из немцев. Однако они были немногочисленны и суммарно в двух общинах состояло всего 43 человека [5, л. 8].

Для религиозных объединений важнейшим вопросом была легализация своей деятельности, так как она давала возможность относительно спокойно в пределах существующего правового поля функционировать. Следует подчеркнуть, что для немецкого населения юга Западной Сибири вопрос регистрации общин был очень актуален, поскольку именно религиозная деятельность в значительной степени позволяла сохранить национальную идентичность и культуру.

Стоит отметить, что в Алтайском крае в середине 1970-х гг. в лютеранских общинах происходил заметный процесс оживления деятельности. Наиболее устойчивая группа верующих лютеран численностью 61 человек действовала в с. Самарка Локтевского района [6, л. 119]. В Новосибирской области насчитывалось 7 лютеранских общин. Однако только община г. Новосибирска действовала легально, а остальные были взяты на учет. В целом в Новосибирской общине состоял 201 человек. Необходимо обратить внимание, что с 1970 г. произошло внушительное сокращение численности лютеран. Так, к началу 1970 г. в общинах состояло 440 человек, а к 1974 г. осталось 270 верующих. Сокращение количества лютеран произошло в основном за счет распада сельских объединений, а также в связи с эмиграцией в ФРГ [7, л. 23].

По состоянию на 1 января 1979 г. в стране было выявлено свыше трех тысяч объединений ЕХБ, общей численностью 259 тысяч верующих. Более 2,5 тысяч

объединений входили во ВСЕХБ (зарегистрировано 2020) или поддерживали его [8, с. 222]. Важно рассмотреть ситуацию на территории юга Западной Сибири с зарегистрированными общинами ВСЕХБ, которая была накануне принятия Конституции 1977 г. Поскольку именно принятие Конституции 1977 г. оказало влияние на деятельность протестантских общин на территории СССР, в том числе и на развитие религиозной ситуации в Западной Сибири. Так, на 1975 г. в Алтайском крае было зарегистрировано четыре общины и два филиала ВСЕХБ. К моменту выхода новой Конституции СССР в 1977 г. на Алтае действовали семь зарегистрированных общин ВСЕХБ и два филиала [9, л. 147]. Примечательным является тот факт, что тем самым органы государственной власти шли навстречу к легализации деятельности именно общин ВСЕХБ. По мнению А.В. Горбатова, причина регистраций объединений ЕХБ скрывалась в борьбе советского государства со сторонниками Совета церквей евангельских христиан-баптистов [10, с. 293]. Организации баптистов в рассматриваемый период действовали стабильно без радикальных изменений. В баптистских общинах г. Барнаула, р.п. Благовещенка, с. Глядень Алтайского края деятельность общин была преимущественно направлена на активизацию молодежи. Особенно заметно данная тенденция проявлялась в общинах с этническими немцами.

Необходимо отметить, что 664 верующих состояли в зарегистрированных объединениях, а 111 человек – в нелегальных общинах [11, с. 37]. В Алтайском крае помимо 7 зарегистрированных общин ВСЕХБ действовали 6 групп верующих без регистрации. Несмотря на желание некоторых общин действовать легально, местные власти в ряде случаев все же находили причины их не регистрировать [12, л. 7]. Следует обратить внимание на то, что община ВСЕХБ г. Камня-на-Оби действовала без регистрации 18 лет. Долгожданную легализацию деятельности верующие получили лишь в марте 1982 г. [13, л. 13].

Примечательным является история общины ВСЕХБ г. Искитима Новосибирской области, которая фактически действовала с 1939 г., хотя официально начала функционировать лишь с 1975 г. На 1979 г. в общине состояло 65 человек

[14, л. 21]. Молитвенные собрания верующие проводили в арендованном доме три раза в неделю по средам, субботам и воскресениям [15, л. 11].

Необходимо отметить, что верующие Совета церквей евангельских христиан-баптистов не шли на контакт с местными властями, часто нарушали законодательство о культах и препятствовали регистрации. В 1981 г. произошла активизация деятельности Совета церквей евангельских христиан-баптистов в Новосибирской области. Так, на богослужение Новосибирской общины Совета церквей евангельских христиан-баптистов на праздник Троицы собралось 210 человек, в том числе присутствовало около 45 школьников и 60 молодых людей [16, л. 19–20].

Кроме указанных протестантских объединений в Алтайском крае в исследуемый период действовало еще 16 лютеранских общин общей численностью 360 человек. Все общины действовали нелегально. По национальности верующие были преимущественно немцами [17, л. 8–10]. В 1983 г. начался процесс регистрации в регионе лютеранских общин. Так, первыми легально действующими общинами лютеранского направления стали верующие с. Самарка Локтевского района и р.п. Малиновое Озеро Михайловского района Алтайского края.

В 1978 г. в Новосибирской области также продолжала действовать одна зарегистрированная община лютеран, в которой насчитывалось 210 верующих. Уполномоченный Совета по делам религий в сведениях о количестве действующих в Новосибирской области религиозных общин, в которых состояли верующие немецкой национальности, упоминал, что во многих из них были ярко выраженные эмиграционные настроения. Таким образом, на 1979 г. в области действовали одна зарегистрированная община и еще 7 общин были взяты на контроль. Общая численность верующих в этих общинах составила 380 человек [18, л. 36].

Еще одно направление в протестантизме в Западной Сибири было представлено двумя течениями общин меннонитов: братские меннониты и церковные. В 1977 г. в Алтайском крае всего насчитывалось около 216 верующих. К концу 1980-х гг. официально были зарегистрированы община братских меннонитов в с. Николаевка, а общины церковных меннонитов – в с. Протасово и с. Гришковка. В Новосибирской области продолжали легально действовать

три общины меннонитов. В 1978 г. в общине г. Новосибирска состояло 127 человек, г. Бердска – 8 человек; с. Неудачино Татарского района – 53 человека. Все перечисленные общины в этническом отношении состояли из немцев [5, л. 9].

Таким образом, в рассматриваемый период наметилась тенденция определенного роста зарегистрированных протестантских общин немцев на юге Западной Сибири. С 1977 г. начинался процесс легализации деятельности немецких протестантских общин. Данные регистрации были первыми после массового перевода «сектантских» религиозных общин по всему СССР на нелегальное положение. Однако в исследуемый период встречались отказы со стороны местных властей в регистрации протестантских общин.

В начале 1980-х гг. на юге Западной Сибири легально начинают действовать несколько лютеранских, менонитских общин. В данный период местные органы власти пытались легализовать деятельность общин ВСЕХБ, таким образом, пытаясь бороться с приверженцами СЦ ЕХБ. Важно подчеркнуть, что к середине 1980-х гг. характерным для религиозных общин являлось стремление оживить церковную жизнь, предотвратить распад религиозных объединений, активизировать верующих, деятельность которых не носила организованного характера.

С середины 1980-х гг. начинается процесс коренных изменений в отношениях между государством и религией, который в рамках правового поля был оформлен принятием 1 октября 1990 г. Верховным Советом СССР закона «О свободе совести и религиозных организациях» закона. Именно в данный период происходила активизация духовной жизни и деятельности протестантских религиозных организаций. Определенным доказательством данных перемен, в том числе на юге Западной Сибири, послужили масштабное празднование в 1988 г. Тысячелетия Крещения Руси при поддержке органов государственной власти [19, с. 35]. Примечательным является тот факт, что не только православные верующие, но и последователи других направлений христианства, такие как евангельские христиане – баптисты, сторонники Совета Церквей евангельских христиан – баптистов, лютеране также принимали участие в данном мероприя-

тие [20, л. 28]. В целом положение протестантских деноминаций укладывалось в общие тенденции развития государственно-конфессиональных отношений СССР в рассмотренный период.

Список использованных источников и литературы

1. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Национальный состав населения по регионам России. Алтайский край // Демоскоп Weekly. Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=1 (дата обращения: 17.04.2020).

2. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Национальный состав населения по регионам России. Новосибирская область // Демоскоп Weekly. Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=49 (дата обращения: 17.04.2020).

3. Всесоюзная перепись населения 1979 г. Национальный состав населения по регионам России. Алтайский край // Демоскоп Weekly. Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=60 (дата обращения: 17.04.2020).

4. Всесоюзная перепись населения 1979 г. Национальный состав населения по регионам России. Новосибирская область // Демоскоп Weekly. Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=63 (дата обращения: 17.04.2020).

5. ГКУ НСО ГАНО. Ф. 1418. Совет по связям с религиозными и благотворительными организациями администрации Новосибирской области, г. Новосибирск, 1943 – по настоящее время. Оп. 1. Д. 223.

6. КГКУ ГААК. Ф. 1692. Совет по делам религий при Совете Министров СССР по Алтайскому краю (1943–1991 гг.). Оп. 1. Д. 119.

7. ГКУ НСО ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 192.
8. Фаст А.А. Советское государство, религия и церковь. 1917–1990. Документы и материалы. Барнаул, 2009.
9. КГКУ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 162.
10. Горбатов А.В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е –1960-е гг. Томск, 2008.
11. Дворянчикова Н.С. Деятельность протестантских общин на территории Алтайского края в середине 1970-х – 1980-е гг. // Известия Алтайского гос. ун-та. 2018. №5 (103). С. 37.
12. КГКУ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 218.
13. КГКУ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 187.
14. ГКУ НСО ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 235.
15. ГКУ НСО ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 271.
16. ГКУ НСО ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 242.
17. КГКУ ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 210.
18. ГКУ НСО ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 228.
19. История государственной политики СССР и России в отношении религиозных организаций в 1985–1999 гг. / под общ. ред. А.П. Торшина. М., 2010. 286 с.
20. ГКУ НСО ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 274.

Сведения об авторах:

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», г. Барнаул, Россия, e-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru

Дворянчикова Наталья Сергеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», г. Барнаул, Россия, e-mail: natali.dvoryanchikova@mail.ru

В.Н. Шайдуров

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
г. Санкт-Петербург, г. Пушкин (Россия)

НЕМЕЦКАЯ АВТОНОМИЯ В СИБИРИ В 1920-е – 1991 гг.

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00010 «Этнические меньшинства в Беларуси и России в условиях общественных трансформаций 19-20 вв.»

Аннотация. На рубеже XIX–XX вв. немецкие переселенцы компактно расселились в некоторых районах юга Западной Сибири. В середине 1920-х гг. на разных уровнях обсуждался вопрос образования немецких национальных районов вне Поволжья на территории РСФСР, в том числе в Сибирском крае. Результатом стало образование Октябрьского (Немецкого) района с центром в с. Гальбштадт в 1927 г. Однако нежелание немецкого населения вступать в колхозы и попытка массовой эмиграции на рубеже 1920-1930-х гг. подтолкнуло центральные власти в 1938 г. к его ликвидации. Лишь в 1991 г. на волне растущего автономистского движения и выстраивания новой российской государственностью отношений с ФРГ было принято решение о восстановлении Немецкого национального района.

Ключевые слова: советские немцы, национальная автономия, национальный район, Сибирь, автономистское движение, Алтайский край.

V.N. Shaidurov

Pushkin Leningrad State University
St.-Petersburg, Pushkin (Russia)

GERMAN AUTONOMY IN SIBERIA IN THE 1920s – 1991

Abstract. At the turn of the XIX – XX centuries, German settlers compactly settled in some areas of the south of Western Siberia. In the mid-1920s, the issue of the formation of German national districts outside the Volga region on the territory of the

RSFSR, including in the Siberian Territory, was discussed at various levels. The result was the formation of the Oktyabrsky (German) district centered in the village of Galbstadt in 1927. However, the reluctance of the German population to join collective farms and an attempt at mass emigration at the turn of the 1920s and 1930s pushed the central authorities in 1938 to liquidate it. Only in 1991 in the wake of the growing autonomist movement and the building of relations with Germany by the new Russian statehood, it was decided to restore the German National District.

Keywords: Soviet Germans, national autonomy, national region, Siberia, autonomist movement, Altai Territory.

Под влиянием экономических причин и благодаря государственной поддержке переселенческому движению на рубеже XIX–XX вв. оформилась новая этнодисперсная общность, которая в дальнейшем получила название «сибирские немцы». Они являлись потомками колонистов, основавших свои поселения в Среднем Поволжье, Причерноморье, на Волыни. По разным подсчетам, к 1917 г. в Сибири проживало от 30 до 50 тыс. Подавляющая масса была сконцентрирована в переселенческих поселках недалеко от Омска, Славгорода и Рубцовска. Накануне Первой мировой войны в Барнаульском уезде Томской губернии преимущественно немецкие поселения были включены в состав Орловской волости, руководство которой было из числа немцев-меннонитов. По сути, это был первый неформальный опыт существования немецкой автономии в Сибири на низовом уровне.

В период Гражданской войны сибирские немцы в силу слабой политизированности и владения русским языком, преобладания клерикально-консервативных настроений старались держаться в стороне от всех противоборствующих сил. Не поддержали они и Колчака, выступив вместе с другими крестьянами Славгородского уезда Алтайской губернии против призыва в Белую армию. В результате подавления атаманом Б.В. Анненковым Славгородско-Чернодольского восстания (28 августа – 11 сентября 1918 г.) погибли и местные немцы [1, с. 166].

Победа в Гражданской войне большевиков предоставила им возможность реализовать свое видение национального строительства и предложить собствен-

ный вариант решения пресловутого национального вопроса, который на протяжении длительного времени был камнем преткновения во внутренней политике Российской империи. Вплоть до 1923 г. эта работа была возложена на Наркомнац во главе с И.В. Сталиным. Кроме того, были образованы немецкие секции при ЦК РКП, ЦК РЛКСМ, Наркомпросе. В своей деятельности они ориентировались на решения XII и XIII партийных съездов. Основная деятельность была ориентирована на «укрепление смычки беднейшего и середняцкого немецкого крестьянства с советской властью и партией путем проведения последовательной национальной политики и экономической работы» [2, л. 15]. При этом Центральное бюро немецких секций в 1925 г. признавало многочисленные недостатки и слабость проводимой работы на местах. Главные причины, например, в Сибири виделись как в нехватке партработников, так и в тяжелом экономическом положении края вследствие неурожая [2, л. 16].

В современной литературе присутствует мнение, что «интерес кремлевского руководства к “текущим национальным группам”» был обусловлен массовыми антисоветскими выступлениями, ставшими ответной реакцией на политику коллективизации [3, с. 118]. Однако применительно к советским немцам это утверждение будет не вполне верным. Так, в 1924 г. в разных округах Сибирского края насчитывалось несколько десятков немецких сельских советов. Лишь в Славгородском округе был образован 21 немецкий сельсовет [4, л. 26].

Уже в августе 1925 г. на уровне сельских сходов немцы Славгородского района Омской губернии стали выдвигать предложения об образовании немецкого района. Одними из первых о подобном желании заявили жители пос. Кусак, поддержавшие эту инициативу большинством голосов [5, с. 212]. В течение 1926 г. этот вопрос неоднократно поднимался на собраниях жителей немецких поселков. По их мнению, главную роль в образовании национальной автономии должна была сыграть немецкая секция. Жителями пос. Александровка 9 января 1926 г. было выдвинуто предложение центром новой административно-территориальной единицы сделать пос. Гальбштадт [5, с. 212]. В ходе обсуждения неоднократно звучали высказывания о культурной и экономической пользе национальной автономии.

Инициативу поддержали и местные партийные функционеры. В значительной степени это было связано со стремлением укрепить свои позиции среди немецких крестьян и попытками вытеснить из экономической жизни подавляющего большинства поселков Всесоюзный меннонитский сельскохозяйственный союз в лице его местного отделения. Потребовалось несколько месяцев кропотливой работы советской номенклатуры. Результатом стало принятое 4 июля 1927 г. решение Отдела национальностей ВЦИК об образовании в составе Славгородского округа Сибирского края Немецкого района, который уже в 1928 г. был переименован в Октябрьский [6, л. 7].

Однако национальная автономия районного уровня не сгладила многочисленные противоречия, в том числе и латентные, во взаимоотношениях партноменклатуры и немецкого населения. Попытка массовой эмиграции стала ответной реакцией на начавшуюся коллективизацию советской деревни. Свертывание политики коренизации после 1936 г. вылилось не только в ликвидацию национальных школ, но и автономий на уровне сельсоветов и районов. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 ноября 1938 г. Октябрьский район был ликвидирован, а 21 сентября 1949 г. бывший районный центр с. Гальбштадт его же указом было переименовано в с. Некрасово [5, с. 227].

В конце 1980-х гг. изменившаяся общественно-политическая ситуация способствовала возникновению и развитию немецкого автономистского движения. Активисты «Возрождения» («Wiedergeburt») выступали, в первую очередь, за восстановление немецкой автономии в Поволжье, ликвидированной в августе 1941 г. Однако достичь эту цель они так и не смогли. С 1989 г. на сельских сходах в немецких селах Алтайского края стали звучать призывы к восстановлению Немецкого района. Эта инициатива была поддержана краевыми властями. Правда, для рядовых немцев и номенклатуры национальная автономия имела разное значение. Для первых она должна была способствовать созданию условий для сохранения национальной самобытности, языка, восстановления образования. Чиновники же преследовали в большей степени меркантильные интересы, заявляя об экономической выгоде для региона, рассчитывая на денежный поток из ФРГ.

Надо сказать, что обсуждались разные варианты немецкой автономии в Алтайском крае. Один из них предполагал образование национального автономного округа с центром в г. Славгороде взамен выведенной из его состава в 1990 г. Горно-Алтайской АО. Это должно было стать компромиссом между властью и лидерами «Возрождения». Но немецкие активисты не стали рассматривать эту альтернативу восстановления Республики немцев Поволжья. Уже 1 июля 1991 г. Указом Верховного Совета РСФСР был восстановлен Немецкий национальный район с административным центром в с. Гальбштадт.

Список использованных источников и литературы

1. Шайдуров В.Н. Немецкое население Сибири в условиях общественных трансформаций 1900-х – 1920-х гг. // Журнал фронтальных исследований. 2021. Т. 6. № 4 (24). С. 155–178. DOI: 10.46539/jfs.v6i4.339.
2. Государственный архив Алтайского края (далее ГААК). Ф. П-38. Оп. 2. Д. 178.
3. Дённингхаус В. Советская национальная политика и проблема этнодисперсных групп (1922–1930 гг.). Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г., 115–125. М.: Политическая энциклопедия, 2014. Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина».
4. ГААК. Ф. П-38. Оп. 2. Д. 180.
5. Этнические меньшинства в Беларуси и России в условиях общественных трансформаций XIX – XX вв. Выпуск I: сборник документов и материалов / отв. ред. В.Н. Шайдуров, Т.А. Новгородский. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2022. 272 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 1070.

Сведения об авторе: *Шайдуров Владимир Николаевич*, доктор исторических наук, доцент, заведующий Научно-образовательным центром исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: s-w-n@ mail.ru

А.Р. Бикбулатова, С.Р. Бикбулатова

Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына,
Бишкек (Кыргызстан)

ФОРМИРОВАНИЕ ТАТАРСКОЙ ДИАСПОРЫ КЫРГЫЗСТАНА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, госзадание по проекту «Тюркский мир "Большого Алтая": единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

Аннотация. Татары являются частью полиэтничного населения Кыргызстана, имея более полуторавековую историю в стране. Основная численность татарской этнодисперсной группы Кыргызстана сформировалась в годы советской власти. За этот период (1926–1989 гг.) численность татар имела интенсивную динамику роста, их количество выросло с 4902 до 70068 человек. В основном они были заняты в промышленной сфере.

Ключевые слова: Татары Кыргызстана, формирование диаспоры, численность татар.

A.R. Bikbulatova, S.R. Bikbulatova

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan)

FORMATION OF THE TATAR DIASPORA IN KYRGYZSTAN IN THE SOVIET PERIOD

Abstract. Tatars are part of the multi-ethnic population of Kyrgyzstan, who have more than a century and a half history in the country. The bulk of the Tatar ethno-dispersed group of Kyrgyzstan was formed during the years of Soviet power. During

this period (1926-1989) the number of Tatars had an intensive growth dynamics, their number increased from 4902 to 70068 people. They were mainly employed in the industrial sector.

Keywords: Tatars of Kyrgyzstan, the formation of the diaspora, the number of Tatars.

Татары являются частью полиэтнического населения Кыргызстана, которые имеют более полуторавековую историю в стране. Процесс формирования татарской диаспоры Кыргызстана происходило в три этапа: до Октябрьской революции, в период советской власти, в годы суверенного Кыргызстана.

Каждый этап имеет свои отличительные особенности. В данной статье мы остановимся на особенностях формирования татарской диаспоры в период советской власти.

Первая перепись населения в годы советской власти была произведена в 1926 г. Материалы данной переписи свидетельствуют о том, что основной поток миграции в целом в первые годы советской власти по СССР был направлен из Европейской части страны в Азиатскую [1]. В числе переселившихся этнических групп были и татары. По данным вышеуказанной переписи, по республике численность татар составляло 4902 человек [2]. Среди них были те, которых не устраивала Столыпинская реформа, политика раскулачивания. Они, таким образом, стремились сохранить свое материальное состояние. Также были и те, кто не разделял идею социализма [3].

Одной из причин, усиливших миграционный поток татар в регион, в том числе в Кыргызстан, был разразившийся в 30-е гг. XX в. голод, в таких губерниях России и Казахстана, как Оренбургская, Омская, Херсонская, Акмолинская, Кустанайская и т.д., где преобладала численность татар. В эти годы в Пишпекский уезд по этой причине прибыло более 6000 голодающих, среди которых были и татары. Также на юге, в угольных коях Кызыл-Кии, было устроено свыше 500 человек из Поволжья – русских, татар, чувашей и т.д. [4], таким образом пополнивших численность татарского населения страны.

По данным переписи населения 1939 г., в республике проживало 20017 татар [5, 6]. По сравнению с 1926 г. их численность выросла на 15115 человек, или на 75%. Из этого общего количества 61,7% жили в городах, 38,3% – в сельской местности. Период 1926–1939 гг. в республике характеризуется повсеместным возрастанием этнической мозаичности, сокращением удельного веса коренной национальности, увеличением доли некоренных национальностей. Также это был период значительного демографического роста (среднегодовые темпы роста населения равнялись 3,2%) и самых высоких темпов урбанизации в истории страны (6,8%). Фактически эти годы соответствуют первой стадии модернизации, развития инфраструктуры и транспортной системы в стране [7, с. 106–111], началу современной индустриализации республики.

Численность татар относительно другого региона возросло на юге страны. Вероятно, что в регион прибывали татары, получая личную информацию, передающуюся по каналам родственного и дружественного общения о возможности миграции, т.е. в рамках неформальной коммуникации [8, с. 57]. На наличие такого рода закономерности в процессе миграции указывал В.В. Покшишевский: «Всякая достаточно заметная по объему одновременная миграция приводит к неизбежному продолжению и в дальнейшем в силу, с одной стороны, лучшей информированности потенциальных мигрантов о том, что может дать им переселение, с другой – более легкого устройства на новом месте, возможности воспользоваться помощью земляков или родственников». Он также пишет, что «имея в районе вселения как бы коллектив своих земляков, мигрант не в такой мере ощущает свою оторванность от родной почвы» [8, с. 57].

Рост численности татар связан с бурным развитием горнодобывающей промышленности в республике. В Кыргызстан прибывают татары рабочих специальностей и пополняют население промышленных городов юга страны. За это десятилетие в городах количество татар выросло: в Кызыл-Кие – в 10 раз, в Сулукте – в 12, в Ош – в 11, в Джалал-Абаде – в 6, в Кок-Янгаке – в 7 раз. Тогда как в городах севера Кыргызстана такого роста не наблюдалось. Например, в городе Фрунзе (ныне г. Бишкек) их количество увеличилось на 2,6 раза,

в г. Токмоке – в 1, а в г. Пржевальске количество татар имело тенденцию к снижению [8]. Исследователи характеризуют 1926-1939-е гг. в истории нашей страны периодом самых высоких темпов урбанизации и значительного демографического роста.

После Великой Отечественной войны татары продолжали прибывать на территорию Кыргызстана. Многие эвакуированные заводы и фабрики в послевоенный период оставались на территории страны. В связи с бурным ростом промышленности республика нуждалась в квалифицированных кадрах, поэтому в страну прибывают квалифицированные рабочие специалисты, их востребованность усилила поток прибывающих татар. Следующая причина, притягивающая татар к нашей земле – это теплый, достаточно благоприятный климат, разнообразие садовых и бахчевых культур, гостеприимство местного населения.

Еще одним потоком, пополнившим численность татар Кыргызстана после Великой Отечественной войны, стали мигранты, прибывшие из Китайской Народной Республики. Начиная с 1950-х гг., среди татар Китая возросла тенденция к переезду в Советский Союз. В 1954 г. первая группа переселенцев прибыла в СССР, миграция продолжалась до 1962 г. Тогда коммунистическая система не дала татарам возможность обосноваться на родине своих предков – в Татарстане. Их поселили в основном в Казахстане, некоторую часть – в Кыргызстане и Узбекистане [2].

В 1959 г. общее количество татар достигло 56266 человек, они составляли 2,7% от всего населения республики. По сравнению с предвоенными годами (1939 г.) численность татар выросла на 36249 человек, или на 64%. Из их общего количества 43 тыс. (76,3%) являлись городскими жителями, 13,3 тыс. человек жили в сельской местности [9].

В 70-е гг. прошлого столетия численность татар страны пополнилась за счет прибытия крымских татар, которые были депортированы из Крыма в мае 1944 г. в Узбекистан и Казахстан. В 1956 г. незначительная их часть, или, точнее, 546 человек прибыли в Кыргызстан на постоянное место жительства [10].

По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г., численность татар Кыргызстана имела динамику роста. Выросла не только численность татар, но и уровень урбанизированности. Между переписями населения 1959 и 1970 гг. их численность выросло на 15478 человек, или на 21,5%, достигнув 71744 человек [10]. Из них 58567 человек, или 81,6%, жили в городской местности, 13177 человек, или 18,3%, – в сельской. Татары составляли 2,4% населения страны. Самый высокий рост численности татар в эти годы наблюдается в столице республики г. Фрунзе.

Численность татар столицы страны относительно предыдущей переписи выросло на 43,6%, в основном среди них преобладали женщины. Татары составляли 3,1% населения столицы, занимая четвертую строку после русских (284676 чел.), украинцев (26901 чел.), кыргызов (53059 чел.). Увеличилось количество не только представителей татарской национальности, в период между переписями населения 1959 и 1970 гг. на 57,5% увеличилось в целом население г. Фрунзе. Это было связано с ростом промышленного производства в стране в послевоенный период, в том числе и в столице. Для обеспечения производства квалифицированными кадрами советское государство увеличивало их численность, путем приглашения их из других регионов страны, как высшее проявление интернационализма. Следствием этого 50–60-е гг. были отмечены новой волной притока кадров, обусловленной потребностью в них в годы начавшегося освоения энергетических ресурсов реки Нарын, возведения и эксплуатации союзных объектов промышленности и строительной индустрии. Таким образом, помощь Кыргызстану в развитии промышленного производства и в формировании кадров промышленности решалась за счет приглашения их из других республик. Так сформировался многонациональный состав рабочих в стране [11, с. 20].

В последующие годы численность татар имела тенденцию роста. Их количество к 1979 г. достигло в целом по республике 72018 человек, или 2,9% от всего населения страны. Из их общего количества 58 тыс. (80,5%) являлись городскими жителями, 14018 человек (19,5%) жили в сельской местности.

В этот период советской власти численность татар достигла максимального контингента за всю историю их пребывания в этой стране.

По данным переписи населения 1989 г., количество татар в Киргизской ССР имело тенденцию к сокращению. Их численность составила 70068 человек, т.е. уменьшилась на 1950 человек [12, с. 70].

Данная тенденция является результатом политического и экономического кризиса в Советском Союзе. После начала политики перестройки, с 1985 г. начинается эмиграция татар из страны, которая привела к сокращению их количества.

Таким образом, основная численность татарской этнодисперсной группы Кыргызстана сформировалась в годы советской власти. За этот период (1926–1989 гг.) численность татар имела интенсивную динамику роста, их количество выросло с 4902 до 70068 человек. За годы советской власти (между переписями населения 1926 и 1989 гг.) урбанизированность татар выросла на 55,1%, этот рост был напрямую связан с процессом индустриализации страны, бурным ростом промышленности в республике за годы Советской власти, непосредственными участниками которых были и татары.

Список использованных источников и литературы

1. Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения. М., 1978. 153 с.
2. ЦГА КР. Ф. 105. Оп. 12. Д. 572.
3. Полевая тетрадь №3. Джалал-Абад, Баткен. 184 с.
4. Ильясов С.И. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX – начале XX вв. Фрунзе, 1963. 140 с.
5. ЦГА КР. Ф. 105. Оп. 12. Д. 573.
6. ЦГА КР. Ф. 105. Оп. 12. Д. 567. Таблицы о распределении лиц, имеющих занятия по отраслям народного хозяйства; национальный состав; общественные группы и источники средств существования за 1939 год. По переписи населения Киргизской ССР.
7. Шулер М. и др. Динамика численности и изменения в размещении населения Киргизии // Население Кыргызстана. Бишкек, 2004.

8. Старовойтова Г.В. Этническая группа в современном советском городе: Социологические очерки / Г.В. Старовойтова, отв. ред. К.В. Чистов. Л.: Наука, 1987.

9. Ерзин М. Тропую предков: Документальное повествование. Алматы: Изд-во Салон Умит, 2005.

10. Демоскоп weekly. Демографический еженедельник [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_70.php?reg=79; <https://ru.wikipedia.org/wiki/8C>; http://www.dartmouth.edu/~crn/groups/religion_group_papers/Gilazov.pdf. (загл. с экрана).

11. Нурунбетов Б.А. Промышленные рабочие Кыргызстана в 50–80-е годы: состояние и проблемы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. 07.00.02. Б., 2000.

12. Итоги первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 года. В таблицах. Книга II. (часть первая). Бишкек, 2000.

Сведения об авторах:

Бикбулатова Аниса Рифовна, д.и.н., профессор факультета истории и регионоведения КНУ им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан, e-mail: tataroveed.anisa@yandex.com

Бикбулатова Сафина Рифовна, докторант факультета истории и регионоведения КНУ им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан, e-mail: safina-bik-77@mail.ru

А.И. Лойко

Белорусский национальный технический университет, г. Минск (Беларусь)

ТАТАРЫ БЕЛАРУСИ: ИСТОРИЯ ОДНОГО НАРОДА

Аннотация. Показана роль тюркских общин Беларуси в создании межкультурного диалога тюркских народов Восточной Европы.

Ключевые слова: Беларусь, Восточная Европа, тюркская культура, диалог.

A.I. Loiko

Belarusian National Technical University, Minsk (Belarus)

TATARS OF BELARUS: THE HISTORY OF ONE PEOPLE

Abstract. Show role Turkish community of Belarus in create intercultural dialog
Turkish peoples East Europe

Keywords: Belarus, East Europe, Turkish culture, dialog.

Межкультурная роль тюркских народов в Восточной Европе обусловлена историческими особенностями их переселения в пределы Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского и последующим династическим браком князя ВКЛ Ягайло с королевой Польши Ядвигой. Восточная Европа оказалась в пространстве одного конфедеративного государства. Татары, пришедшие из Золотой Орды, в количестве сорока тысяч человек создали в белорусских, литовских, польских городах общины и стали играть важную роль в политической, экономической и культурной жизни Восточной Европы [1]. Отряд хана Багардина сыграл важную роль во время Грюнвальдского сражения. По его итогам была остановлена экспансия Тевтонского ордена на славянские и литовские земли.

Поволжские татары соседствовали в пределах Восточной Европы с крымскими татарами, пленение которых сопровождалось их компактным расселением в центральных регионах Беларуси. Здесь крымских татар называли турками. В Ляховичском районе Беларуси есть деревня с подобным названием – «Турки».

Этнографы Беларуси не акцентируют различий между поволжскими и крымскими татарами на территории страны [2]. Хотя такие различия были. Они имели территориальные особенности взаимодействия с разными народами, но их объединял ислам.

Во время вхождения белорусских земель в состав Российской империи татары Восточной Европы имели общее культурное пространство и могли перемещаться по Беларуси, Литве, Царству Польскому. Такая же ситуация сохранялась в едином пространстве СССР и социалистической Польши. Распад СССР привел к возникновению независимых государств, которые стремятся наладить диалог с участием тюркского населения.

Динамично развиваются общественные, культурные, религиозные связи татар Беларуси, Литвы, Польши, Украины. 25 августа 2000 г. в мэрии Сокулки Белостокского воеводства Польши было документально оформлено решение о создании Международной Федерации татарских организаций Беларуси, Литвы, Польши и Украины. Федерация образована в целях возрождения традиций и культуры татар Беларуси, Литвы, Польши и Украины, в целях защиты их прав на национальное и культурное развитие, участие в работе правовых и других организаций, приобщение к общественно-культурной жизни народов Европы. В 2001 г. началось издание альманаха «Millet», печатного органа Федерации татарских союзов Беларуси, Литвы, Польши и Украины.

В планах работы организаций татар-мусульман Беларуси – восстановление религиозных святынь [3]. Мусульманское объединение в Республике Беларусь и Белорусское объединение татар-мусульман «Зикр уль-Китаб» обратилось к мусульманам Беларуси и мусульманам мира с просьбой оказать помощь в восстановлении самой старой деревянной мечети в Европе, которая находилась в деревне Довбучки Гродненской области. Разработан проект реставрации мечети.

Компактные поселения татар есть и в Литве. Это, в первую очередь, Вильнюс и его окрестности: Вака, Сорок Татары, Некеж, Тракай. Одно из двух больших озер возле Тракайского замка так и называется Тоторю – Татарское.

На территории Беларуси первые татаро-мусульманские общины появились возле Гродно. Существовало поселение Аулс. Это был первый татарский аул. Затем татарские общины сложились в Лиде, Лососно, Сандыковщизне, Ново-

грудке, Ловчицах. Найдены материальные следы древнего татарского поселения в деревне Огородники Кореличского района.

Слоним, Ляховичи, Молодечно, Клецк после 1506 г. стали местами компактного расселения крымских татар. Это было сражение крымских татар с войсками ВКЛ. Татары проиграли, их не выпустили назад и расселили на местной территории. Они стали жить во многих городах Беларуси. Среди них – Несвиж, Иваново, Осмолово, Орда, Минск.

По численности татар-мусульман ведущим приходом до XIX века были Довбучки Сморгонского района. Затем центр культурной жизни татар переместился в Ивье. Построенная в 1884 году Ивьевская мечеть является памятником архитектуры. Она включена в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь.

Татары естественно вошли в цивилизационное пространство Восточной Европы. Они дали ей выдающихся деятелей культуры. Среди них – Наполеон Орда (1807–1883). Белорусский, литовский и польский литератор, музыкант, композитор, художник, скульптор, педагог [4] родился в родовом поместье Ворощевичи Пинского уезда Минской губернии. В 1823 г. поступил в Виленский университет на физико-математический факультет.

В советский период истории татары стали частью БССР. Эта союзная республика проводила активную мультикультурную политику. В результате татары получили доступ к образованию и профессиональной деятельности в различных сферах. Они приняли участие в партизанском и подпольном движении в годы Великой Отечественной войны.

Таким образом, тюркские общины Беларуси стали важным элементом содержательной динамики белорусской культуры и межкультурной коммуникации в Восточной Европе.

Список использованных источников и литературы

1. Канапацкая З.И. Культура литовских татар XIV-XVII вв.: Историко-география вопроса // Сучасныя праблемы гістарыяграфіі гісторыі. Мінск: БДПУ, 2003. С. 115–120.
2. Канапацкая З.И. Татары Беларуси и их культура (XIV-XVII века). Минск: БГПУ, 2005. 23 с.
3. Канапацкая З.И. Мечети как центры сохранения этноконфессиональной культуры татар Беларуси, Литвы и Польши // Ислам і мусульмане Беларусі у XX стагоддзі. Мінск: БДПУ, 2002. С. 137–151.
4. Хаўратовіч І.П. Орда Напалеон // Мысліцелі і асветнікі Беларусі. Энцыклапедычны даведнік / гал. рэд. Б. І. Сачанка. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1995. С. 516–518.

Сведения об авторе: *Лойко Александр Иванович*, зав. кафедрой, Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь, e-mail: alexander.loiko@tut.by

Т.Г. Недзелюк

Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, Новосибирск (Россия)
Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск (Россия)

ДЕТСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В ЭВАКУАЦИИ НА АЛТАЕ (1942–1946 гг.): ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Аннотация. Статья посвящена характеристике источникового базиса для изучения темы эвакуации детских учреждений с театра военных действий Великой Отечественной войны на Алтай. Объектом исследования являются статистические материалы делопроизводства, хранящиеся в фонде Управления Алтайского края по делам молодежи Государственного архива Алтайского края. Уде-

лено внимание количеству, логистике и особенностям размещения детских учреждений на Алтае, персональному составу педагогических работников, определены направления для дальнейших исследований.

Ключевые слова: эвакуация, Алтай, детские учреждения, Государственный архив Алтайского края, фонд Управления Алтайского края по образованию и делам молодежи.

T.G. Nedzelyuk

Siberian Institute of Management – Branch of RANEPА, Novosibirsk (Russia)

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk (Russia)

**CHILDREN'S INSTITUTIONS IN EVACUATION IN ALTAI (1942–1946):
BASED ON THE MATERIALS OF THE STATE ARCHIVE
OF THE ALTAI TERRITORY**

Abstract. The article is devoted to the characterization of the source basis for studying the topic of evacuation of children's institutions from the theater of military operations of the Great Patriotic War to the Altai. The object of the study is the statistical materials of office work deposited in the fund of the Altai Territory Administration for Youth Affairs of the State Archive of the Altai Territory. Attention is paid to the number, logistics and features of the placement of children's institutions in Altai, the personal composition of teaching staff, identified areas for further research.

Keywords: evacuation, Altai, children's institutions, State Archive of the Altai Territory, Fund of the Altai Territory Administration for Education and Youth Affairs.

В годы Великой Отечественной войны с театра военных действий в Сибирь и на Алтай было эвакуировано огромное количество детских учреждений. Безусловно, в первую очередь эвакуации подлежали детские дома, однако детские сады и иные образовательные учреждения также меняли свою «прописку».

Общим проблемам эвакуации из Ленинграда в широком контексте социальной истории посвящено исследование А.А. Алексеева [1, с. 100-103]. Массовая эвакуация гражданского населения в Сибирь в воспоминаниях современников нашла отражение в работах К. Голодяева [2, с. 94–102]. Тема учебных учрежде-

ний, эвакуированных в Горный Алтай, «красной нитью» проходит в исследовании И.С. Караченцева [3, с. 121–125]. Наконец, комплексная характеристика процесса эвакуации гражданского населения, в том числе детей, в Западную Сибирь предпринята Л.И. Снегиревой [4, с. 103–108; 5, с. 28–31].

Названные авторы широко использовали в своих работах репрезентативные источники личного происхождения, материалы архивного хранения Томского и Новосибирского областных центров, в том числе видеоархив Центра устной истории МАУК «Музей Новосибирска». Архивная коллекция в Барнауле не столь многообразна и не является специализированной, однако содержит важные материалы, которые могут способствовать формированию целостной картины процесса принятия огромных масс эвакуированного населения, как было принято говорить в то время, «на местах».

Информация о детских учреждениях, оказавшихся в эвакуации в Алтайском крае и Республике Алтай, отложилась в фонде 573 Алтайского государственного архива. Настоящая статья призвана уточнить исследовательский потенциал документального комплекса. Фонд Управления Алтайского края по образованию и делам молодежи (Р573) в делопроизводственной описи 1а инкорпорировал «дела по личному составу» за период 1936-1973 гг., а фонд 6 – «управленческие» дела постоянного хранения 1931-1943 гг. [6, 8]: Великая отечественная война попадает в этот хронологический отрезок. Поражает количество только эвакуированных учителей, трудившихся в 1943-1944 гг в школах Алтайского края: 1774 человека! В том числе, из Ленинграда были эвакуированы 516 человек [6, л. 1–163]. Путем несложных вычислений приходим к выводу, что другие 1258 учителей являлись уроженцами иных мест; в первую очередь среди эвакуированных детских учреждений фигурировали детские дома и детсады из Ростова и Ростовской области [6, л. 1-163]. Важно, что в материалах архивных дел приведены не только статистические сведения об эвакуированных педагогических работниках, но и их поименный перечень, что позволит исследователям проследить историю персоналий. По окончании военных действий не все они изъявили желание вернуться в прежние места обитания: 734 человека, из них 282 жителя Ленинграда, заявили о своем желании быть реэвакуированными [7, л. 3-124]. Более тысячи педагогических работников остались на Алтае и навсегда связали свою жизнь с этим краем.

Документальный комплекс фонда Управления Алтайского края по образованию и делам молодежи позволяет установить количественный состав и наименования детских учреждений, дифференцировать их по местам выхода и местам дислокации на Алтае, проследить хронологию процесса реэвакуации по окончании войны.

Чаще всего эвакуированные детские учреждения расквартировывались не в краевом центре и не в удаленных районах, а в районных центрах: в селе Баево Баевского района, Родино Родинского района, Смоленском Смоленского района, Волчиха Волчихинского района [8, л. 39-54, 97-117, 136-140].

Контент-анализ материалов архивного хранения позволил установить, что воспитанники детских интернатов № 2, № 8 и № 47 г. Ленинграда в количестве 25 человек были размещены в 1942 г. в селе Карабинка Солтонского района [8, л. 1], а по состоянию на 25 декабря 1944 г. количество детей из этих же интернатов в Карабинке уже составляло 203 человек [8, л. 30-36], что позволяет сделать вывод о логистике распределения эвакуированных.

Село Смоленское Смоленского района в 1943 г. стало новым домом для 90 воспитанников ленинградского детского дома № 17 [8, л. 115-117]; 797 воспитанников ленинградского детского дома № 13 в 1942-1944 гг. нашли приют в с. Новые Ярки и пос. Горбуновка Каменского района [8, л. 59-95]. Поражает количество детей, спасенных алтайцами от войны: 550 человек – в с. Макарово Тюменцевского района [8, л. 118-135], 593 – в с. Баево Баевского района [8, л. 39-54] и т.д. Общее число эвакуированных детских учреждений и их воспитанников, а также их поименный состав и, возможно, какие-то персональные сведения, исследователям еще предстоит уточнить. Для небольших по численности сибирских населенных пунктов такое «нашествие» детей с психологическими травмами было настоящим испытанием. Интересным источником для изучения темы могли бы стать эпистолярные зарисовки, мемуары односельчан, письма детей родственникам и наоборот – весточки из дома, отложившиеся в фондах местных краеведческих музеев.

Возрастной состав эвакуированных детей был разным: в фонде ГААК отложилась справка ЗАГС, предписывавшая пятерым юным эвакуированным ленинградцам (список включен) получить 25 мая 1942 г. паспорт гражданина СССР [8, л. 2].

После войны в Ленинград и Ростов вернулись не все, алтайцы нередко усыновляли оставшихся сиротами воспитанников. Так, «список воспитанников детского интерната Свердловского района г. Ленинграда, находящихся в пос. Ленина Благовещенского района, подлежащих эвакуации (1944 г.)» содержит 223 имени [8, л. 21-29].

Документальный комплекс фонда Управления Алтайского края по образованию и делам молодежи в Государственном архиве Алтайского края обладает широким исследовательским потенциалом. Исследователям предоставляется уникальная возможность восстановить персональный состав воспитанников и педагогических работников, выявить неизвестные факты их биографий, а также дифференцировать (возможно, составить ГИС-карты) эвакуированных по местам их выхода и местам дислокации на Алтае. Самостоятельным предметом исследования может стать политика местных властей (вспомним произведение Анатолия Степановича Иванова «Вечный зов») и взаимоотношения эвакуированных подростков с принимающим социумом. Предметом самостоятельного исследования могут также выступить обстоятельства, время и динамика процесса возвращения (реэвакуации) в Ростов и Ленинград.

Список использованных источников и литературы

1. Алексеев А.А. Социальная история Великой отечественной войны, оккупация северо-запада России и эвакуация в Сибирь // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2017. Т. 6. № 1. С. 100-103.
2. Голодяев К.А. Массовая эвакуация гражданского населения в Сибирь в воспоминаниях современников // Великая победа: история и современность: сб. тр. междунар. науч. конф. М., 2020. С. 94-102.
3. Караченцев И.С. Учебные учреждения, эвакуированные в Горный Алтай в годы Великой Отечественной войны // История и культура народов юго-западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): материалы Междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 121-125.
4. Снегирева Л.И. Эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой отечественной войны в трудах исследователей региона // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 9 (99). С. 103-108.

5. Снегирева Л.И. Эвакуация детей в Западную Сибирь (1941-1945 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 28-31.
6. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-573. Оп. 1а. Д. 209.
7. ГААК. Ф. Р-573. Оп. 1а. Д. 211.
8. ГААК. Ф. Р-573. Оп. 6. Д. 8.

Сведения об авторе: *Недзелюк Татьяна Геннадьевна*, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск, Россия; профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск, Россия, e-mail: tatned@list.ru

А.Х. Рахманкулова

Ташкентский государственный педагогический университет имени Низами,
г. Ташкент (Узбекистан)

СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ В УЗБЕКИСТАН

Аннотация. В научной статье рассматривается принудительное переселение народов в Узбекистан. Национальная политика советского государства в годы Великой Отечественной войны проявилась в виде насильственных выселений народов из мест исконного проживания в другие регионы. В Узбекистан в рассматриваемый период были переселены народы из Крыма, Кавказа и других регионов страны. Все эти процессы имели самые разнообразные демографические последствия. В том числе, она непосредственно отразилась и на особенностях национального состава населения республики.

Ключевые слова: национальная политика, Великая Отечественная война, принудительное переселение народов, Узбекистан.

A.Kh. Rakhmankulova

Tashkent State Pedagogical University named after Nizami, Tashkent (Uzbekistan)

**SOVIET NATIONAL POLICY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR:
FORCED RESETTLEMENT OF PEOPLES TO UZBEKISTAN**

Abstract. The scientific article discusses the forced resettlement of peoples to Uzbekistan. The national policy of the Soviet state during the Great Patriotic War manifested itself in the form of forced evictions of peoples from their places of original residence to other regions. During the period under review, peoples from the Crimea, the Caucasus and other regions of the country were resettled in Uzbekistan. All these processes had a wide variety of demographic consequences. In particular, it directly affected the characteristics of the national composition of the population of the republic.

Keywords: national policy, The Great Patriotic War, forced resettlement of peoples, Uzbekistan.

Одним из аспектов национальной политики советского государства в довоенный период и в годы Великой Отечественной войны стало принудительное переселение народов. Годы Великой Отечественной войны ознаменовались не только беспрецедентным напряжением всех государственных и народных сил в смертельной, в то же время победительной схватке с бесчеловечным и могучим агрессором, но и целой серией актов несправедливости, дискриминации и репрессий по отношению к части собственного населения. В эти годы продолжалась депортация в Узбекистан других народов. Классическим примером этого являются так называемые «наказанные народы». Обвинения в «предательстве» были предъявлены тем народам, которые оказались под оккупацией Германии

и в силу этого обстоятельства так или иначе вынуждены были контактировать с оккупационными властями.

Самый первый депортационный удар пришелся по советским немцам, отнесенным к потенциальным «коллаборантам» исключительно в силу своей этнической принадлежности к нации, с титульным государством которой шла война. Около 1,2 млн из примерно 1,5 млн советских немцев были подвергнуты перемещению. С конца августа 1941 г. началось выселение немцев. Оно осуществлялось в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) № 2060–935сс от 12 августа 1941 г. «О расселении немцев Поволжья в Казахстане». Чуть позднее, 28 августа 1941 г., Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Практически сразу же вслед за этим Указом власти приступили к аналогичным репрессиям против немцев в других регионах страны. Они отправлялись в Казахскую ССР, в Сибирь и Алтайский край. 14 февраля 1942 г. Государственным Комитетом Обороны было принято постановление № ГКО–1281сс «О мобилизации немцев мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках». Речь шла о мобилизации к физическому труду немцев, в частности, которые в то время проживали и в Узбекской ССР. На 1 ноября 1943 г. на предприятиях нефтяной промышленности Узбекистана находилось 549 мобилизованных немцев [1, л. 89].

В 1943–1944 гг. в Узбекистан были депортированы калмыки, народы из Крыма и Кавказа и другие народности. По постановлению СНК СССР от 14 октября 1943 г. (за №1118-342сс) «Вопросы НКВД СССР», из Карачаевской Автономной области были высланы лица карачаевской национальности. Начиная со 2 ноября 1943 г. всего было выселено 69 267 чел. карачаевцев, из них 353 чел. в Узбекистан. По постановлению СНК от 28 декабря 1943 г. (№ 1432/425сс) «О выселении калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР» с декабря 1943 г. по июнь 1944 г. были высланы из Калмыкии – 93 000 чел., из других областей 4000 чел. калмыков. К началу 1945 г. в Узбекистане было размещено 538 калмыков. Согласно инструкции НКВД СССР от 29 января 1944 г. «О порядке проведения выселения чеченцев и ингушей» и постановления ГКО от 31 января

1944 г. за № 5073сс, из Чечено-Ингушской, Дагестанской АССР и из других областей зимой-весной 1944 г. были высланы 493 269 человек. Из общего числа этих народов в Узбекской ССР было расселено 334 человек. Согласно постановлению ГОКО от 5 марта 1944 г. (за № 5309сс) «О выселении балкарцев из Кабардино-Балкарской АССР и из Клухорского района Грузинской ССР, было выселено более 38 000 балкарцев, из всех выселенных в Узбекистане было расселено 419 человек.

Согласно постановлению ГОКО от 11 мая 1944 г. (за № 5859сс) «О крымских татарах», было установлено всех татар «выселить с территории Крыма и поселить их на постоянное жительство в качестве спецпоселенцев в районах Узбекской ССР». Из Крымской АССР было вывезено 191 014 крымских татар [2, с. 217]. К 11 июня 1944 г. в Узбекистан прибыло и было расселено по республике 35 275 семей, 151 604 чел. крымских татар, в том числе: 26 749 мужчин, 53 537 женщин, 71 318 детей [3, л. 67]. Вместе с крымскими татарами в Узбекистане было расселено 5–6 тыс. человек крымских цыган. Народы из Крыма были расселены в 62 районах семи областей республики [4, с. 501]. После крымских татар, согласно постановлению ГОКО от 2 июня 1944 г. (за № 5984) «О выселении с территории Крымской АССР болгар, греков и армян» и постановлению ГОКО от 24 июня 1944 г. (за № 6100) «О выселении из Крыма в Узбекистан турецких, греческих, и иранских подданных с просроченными паспортами территории» из Крыма было выселено 41 854 чел. греков, болгар, армян, немцев, итальянцев, румын, а также подданных иностранных государств [5, л. 227]. Из Крыма в Узбекистан были выселены 3652 чел. иноподданных, из них были 3531 – греческого, 105 – турецкого и 16 человек – иранского подданства (местных жителей турецкого, греческого и иранского подданства, имеющих на руках турецкие, греческие и иранские паспорта), которые были направлены в Ферганскую область Узбекистана. Таким образом, из Крыма всего было выселено 225 009 человек [6, л. 67-67(об).], из них в Узбекистане было расселено 155 256 человека.

Следующими были выселены народы Месхетии Грузинской ССР. Согласно постановлению ГОКО от 31 июля 1944 г. (за № 6279сс) «О переселении из по-

границной полосы Грузинской ССР турок-месхетинцев, курдов и хемшилов» [7, л. 22], в «...целях улучшения условий охраны государственной границы Грузинской ССР» из пограничной полосы Грузинской ССР – Ахалцихского, Адигенского, Аспиндзского, Ахалкалакского, Богдановского районов и Аджарской АССР было всего переселено 92307 человек – турок-месхетинцев, курдов и хемшилов. Всего с 25 ноября по 13 декабря 1944 г. в Узбекскую ССР поступило 29 эшелонов из Грузии. К началу 1945 г. в Узбекистане было размещено 53 827 человек из Грузии [8, л. 462].

После депортаций народов были разрушены их национально-государственные образования. Были ликвидированы Автономия Немцев Поволжья (28 августа 1941 г.), Карачаевская Автономная область (12 октября 1943 г.), Калмыцкая АССР (27 декабря 1943 г.), Чечено-Ингушской АССР (7 марта 1944 г.), а Кабардино-Балкарская ССР была переименована в Кабардинскую АССР (8 апреля 1944 г.). Была ликвидирована Крымская АССР (30 июня 1945 г.) и вместо нее создана Крымская Автономная область в составе РСФСР.

26 февраля 1944 г. вышла директива НКВД СССР «О снятии с общевойскового учета спецпереселенцев и об отобрании у них военных билетов», а 30 июля того же года – «О взятии на учет спецпоселений демобилизованных из Красной Армии калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар, болгар, греков, армян, прибывающих к семьям в места поселений». По фронтам были изданы специальные приказы об увольнении из рядов Красной Армии чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар, калмыков и других национальностей. Они направлялись на спецпоселение. Этой участи подверглись рядовой и сержантский состав, большинство младших офицеров. Старшие офицеры, которые не являлись политработниками, как правило, не увольнялись из армии и продолжали воевать на фронте, а старшие офицеры – политработники были направлены на спецпоселение.

При осуществлении массовых выселений людей часто получалось так, что члены одной и той же семьи оказывались в местах высылки в разных районах, областях, краях, республиках. Меры по воссоединению таких семей предпринимались уже в 1944 г. Так, 21 июля 1944 г. вышла директива НКВД СССР «О со-

единении разрозненных семей крымских татар»; 9 августа – «О соединении разрозненных семей крымских болгар, греков и армян»; 9 сентября 1944 г. – «О соединении разрозненных семей калмыков». В 1944–1945 гг. из 31 209 учтенных разрозненных семей спецпереселенцев с Северного Кавказа, из Крыма, Грузии и калмыков было соединено 27 810 семей [9, л. 229]. Численность лиц, находившихся на спецпоселении и в ссылке на поселение по всей стране, во время войны неуклонно возрастала. Так, 1 апреля 1945 г. на учете Отдела спецпоселений НКВД СССР числилось 2 212 126 спецпереселенцев и ссыльнопоселенцев. География их расселения в республиках Центральной Азии выглядела следующим образом: Казахская ССР – 846 065, Узбекская ССР – 192 638, Киргизская ССР – 124 487, Таджикская ССР – 5595, Туркменская ССР – 1680 человека [10, л. 2]. Узбекистан занимал второе место по размещению спецпоселенцев и ссыльнопоселенцев в стране (после Казахстана). В послевоенный период были высланы так называемые «власовцы», к середине 1949 г. – выселенцы из Молдавии. Эти контингенты частично были направлены в Узбекистан. Так, на 1 июля 1952 г. в республике состояло на учете 186 310 спецпоселенцев, они были расселены по областям республики [11, л. 314].

Таким образом, принудительное переселение народов стало трагическим последствием национальной политики советского государства. Изучение политики принудительных переселений, депортаций народов позволяет сделать вывод, что политика тоталитарного режима была направлена на ограничение и ущемление личных, социальных, политических и гражданских прав насильственно выселенных народов. Принудительное переселение народов привело к огромным человеческим жертвам, моральным и политическим потерям. Но следует сказать, что переселение народов непосредственно отразилось на особенностях национального состава населения Узбекистана. В результате призыва на фронт самой репродуктивно активной части мужчин из числа коренного населения Узбекской ССР, резкого сокращения заключения браков и заметного снижения рождаемости происходит снижение прироста коренного населения. А прибытие других народов с точки зрения демографического роста в военные годы для Узбекистана имело большой положительный эффект. Несмотря на все

последствия принудительных переселений, крымские татары, турки месхетинцы и представители других этнических меньшинств строили заново свою жизнь на новом месте, затем, уже став гражданами Узбекистана, вносили и вносят свой вклад в преумножение экономического и духовного потенциала нашего государства.

Список использованных источников и литературы

1. ГАРФ. Ф. Р–9479. Оп. 1сч. Д. 168.
2. Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М.: Наука, 2006.
3. ГАРФ, Ф. Р–9479, Оп. 1с. Д. 180.
4. Рахманкулова А. Х. Национальная политика советского государства в 1930-1940-е гг. Депортация народов в Узбекистан // Советские нации и национальная политика в 1920-1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10-12 октября 2013 г. М.: Политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2014.
5. ГАРФ Ф. 9479. Оп. 1с. Д. 179.
6. ГАРФ Ф. 9479. Оп. 1с. Д. 180.
7. РГАСПИ (Российский Государственный архив социально-политической истории). Ф. 644. Оп. 1. Д. 285.
8. НА РУз (Национальный архив Республики Узбекистан). Ф. 314. Оп. 7. Д. 26.
9. ГАРФ Ф. 9479. Оп. 1. Д. 573.
10. ГАРФ Ф. 9479. Оп. 1. Д. 257.
11. ГАРФ Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641.

Сведения об авторе: *Рахманкулова Адолат Хушбаковна*, кандидат исторических наук, доцент, Ташкентский государственный педагогический университет имени Низами, кафедра истории Узбекистана, г. Ташкент, Узбекистан, e-mail: adolat@rambler.ru

Ж.О. Омурова, А. Шаршенбек кызы, Р.А. Каулбекова
Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына,
Бишкек (Кыргызстан)

СОТРУДНИЧЕСТВО КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ СО СТРАНАМИ-УЧАСТНИКАМИ ШОС

Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, госзадание по проекту «Тюркский мир "Большого Алтая": единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

Аннотация. Статья посвящена анализу отдельных аспектов сотрудничества Кыргызской Республики (КР) в сфере безопасности в рамках ШОС. Рассматриваются мероприятия, проводимые для реализации мер по обеспечению внутренней и внешней государственной безопасности в КР. Дается анализ деятельности КР как страны-участника и страны-учредителя в области обеспечения безопасности в рамках ШОС. Авторы отмечают, что основным ориентиром в данной инициативе является участие КР в сотрудничестве, ориентированном на главные принципы будущего мироустройства.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), региональная безопасность, глобальная безопасность, отношения, терроризм, сепаратизм, наркотрафик.

Zh.O. Omurova, kyzy A. Sharshenbek, R.A. Kaulbekova
Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan)

COOPERATION OF THE KYRGYZ REPUBLIC WITH THE SCO MEMBER STATES IN THE FIELD OF SECURITY

Abstract. This article is devoted to certain aspects of cooperation of the Kyrgyz Republic (KR) in the field of security within the SCO. The article describes what measures are being taken to implement measures to ensure internal and external state

security in the Kyrgyz Republic. The analysis of the activities of the Kyrgyz Republic as a participating country, as well as a founding country in the field of security within the SCO is given. The idea is given that the main guideline in this initiative is the participation of the Kyrgyz Republic in cooperation, focused on the main principles of the future world order.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization (SCO), regional security, global security, relations, terrorism, separatism, drug trafficking.

Распад СССР и получение суверенитета Кыргызстана в 1991 г. поставил перед страной ряд задач по выработке и осуществлению собственной траектории развития, которая была бы направлена на формирование благоприятных внешних связей, а также развила равноправное сотрудничество со странами-участницами международных систем. Геополитическая обстановка и баланс сил, которые динамично меняются в силу того, что на мировой арене появляются новые независимые государства подталкивают на поиск нового подхода и выработки новых моделей безопасности по обеспечению стабильности стран.

Выработка принципиально новых подходов кооперации стран территории бывшего Союза привела к важному шагу по принятию мер территориальной безопасности. К примеру, Кыргызская Республика по вопросу безопасности входит в СНГ, ОЦАС, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС и др. Похожие мнения стран-участниц относительно основополагающих принципов мирного сосуществования, которое основывается на идее многополярных и многообразных взглядов, дает возможность рассчитывать на положительные сдвиги при совместном начинании в сфере мировой и территориальной безопасности.

Нынешний этап развития сотрудничества в рамках ШОС, который является эффективным механизмом по обеспечению безопасности на евразийском пространстве, становится все более важным. По региональному сотрудничеству в рамках ШОС важными направлениями для Кыргызской Республики являются вопросы экономического сотрудничества и обеспечения территориальной безопасности [1].

Кыргызстан считается одной из стран-учредителей ШОС, которая была создана на основе «Шанхайской пятерки». Присоединение Узбекистана стала отправной точкой при создании организации [2]. Главные цели и задачи ШОС – это содействие эффективному региональному сотрудничеству в сферах торговли, политики, культуры, образования, а также укрепление мира и создание устойчивой стабильности на территории стран-участниц. Кооперация по ШОС считается одним из приоритетов многосторонних дипломатических отношений КР. Присутствие Кыргызстана в работе ШОС соответствует национальным интересам и дает возможность активному противодействию терроризму, религиозному экстремизму, незаконному обороту запрещенных средств, незаконной иммиграции и т.д. для сохранения безопасной и стабильной ситуации в стране и за ее пределами, что помогает поддерживать территориальную целостность и независимость страны [3].

Целевая установка ШОС изначально находилась в области совместных внутрирегиональных актов по противодействию актам террора, сепаратизма и экстремизма в Центральной Азии. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом была подписана в 2001 г. участниками саммита, прошедшего в Шанхае [4].

Данная конвенция в первый раз в мировом масштабе определила сепаратизм и экстремизм как акты насилия, подлежащие уголовному преследованию. С тех пор государства-участники сделали приоритетными вопросы разрешения внутреннего конфликта и достигли консенсуса по противодействию экстремизму и наркомафии, выразившегося сначала в создании региональной контртеррористической структуры [5], а затем в подписании договора о долгосрочных добрососедских отношениях, дружбе и сотрудничестве [6].

Региональная антитеррористическая структура (РАТС) Шанхайской организации сотрудничества как постоянно действующий орган берет свое начало с 2002 г. Сначала своего создания как координирующего центра по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом ею был внесен большой вклад как на региональном, так и на мировом уровне в достижении результатов [7]. Кыргыз-

ская Республика была инициатором создания РАТС ШОС, в этой связи в сентябре 2002 г. состоялась стартовая встреча между представителями стран-участников [8].

Важную роль в подготовительных работах и осуществлении учений отводится РАТС ШОС, которая официально была запущена в 2004 г. в Узбекистане [9], а на очередном заседании, состоявшемся в 2006 г., лидеры стран-членов ШОС подписали договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и кооперации и Бишкекскую декларацию, а также утвердили план действий стран-участниц ШОС. В ходе встречи были рассмотрены итоги работы ШОС за отчетный период в широком спектре направлений, главы государств обменялись мнениями о геополитической обстановке во всем мире и в регионе для того, чтобы наметить отдельные направления деятельности Организации.

Также было отмечено, что выполнение поставленных обязательств по Программе сотрудничества важно и что нужно усилить борьбу с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом и противостоять силам, финансирующим эти негативные явления. Эффективность общих учений против террора и важность договора были отмечены в 2007 г. 25 мая на встрече министров обороны стран-участниц.

По приглашению Президента РФ Владимира Путина главы государств-участников ШОС приняли участие на учениях «Мирная миссия». Главы стран отмечали серьезную важность реализации превентивных мер по недопущению ситуаций, которые могут породить нестабильность, и что нужно ускоренно создать механизм по совместному реагированию на факты, угрожающие миру, стабильности и безопасности в регионе. Также была отмечена необходимость по дальнейшему углублению кооперации против незаконного оборота психотропными и наркотическими средствами, основываясь на Соглашении 2004 г. путем усиления взаимодействий между компетентными органами стран-участниц, и необходимость обмена опытом для профилактики и лечения наркомании, борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

Возможности более масштабного использования возможностей ШОС в афганском русле были рассмотрены по инициативе укрепления стабильных и без-

опасных отношений, на основе которых строится развитие экономики и благоприятное сотрудничество в Центральной Азии. Очередной саммит был 12–13 сентября 2013 г. в Бишкеке. На нем состоялось подписание Бишкекской декларации, по которой страны-участницы обязались добиться мира и стабильности на территории Ближнего Востока и Северной Африки. На данной встрече была еще поддержана инициатива Президента РФ поставить на международный контроль сирийское химическое оружие.

Главы стран-участниц ШОС отмечали важность перехода к переговорам по ядерной программе КНДР, призвали Афганистан строить мирную и независимую страну, а по Ирану призывали отменить использование военной силы и односторонних санкций [11].

Очередной Бишкекский саммит Совета лидеров стран-участниц ШОС прошел с 13 по 14 июня 2019 г. В нем приняли участие главы стран-членов организации. Заседание прошло под председательством Президента Кыргызстана Сооронбай Жээнбекова. Во встрече приняли участие Генеральный секретарь Шанхайской организации сотрудничества В. Норов и директор Исполнительного комитета РАТС ШОС Дж. Гиесов [12].

Обмен мнений по актуальным международным и региональным вопросам выявил важность активизации общих усилий по формированию безопасного и устойчивого мироустройства между странами-участницами ШОС. Данная цель была отмечена главами государств, и они подчеркнули важность усиления кооперации со всеми стейкхолдерами, основываясь на признанных всеми принципах и нормах международного права, к примеру, по Уставу ООН. Главы стран-участниц высказали мысль по укреплению основной координирующей позиции Организации объединенных наций, а также Совета Безопасности (СБ) главного органа ответственного за мир и безопасность. В этой связи страны высказывались по своим намерениям. К примеру, Республика Индия, Кыргызская Республика, добиваются избраться непостоянным членом СБ ООН. Такие страны, как Республика Казахстан, КНДР, Исламская Республика Пакистан, Российская Фе-

дерация и Республика Узбекистан хотят войти в состав членов Совета ООН по правам человека ООН.

Страны-участницы осудили террор. Подчеркивая, что никаким актам терроризма и экстремизма не может быть оправдания, посчитали, что вмешательство во внутренние дела недопустимо. Главы стран-участниц помимо Бишкекской декларации подписали еще Решение по Рабочему плану на 2019–2020 гг., Решение об утверждении Доклада СБ [12].

Кыргызская Республика является активным участником антитеррористических учений ШОС. Целью осуществления подобных учений является «подготовка специальных антитеррористических подразделений к совместным действиям Сторон в случае террористического акта или угрозы террористического акта на их территориях» [13]. Именно поэтому на территории КР и других стран-участниц проводились общие учения [14, 15]. ШОС характеризуется многоплановой работой по сохранению безопасности. Учитывая как собственный, так и мировой опыт, можно констатировать, что данные учения Шанхайской организации сотрудничества ориентируются на сохранение мира и стабильности.

Итак, резюмируя, можно сказать, что кооперация Кыргызской Республики в рамках ШОС в сфере безопасности прошло долгий путь и уже принес ощутимый результат. К примеру, создаются существенные правовые платформы кооперации по вопросам сохранности; площадки для мирных контртеррористических учений, определяются пути осуществления программы безопасности по многостороннему и двустороннему сотрудничеству.

Также нужно обратить внимание на тот факт, что Кыргызская Республика участвует в инициативах Шанхайской организации сотрудничества, преследуя свои национальные интересы. Кыргызская Республика, как страна-участница ШОС, стремится расширить кооперацию с другими странами. Исходя из сказанного, отмечаем, что кооперация в рамках ШОС есть одно из главных ориентиров по приоритетности в многосторонней дипломатии Кыргызстана.

Список использованных источников и литературы

1. Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики. [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/61367>
2. Сотрудничество Кыргызской Республики в рамках Шанхайской организации сотрудничества от 13.01.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://mfa.gov.kg/ru/osnovnoe-menyu/vneshnyaya-politika/mezhdunarodnye-organizacii/shos/sotrudnichestvo-kyrgyzskoy-respubliki-v-ramkah-shanhayskoy-organizacii-sotrudnichestva>
3. Кыргызстан и ШОС. [Электронный ресурс]. URL: <https://vuzlit.com/1837431/kyrgyzstan>
4. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. [Электронный ресурс]. URL: <https://medialaw.asia/document/-2056>
5. РАТС ШОС. [Электронный ресурс]. URL: <https://ecrats.org/istoriya/>
6. Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902086025>
7. История РАТС ШОС [Электронный ресурс]. URL: <https://ecrats.org/orats-shos/>
8. Кыргызстан – ШОС. [Электронный ресурс]. URL: <https://old.mfa.gov.kg/contents/view/id/95>
9. Проблемы обеспечения безопасности на пространстве ШОС / отв. ред. С.Г. Лузянин. М.: Весь Мир, 2017. С. 9–10.
10. Бишкекский саммит ШОС завершил свою работу. Главы государств-членов ШОС подписали совместное коммюнике по итогам заседания совета. [Электронный ресурс]. URL: https://www.qwas.ru/kyrgyzstan/ar-namys/id_68334/
11. Саммиты Шанхайской организации сотрудничества. [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/info/1432640?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru
12. Подведены итоги саммита ШОС в Бишкеке. [Электронный ресурс]. URL: <https://barometr.kg/podvedeny-itogi-sammita-shos-v-bishkeke>

13. Соглашение о порядке организации и проведения совместных анти-террористических учений государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации консорциум «Кодекс». 13.10.2009 // (дата обращения: 04.07.2018).

14. Страны-участницы ШОС учатся совместным действиям по нейтрализации террористических групп // Сайт информационного агентства Регнум. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/1972573.html>

15. Киргизия и Китай провели учения «Тянь-Шань-3» // Информационно-аналитический сайт ИнфоШОС.Ру. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=16903>

Сведения об авторах:

Омурова Жамыйкат Орозбековна, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения и кыргызоведения, факультет истории и регионоведения, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызстан, e-mail: jamyikat2012@gmail.com

Шаршенбек кызы Айпери, преподаватель кафедры регионоведения и кыргызоведения, факультет истории и регионоведения, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан), e-mail: temirlan2409@bk.ru

Каулбекова Ракия Абдрасуловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения и кыргызоведения, факультет истории и регионоведения, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызстан, e-mail: kaulbekovar@gmail.com

СЕКЦИЯ 4. РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР В СССР

З.Ж. Орозахунова

Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына,
г. Бишкек (Кыргызстан)

РОЛЬ ЖЕНЩИН В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КЫРГЫЗСТАНА (1938 – ИЮНЬ 1941 гг.)

Аннотация. В статье описывается роль женщины в общественно-политической жизни Кыргызстана. Советская власть полностью освободила от феодально-байских пережитков кыргызских женщин, веками терпевших гнет и унижение. Историческое значение имеет равенство женщины с мужчиной в общественном производстве и во всех областях государственной и общественной деятельности в стране.

Советские женщины внесли большой вклад в развитии экономики, политики, науки, культуры, искусства и т.д. Женщины боролись за равное право на труд и равную оплату труда, а также за выбор любой профессии. Они наравне с мужчинами работали на заводах, фабриках, в образовании, в здравоохранении, в сельском хозяйстве, в животноводстве, в промышленности, были летчиками, машинистами и т.д. Они не только работали, но и учились, а также принимали активное участие в общественно-политической жизни страны, и это послужило повышением авторитета женщины в обществе и семье.

Ключевые слова: советская власть, экономика, политика, наука, культура, искусство, образования, здравоохранения, промышленность, труд.

Z.Zh. Orozahunova

Kyrgyz National University named after Zhusupa Balasagyna Bishkek (Kyrgyzstan)

WOMEN'S ROLE IN THE DEVELOPMENT OF THE SOCIO-POLITICAL LIFE OF KYRGYZSTAN (1940–1950-S YEARS)

Abstract. The article describes the role of women in the socio-political life of Kyrgyzstan. The Soviet government completely freed Kyrgyz women from feudal-Bay

remnants, who had endured oppression and humiliation for centuries. The equality of women with men in social production and in all areas of State and public activity in the country is of historical importance.

Soviet women made a great contribution to the development of the economy, politics, science, culture, art, etc. Women fought for the equal right to work and equal pay, as well as to choose any profession. They worked on an equal footing with men in factories, factories, education, healthcare, agriculture, animal husbandry, industry, were pilots, machinists, etc. They not only worked, but also studied, as well as took an active part in the socio-political life of the country and this served to increase the authority of women in society and family.

Keywords: Soviet power, economy, politics, science, culture, arts, education, healthcare, industry, labor.

В наше время женщины играют огромную роль в создании материальных и духовных ценностей человечества. 1975 год отмечался как Международный год женщины. Его девиз – обеспечение равноправия, широкого участия женщин в экономическом, политическом, социальном и в культурном развитии своих стран, всемерное повышение их роли в укреплении мира, в утверждении отношений дружбы и сотрудничества между народами.

В XX в. роль женщины существенно изменилась, так как они впервые обрели право голоса, стали полноправными участницами общественно-политических процессов. Девушки, достигшие 18-летнего возраста, по конституции имели право в голоса, а также избирать и быть избранными. Управляли государством, народным хозяйством, активно участвовали в развитии науки и культуры и пользовались уважением народа.

До установления советской власти в Кыргызстане женщины были самой угнетенной и бесправной частью общества, не были равноправными с мужчинами, они всегда были под камчой мужчины и бай-манапов. Женщину не считали за человека, покупали и продавали как товар. В советском Кыргызстане женщины играли огромную роль в революционных процессах, национально-освободительном движении, в борьбе за мир, социальный прогресс. Их положение в обществе привлекало особое внимание мировой прогрессивной общественности, так как во многих странах женщины подвергались различным видам дискриминации, унижающим их человеческое достоинство и право.

Советские женщины активно участвовали в решении общественно-политических задач, стоящих перед государством. Индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства, развитие экономики требовали необходимости постоянного повышения трудовой активности граждан, в том числе и женщин.

Большим событием в общественно-политической жизни женщин явился II съезд женской молодежи, созданный ЦК ЛКСМ республики, он проходил с 20 по 22 октября 1938 г. В нем приняли участие 240 делегатов, среди которых было 59 стахановок и 45 ударниц – работниц фабрик, заводов, МТС, совхозов, колхозов; 46 отличниц учебы; 12 учительниц и т.д. [1, л. 3]. Съезд потребовал улучшения политико-воспитательной работы среди женской части молодежи и усиления борьбы с остатками пережитков в отношении к женщине. Докладчик, секретарь ЦК ЛКСМ, Тенти Джунушбаева, известная поэтесса и общественный деятель, приводила факты недостойного отношения к женщине, девушке.

Женская молодежь под руководством Коммунистической партии активно боролась за ликвидацию остатков феодально-байских пережитков (ношение паранджи, выдачи замуж несовершеннолетних, калым), за повышение политической активности женских масс [2]. Кыргызские девушки активно вступали в комсомол. Так, если на 1 октября 1935 г. в комсомольской организации республики было 4849 девушек, на 1 июля 1937 г. их стало 6875, а в 1938 г. – 12976 [3, л. 47]. Лучших из них выдвигали на руководящую работу. В 1937 г. в республике не было ни одной девушки секретаря райкома комсомола, а осенью 1940 г. среди 42 секретарей райкомов, горкомов и обкомов комсомола республики было 12 девушек. Членами пленумов районных, городских и областных комитетов ЛКСМ были избраны 495 девушек [4, л. 1]. Секретарями первичных организаций и комитетов комсомола в 1940 г. было избрано 969 девушек [5, л. 87].

Увеличилось число женщин и в партийной организации республики. Если на 1 января 1938 г. среди членов и кандидатов Компартии насчитывалось 1068 женщин, то на 1 января 1940 г. – 2386 [6, с. 142; 147]. В аппарате ЦК КП (б) Киргизии на 20 января 1940 г. насчитывалось 54 женщины [5, л. 87].

Участие женщин в составе Советов и исполкомов республики [7, л. 20]

№	Состав	1 марта 1938 г.	22 июня 1938 г.	1 января 1938 г.	%
1	462 – сельских Советов	2004 чел.			21%
2	11 – городских и поселковых Советов	101 чел.			18,8%
3	45 районов – райисполком	150 чел.			21%
4	ЦИК Кирг.ССР		14 чел.		24%
5	4411 – секций сельсовета	2487 чел.			11,6%
6	1846 – депутатских групп	1577 чел.			17,2%
7	Секретарь райисполкома	1 чел.			3,%
8	Инструктор РИК			29 чел.	24%
9	Председатель сельсовета			83 чел.	6,7%
10	Зам. председатель сельсовета			16 чел.	18%

Партийные организации выдвигали женщин на руководящую работу, а также оказывали помощь в политической подготовке [8, с. 44–45]. Женщины активно принимали участие как в подготовке к выборам, так и выборах в Верховный Совет. Было избрано 7 женщин: Ш. Тезекбаева, С. Кайназарова, О. Токтобаева, А.К. Захаренко, Ф.А. Стрельникова, В.С. Гризодубова, К. Аманкулова. Так, депутат Верховного Совета СССР Ш. Тезекбаева давала отчет в Москве по выращиванию высоких урожаев свеклы [9].

К. Аманкулова была назначена зам. председателя ЦИК Киргизской ССР; С. Ахметова была народным комиссаром социального обеспечения; депутат А.К. Захаренко назначена зам. народного комиссара просвещения; К. Касымова была выдвинута на заведование Ошским горно. Инструкторами райкомов были 26 женщин, три – секретарями райкомов партии, 15 женщин из Иссык-Кульского района были на руководящем посту и т.д. [10, л. 33-34].

4 декабря 1939 г. партийными организациями республики была проведена работа в связи с подготовкой к выборам в местные Советы депутатов. Было привлечено свыше 100 тыс. чел. рабочих, колхозников, советской интеллигенции, активно работавших в избирательных комиссиях доверенными лицами и агитаторами. В их составе около 13,5% коммунистов, около 24% комсомольцев

и свыше 60% беспартийных. В избирательных комиссиях работало около 25 тыс. женщин [8, с. 89].

В советском Кыргызстане были свои героини труда в народном хозяйстве, среди них известны имена: депутата Н. Вудулар, инициатора стахановского движения в сельском хозяйстве; депутат Т. Маткеримова, доярка Заура Тулекова, текстильщицы Мария и Дуся Виноградовы, звеньевые Мария Демченко и Марина Гнатенко, работницы мясокомбината Сайкал Токтобулатова и Бюбюш Уразова. Свекловичницы дважды герой труда Суракан Кайназарова, Шаирбюбю Тезекбаева, Турсун Оторбаева, Калбюбю Солтамбекова. 16-летняя комсомолка-стахановка О. Самиева, которая перевыполняла план в хлопководстве, собирая по 300 кг хлопка в день. За отличную работу стахановок мясокомбината Роткину, Зуеву, Савкину, Полторацкую, Кортаеву выдвигали на руководящую работу на должность мастеров цеха [11, л. 55-61].

Также для широкого вовлечения женщин в производство и облегчения женского труда на предприятиях, совхозов и колхозах партией и государством уделялось большое внимание вопросам охраны труда женщин, расширялись детские сады и женские учреждения. Женщины имели возможность без всякого опасения за будущее производить новое потомство. В республике были созданы все условия, чтобы женщины могли сочетать производственную и общественную работу с материнством [12, л. 16-21].

Государство уделяло большое внимание и образованию женщин. В республике было 2 высших учебных заведения, 5 техникумов, 2 рабфака, 92 средние школы, 438 неполных средних школ и 1233 начальные школы, 1 политпросветшкола, 3 педучилища. Техникумы и вузы каждый год выпускали сотни молодых специалистов.

В 1938 г. пединститут окончили 75 девушек, которые получили звание народного учителя. Зооветеринарный институт выпустил 53 чел., из них 17 женщин – ветеринарных врачей. Медицинский техникум выпустил 118 медицинских работников, из них 99 женщин. В 1937/38 учебном году в республике количество преподавателей – женщин насчитывалось 1814 чел., зав. учебной ча-

стью и директоров школ, одновременно преподающих, насчитывалось 160 чел., таким образом, всего преподавателей – женщин по республике было 1974 чел. Учительница Хадича Ахмедова из Джеты-Огузского района воспитала сотни советских детей и многие из ее воспитанников учились в высших учебных заведениях [13].

Количество женщин, обучающихся в педагогических учебных заведениях и на курсах подготовки учителей в 1938/1939 уч. году [14, л. 22]

№	Наименование учебного заведения	Кол-во учащ-ся	Женщ.	Выпуск женщ. 1937/38 уч. год
1	Киргизский педагогический институт 4-годичный	495	228	58
2	Учительский институт 2-годичный	351	134	40
3	Вечерний институт 3-годичный	135	51	19
4	Педучилище: г. Фрунзе, г. Каракол, г. Джалал-Абад, г. Ош	1798	621	98
5	Вечернее педагогическое училище	94	49	-
6	Политпросвет школа	198	59	-
7	Педагогический рабфак	328	93	142
8	Курсовые мероприятия по подготовке учителей	577	191	1274

Партийными органами были созданы женские активы – женсоветы при крупных колхозах, совхозах, заводах, фабриках, среди учителей, врачей и т.д. Задача женсоветов заключалась в политико-массовой работе среди женщин, они берут под свой контроль работу столовых, торгующих организаций, детсадов, детских, больниц, школ, работу производств и т.д. [15, л. 6]. В 1939 г. в республике были подготовлены кадры из женщин: техников, полеводов, животноводов, трактористов, комбайнеров, механиков, агрономов, врачей, зоотехников, работников связи, финансовых работников, мастеров швейной, хлопковой, шелковой промышленности, работников суда, работников торговли и т.д. – всего 6250 человек [11].

Женщины наравне с мужчинами работали на заводах, фабриках, в образовании, в здравоохранении, в сельском хозяйстве, в животноводстве, в промыш-

ленности, были летчиками, машинистами и т.д. Получали равную оплату за равный труд. Были женщины, которые работали лучше, чем мужчины. Они не только работали, но и учились. Принимали активное участие в общественной работе, и это повышало авторитет женщины в обществе и семье. Как и все советские женщины, женщины Кыргызстана играли большую роль в общественно-политической жизни государства. Таким образом, успехи советских женщин, их равноправное положение в обществе были примером для женщин всего мира.

Список использованных источников и литературы

1. ЦГА ОПД КР. Ф. 42. Оп. 1. Д. 103-а.
2. Советская Киргизия. 1938. 29 октября.
3. ЦГА ОПД КР Ф. 42. Оп. 1. Д. 10.
4. ЦГА ОПД КР Ф. 42. Оп. 1. Д. 67.
5. ЦГА ОПД КР Ф. 56. Оп. 1. Д. 44.
6. Рост и регулирование состава КП Киргизии: сб. документов и материалов. Фрунзе, 1966.
7. ЦГА КР Ф. 1455. Оп. 7. Д. 154.
8. Коммунистическая партия Киргизии в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов Обкома и ЦК. Ч. 2. 1937-1957: сб. документов и материалов. Фрунзе: Киргосиздат, 1968.
9. Советская Киргизия. 1938. 16 февраля.
10. ЦГА КР Ф. 56. Оп. 4. Д. 77.
11. ЦГА КР Ф. 56. Оп.3. Д. 131.
12. ЦГА КР Ф. 42, Оп.1. Д. 1371-а.
13. Иссык-Кульская правда. 1939. 8 марта.
14. ЦГА КР Ф. 42. Оп. 1. Д. 1382.
15. ЦГА КР Ф. 42. Оп. 1. Д. 1386.

Сведения об авторе: *Орозахунова Замира Жумабековна*, старший преподаватель кафедры Археологии, этнологии, источниковедения и историографии факультета истории и регионоведения Кыргызского Национального университета им. Жусупа Баласагына. г. Бишкек, Кыргызстан, e-mail: zamiraorozahunova@mail.ru

Л.И. Нехвядович, К.А. Мелехова

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

**КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА СССР В ОБЛАСТИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, госзадание по проекту «Тюркский мир "Большого Алтая": единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 748715Ф.99.1.ББ97АА00002).

Аннотация. Актуальность работы состоит в том, что в условиях глобализации и демократизации всех сфер общественной жизни возрастает значимость межкультурного диалога. Культурная политика СССР в XX веке носила интернациональный характер. Важное место в ней занимали вопросы образования и обучения граждан из стран социалистического содружества. Художественные вузы принимали до 30% студентов из стран социалистического содружества, из них более 20% – из стран Центральной Азии. Через систему образования происходило приобщение к мировым ценностям, развивалось просвещение, поднимался культурный уровень, формировалось искусство, основанное на европейской художественной системе. Цель работы – охарактеризовать особенности культурной политики СССР в области художественного образования и выявить особенности развития искусства в странах Центральной Азии.

Ключевые слова: культурная политика СССР, художественное образование, изобразительное искусство, Центральная Азия.

L.I. Nekhvyadovich, K.A. Melekhova

Altai State University, Barnaul (Russia)

**CULTURAL POLICY OF THE USSR IN THE FIELD OF ART EDUCATION
WITH THE COUNTRIES OF CENTRAL ASIA**

Abstract. The relevance of the work is that in the conditions of globalization and democratization of all spheres of public life, the importance of intercultural dialogue is

increasing. The cultural policy of the USSR in the twentieth century was of an international nature. An important place in it was occupied by the issues of education and training of citizens from the countries of the socialist commonwealth. Art universities accepted up to 30% of students from the countries of the socialist commonwealth, more than 20% of them from Central Asian countries. Through the education system, familiarization with world values took place, enlightenment developed, the cultural level rose, and art based on the European artistic system was formed. The purpose of the work is to characterize the features of the cultural policy of the USSR in the field of art education and to identify the features of the development of art in the countries of Central Asia.

Keywords: cultural policy of the USSR, art education, fine arts, Central Asia.

СССР в XX веке стал крупнейшей доминирующей державой среди стран социалистического содружества. Являясь основной движущей силой в сообществе стран социалистического лагеря в политическом, экономическом и культурном плане, СССР оказывал влияние на их внутреннюю жизнь. Вследствие большой интеграции соцстран культурная политика имела общие черты и была направлена на помощь развивающимся государствам.

Термин «культурная политика» появился в научном обиходе в середине XX в. и трактовался по-разному. На дискуссии в Монако, проведенной 24 странами-участницами ЮНЕСКО в 1967 г., под «культурной политикой» было решено понимать «комплекс операционных принципов, административных и финансовых деятельности и процедур, которые обеспечивали основу деятельности государства в области культуры». В этом контексте реализация культурной политики представляла собой всю сумму сознательных и обдуманных действий в обществе, направленных на достижение определенных культурных целей посредством оптимального использования материальных и духовных ресурсов, которыми располагало общество [1, с. 10]. Культурная политика в словаре «Культура и культурология» рассматривается как система практических мероприятий, финансируемых, регулируемых и в значительной мере осуществляемых госу-

дарством (наряду с частными лицами), направленных на сохранение, развитие и приумножение культурного наследия нации [2]. По мнению культуролога А.И. Арнольдова, культурная политика представляет собой систему научных принципов и технологий, направленных на организацию духовной жизни, она направлена на создание в обществе благотворных условий для позитивной социокультурной активности человека. Цель культурной политики – сделать жизнь людей духовно богатой и многогранной, открыть простор для выявления их способностей, обеспечить реальные возможности для приобщения к творческой ценности и к активной культурной деятельности. Являясь органичной частью социальной политики, культурная политика вырабатывает научно обоснованные концепции культурного движения, соответствующие планы и рекомендации. Основными направлениями культурной политики являются следующие: создание в стране единого культурного пространства, качественное улучшение материальной и духовной базы людей, обеспечивающих интеллектуальное развитие населения, сохранение огромного пласта народной культуры – носителя национальных традиций, улучшение образования, совершенствование международного культурного сотрудничества и др. Культурная политика является составной частью общей государственной и общественной политики, так как с ее помощью осуществляется активное и целенаправленное государственное регулирование сферы культуры [1, с. 24-33]. Общим для всех определений данного термина является то, что культурная политика не может существовать вне общества и государства, поэтому она несет на себе отпечаток идеологии того общества, в котором она осуществляется. В СССР все данные аспекты культурной политики присутствовали.

Формирование условий для появления культурной политики в СССР начались в начале XX в. В этот период в среде интеллигенции получили широкое распространение марксистские, социал-демократические взгляды. Именно они оказались созвучными нарастающему народному недовольству на фоне социального и политического кризисов, что привело к революции 1917 г., культурные последствия которой парадоксально сочетали в себе стабильность российских им-

перских традиций и новую, более радикальную, чем ранее, попытку модернизации страны. Государственная политика в течение последующих 70 лет определялась становлением, развитием, а затем кризисом нового авторитарного государства с директивно управляемой экономикой и жестким контролем всех сфер общественной жизни [3, с. 39]. В первое десятилетие советской власти в культурной жизни страны сохранялась печать плюрализма и художественного разнообразия авангардистских тенденций, многие из которых восприняли идеалы революции: ведь одной из ее основ должна была стать революция культурная; прежде всего, ликвидация неграмотности основной массы населения, что делало его более восприимчивым к ценностям культуры. Но уже рубеже 1920-1930-х гг. произошла постепенная, а затем резкая переориентация культурной политики с марксистских идеалов интернационализма и параллельного художественного авангарда на идейно-политический и стилистический монизм движения, получившего название социалистического реализма [4, с. 35]. Культурная политика СССР носила тоталитарный характер, поэтому уже в первые годы советской власти началось формирование сети учреждений культуры при доминирующем государственном значении. Осуществлялось их четкое ранжирование на категории союзного, республиканского, местного значения. Показатели культурных преобразований включались в пятилетние планы. Культура все более и более становилась частью официальной партийной и государственной пропаганды. Важным преобразованием было создание централизованной системы управления культурной политикой, которая осуществлялась Народным комиссариатом народного просвещения. В конце 1930-х гг. был образован Всесоюзный комитет по делам искусств при Совете Народных Комиссаров СССР и соответствующие комитеты в союзных республиках. В 1953 г. Было образовано Министерство культуры СССР и министерства культуры союзных республик. Вся система управления культурой в СССР входила в единую управленческую сеть государственных органов власти страны, где формально полнота власти принадлежала Советам народных депутатов, которые охватывали все уровни государственной политики [5, с. 36].

Приоритетными направлениями культурной политики СССР были ликвидация неграмотности населения как нашей страны, так и в союзных республиках, повышение уровня образованности, реформирование системы среднего и высшего образования. Коренным образом изменились условия приема в высшие учебные заведения РСФСР. В декрете СНК РСФСР о правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР от 2 августа 1918 г. прописано: «Каждое лицо, независимо от гражданства и пола, достигшее 16 лет, может вступить в число слушателей любого высшего учебного заведения, без представления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо школы. Взимание платы за учение в высших учебных заведениях Российской Социалистической Федеративной Советской Республики отменяется» [6, с. 168]. Изменения коснулись художественных вузов; после Октябрьской революции Академия художеств, основной научный, художественный и методический центр, была упразднена, о чем извещал декрет Совнаркома от 12 апреля 1918 г. Вместо нее тем же декретом учреждались Петроградские государственные свободные художественно-учебные мастерские. Согласно новому уставу, старая педагогическая система отвергалась, а преподаватели были освобождены от должностей. Учащиеся получили право свободного выбора себе любого руководителя. Никакого образовательного ценза для поступающих устав не предусматривал. Количество желающих учиться увеличилось почти вдвое. Уже в 1921 г. Свободным мастерским было возвращено наименование Академии художеств [7, с. 153-158].

Культурная политика СССР была направлена на расширение числа вузов. До 1917 г. на территории России имелось всего 12 университетов, которые были в основном расположены в центральной части страны, в них обучалось 41 тыс. студентов. В 1918 г. их число увеличилось до 15, в 40-е гг. – до 29, в 1960 – 40, 1965 – 42, в 1970-е гг. насчитывалось более 800 вузов [8, с. 34].

Одной из целей культурной политики советского государства была помощь малым народностям, где акцентировалось внимание на национальном самоопределении в области культуры, и в то же время создавалась интернациональная основа при поддержке СССР. Основными задачами являлись развитие междуна-

родного сотрудничества в области культуры и искусства, знакомство других стран с достижениями советской культуры, а также оказание помощи в развитии национальной культуры развивающимся странам [9, с. 3-9]. В области национальных отношений была выработана программа повышения культурного уровня малых народностей и были предусмотрены меры, направленные на повышение их культурного уровня: культурно-просветительская работа, развитие образования, подготовка местных кадров [10, с. 123-125]. Осуществлялся культурный обмен на основе наличия национального, языкового, бытового, психологического своеобразия и вносил новые черты в культуру и искусство различных народов. В СССР в XX в. имели место различные формы международного сотрудничества со странами социалистического содружества – обсуждения, симпозиумы, творческие встречи, фестивали дружбы, устройство выставок, месячники национальных культур. Многие страны социалистического содружества поддерживали культурные связи с СССР, регулируемые межгосударственными договорами, соглашениями и планами культурного обмена [11, с. 289].

Уже в 1920-е гг. Советской Республикой были установлены культурные связи с рядом зарубежных государств. В марте 1921 г. в Москве был подписан Советско-Турецкий Договор о дружбе и братстве. Аналогичные соглашения были заключены с Ираном и Афганистаном. К началу 1925 г. Советский Союз имел дипломатические отношения уже с 21 страной мира, что открыло возможности для установления политических, экономических, культурных и научных контактов с ними. В 60-70-е гг. СССР были заключены соглашения и договоры с 57 странами мира, среди которых страны Центральной Азии [12, с. 22-24]. Содержание договоров и соглашений о культурном сотрудничестве были обусловлены суверенитетом каждой из сторон, равенством и невмешательством во внутренние дела друг друга. Стороны, обязывались осуществлять взаимный обмен опытом и достижениями в области воспитания, образования, науки искусства и т.д., путем направления делегаций и отдельных лиц, обмена информацией и документацией культурного, научного, воспитательного характера, а также путем обмена выставками, концертами, и другими художественными мероприятиями.

Для активизации культурных и научных связей Советского Союза с зарубежными странами 7 апреля 1925 г. было создано Всероссийское общество культурных связей с заграницей (ВОКС). В его уставе говорилось, что общество должно стремиться сотрудничать в установлении, а также развитии научных и культурных связей между учреждениями, общественными организациями и деятелями науки и культуры СССР с заграницей [13, с. 25].

Важной заслугой международной культурной политики стала организация Обществ Дружбы. В 1960-1980-е гг. сеть Обществ Дружбы постоянно расширялась и тем самым укреплялись связи с зарубежными странами. Основной идеей Обществ Дружбы была подготовка «общественного мнения» по вопросам интернациональной культурной политики и духовное сближение народов стран-партнеров. ССОД (Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами) стал крупнейшей массовой общественной организацией, объединяющей различные общества дружбы, профессиональные ассоциации, секции деятелей науки и культуры, молодежные организации, представителей советских городов, осуществляющих связи с зарубежными странами, в том числе с государствами Центральной Азии. Благодаря деятельности этих организаций развивались международные связи в области изобразительного искусства, литературы, театрального, музыкального и киноискусства, народного образования и науки. Это способствовало установлению дружественных связей и контактов представителей общественности, укреплению взаимопонимания и доверия между странами.

Особое место в культурной политике СССР занимали вопросы образования и обучения граждан из стран социалистического содружества. Все директивы правительства РСФСР по проблеме просвещения народов нерусского языка сводились к основным мероприятиям, направленным на усиление темпов роста сети культурно-просветительских учреждений, улучшение работы по подготовке национальных кадров и повышение их квалификации, усиление работы по изданию литературы на национальных языках и т.д. Первоначально было принято решение об усиленной подготовке педагогического персонала. В связи с этим

началось форсированное образование курсов повышения квалификации для национальных кадров, педагогических техникумов и национальных отделений в вузах. В докладной записке наркома просвещения А.С. Бубнова и председателя наркомнаца А.Р. Рахимбаева Совнаркому РСФСР о работе по просвещению нерусскоязычных народов с 1925 по 1929 гг., указано, что в этот период созданы 15 национальных отделений, где обучаются 634 студента. Продвижение национальной молодежи в вузы проводится путем целого ряда мероприятий, как в отношении комплектования специальных отделений, так и в количественном отношении в общих вузах. Для культурно-отсталых народностей проводится специальная бронировка мест и облегчены условия приема. Статистические данные распределения учащихся из республик в вузах РСФСР на 1927-1928 учебный год свидетельствуют о большом количестве студентов из стран социалистического содружества. Например, в художественных вузах РСФСР в этот период обучалось 3873 студента, из них русских 2616 (что составляет 67,5%), а студентов стран соцсодружества – 1257 (32,5%). Число студентов из стран социалистического лагеря постоянно увеличивалось.

Изначально советское правительство делало акцент на сближении со странами Азии, Африки, Латинской Америки. Деятельность Советского государства по установлению культурных контактов с этими странами была разнообразной и обширной – это помощь в развитии народного образования и науки, подготовка кадров специалистов в различных областях знания, организация связей деятелей культуры и искусства.

В первые годы своего существования Советская Россия, переживая экономические трудности, изъявила готовность помочь ряду стран Востока в подготовке национальных кадров в советских учебных заведениях. В 1922 г. правительство РСФСР заявило о готовности принять на учебу 100 студентов из Турции. В письме Народного Комиссариата иностранных дел РСФСР отмечалось: «Российское правительство предоставляет в распоряжение правительству Великого Национального Собрания Турции сто мест в русских вузах... впоследствии, число мест, оставленных турецким студентам, будет увеличено». В этом же году

советское правительство сообщило иранскому правительству в Москве о том, что в вузах РСФСР, для персидских граждан, желающих в них учиться, предоставлены сто мест. В 1948 г. Правительство РСФСР, предоставило 30 мест для обучения граждан МНР в высших учебных заведениях СССР. В 1950-1960-е годы между СССР и многими странами Азии были заключены соглашения, где советское правительство брало на себя обязательства содействовать развитию сотрудничества в таких областях как высшее образование. Граждане из тридцати одной стран Азии и Африки, среди которых были: Объединенные Арабские Эмираты, Индия, Пакистан, Гвинея, Мали, Эфиопия, Конго (Браззавиль), Сирии и др., получили возможность обучаться в вузах СССР. В 1965 г. в советских вузах обучалось тринадцать тысяч студентов из стран социалистического содружества, в том числе из МНР 3 тыс., Демократической Республики Вьетнам – 2,6 тыс., Болгарии – 1,4 тыс., ГДР – 1,6 тыс., Кубы – 1,2 тыс., Венгрии – 1 тыс. человек и т.д.. Многие специалисты из социалистических стран защитили кандидатские и докторские диссертации [12, с. 22].

Вплоть до 80-х гг. XX в. иностранные граждане, имеющие необходимое образование, принимались на учебу и научную стажировку в высшие и средние специальные советские учебные заведения на основании межправительственных соглашений и планов культурного и научного сотрудничества, а также по просьбам зарубежных правительственных органов. Советские общественные организации по культурным связям с зарубежными странами ежегодно выделяли стипендии, которые получали иностранные студенты. В 60-е годы в трехстах вузах СССР обучались более 24 тыс. иностранных студентов из 130 стран мира. Ежегодно на учебу в советские вузы приезжали до 5 тысяч студентов, стажеров, аспирантов. В 1970-е гг. в вузах СССР и научно-исследовательских центрах прошли подготовку около 80 тысяч граждан социалистических стран [8, с. 45].

Важное место в культурных связях занимало содействие Советского Союза в создании высших и средних специальных учебных заведений в других странах. Так, при помощи СССР построено более 90 различных учебных заведений в развивающихся странах Азии и Африки. СССР обеспечивал их необходимым обо-

рудованием, учебными материалами, направлял профессорско-преподавательские коллективы, издавал литературу на русском и национальных языках. Новые вузы были открыты в Гвинее, Мали, Нигерии, Замбии, Алжире, Афганистане, Индии, Бирме, Камбодже, Индонезии и др. странах [12, с. 161].

Таким образом, культурная политика СССР имела широкие рамки своего проявления. Важным аспектом являлось укрепление содружества и сотрудничества между странами социалистического лагеря, совершенствование всесторонних связей. Малочисленные народы получили возможность развивать свою экономику, науку, культуру, искусство. Культура СССР оказала благотворное воздействие на развитие народов, не знающих письменности и не имеющих своего алфавита, дала основу для формирования национальной литературы, музыки, изобразительного искусства. Культурная политика СССР была направлена на развитие и укрепление международных связей, на сотрудничество со странами социалистического лагеря в сфере образования, что во многом определило пути развития искусства, науки, просвещения многих стран. В процессе культурного преобразования очевиден факт благотворного влияния русской культуры и объективных положительных черт советской культурной политики, на приобщение всех народов социалистического содружества к ценностям мировой культуры. Культура каждой нации развивала лучшие национальные традиции и расширяла свой опыт под воздействием культуры России.

Список использованных источников и литературы

1. Культура и культурология: словарь / гл. ред. А.И. Кравченко. М., 2003.
2. Культурная политика и художественная жизнь / ред. В.С. Жидков. М., 1996.
3. Арнольдов А.И. Культурная политика: реалии и тенденции. М., 2002.
4. Культурная политика России. История и современность. М., 1996.
5. Культурная политика России. История и современность. М., 1998.

6. Культурное строительство в РСФСР. Том III. Доклады и материалы 1941-1945 гг. М., 1989.
7. Лисовский В.Г. Академия художеств. Л., 1982.
8. Червякова Р.И. Исторический опыт развития университетского образования в СССР // Опыт культурного строительства в странах социалистического содружества. Отв. ред. Л.С. Гапоненко. М., 1980, Якубов Ш., 1982.
9. Кузьмин М.С. Деятельность партии и советского государства по развитию международных научных и культурных связей СССР с 1917-1932 г. Л., 1971.
10. Якубов Ш. Взаимообогащение национальных культур в условиях развитого социализма. Ташкент, 1982.
11. Попов К. Культура, гуманизм, мир. // Сб. ст. Проблемы международного культурного сотрудничества/ авт.-сост. Н. Федоренко, М., 1980.
12. Романовский С.К. Международные культурные и научные связи. СССР. М., 1966.
13. Культурное строительство в РСФСР. Том III. Доклады и материалы 1941-1945 гг. М., 1989.

Сведения об авторах:

Нехвядович Лариса Ивановна, доктор искусствоведения, профессор, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» г. Барнаул, Россия, e-mail: lar.nex@yandex.ru

Мелехова Ксения Александровна, кандидат искусствоведения, доцент, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» г. Барнаул, Россия, e-mail: kschut@mail.ru

Е.Ю. Рахматулина

Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический
и природно-ландшафтный музей-заповедник, Усть-Каменогорск (Казахстан)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
В ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ
ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОГО ОБЛАСТНОГО
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ 1986–1987 гг.)**

Аннотация. В статье рассматриваются два направления деятельности Восточно-Казахстанского областного этнографического музея позднесоветского периода: научно-исследовательское и выставочное. Показано, что важную часть научно-исследовательского направления музейной работы составляли полевые экспедиции, в том числе совместные. Значительными достижениями отмечена и выставочная деятельность областного музея, ознаменованная проведением Декад культуры и искусства Союзных Республик. Дается развернутая характеристика и особенность проведения экспедиций и выставочных мероприятий.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, этнографический музей, экспедиции, фольклор, музей под открытым небом, Декады Союзных республик.

E.Yu. Rakhmatulina

East Kazakhstan Regional Architectural-Ethnographic and Natural-Landscape
Museum-Reserve, Ust-Kamenogorsk (Kazakhstan)

**ACTIVITY OF THE ETHNOGRAPHIC MUSEUM IN THE LATE SOVIET
PERIOD (ON THE EXAMPLE OF THE WORK OF THE EAST
KAZAKHSTAN REGIONAL ETHNOGRAPHIC MUSEUM 1986-1987)**

Abstract. The article discusses two areas of activity of the East Kazakhstan Regional Ethnographic Museum of the late Soviet period: research and exhibition. It is shown that an important part of the research direction of the museum work was field

expeditions, including joint ones. Significant achievements were also noted in the exhibition activity of the regional museum, marked by the holding of Decades of Culture and Art of the Union Republics. The detailed characteristics and features of conducting expeditions and exhibition events are given.

Keywords: East Kazakhstan, ethnographic museum, expeditions, folklore, open-air museum, Decades of the Union Republics.

Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник за свою полувековую историю прошел значительный путь развития: от школьного музея из села Бутаково Восточно-Казахстанской области до одного из крупнейших областных музеев Республики Казахстан. Немалый след в истории становления музея оставила советская эпоха, особенно конец 1980-х гг. Современниками данный период характеризуется как исключительно продуктивный, поскольку в это время были заложены основы научной, собирательской деятельности, сотрудниками приобретен богатейший музееведческий опыт в реконструкции культурно-исторического прошлого региона, а также опыт проведения разноплановых этнографических экспедиций и крупных выставочных проектов. Краткий обзор научно-исследовательской и выставочной деятельности Областного этнографического музея конца 1980-х гг. и представляет данный доклад.

Важным научно-исследовательским направлением работы областного музея второй половины 1980-х гг. являлось проведение полевых этнографических экспедиций. Экспедиции широко вошли в практику музейной работы еще в конце 1970-х гг. и приняли разнообразные формы – комплексные, тематические: фольклорно-этнографические либо чисто фольклорные с выездом в отдаленные районы. Безусловно, значимой комплексной экспедицией с точки зрения реализуемых задач, качества проведения и охвата исследуемой территории явилась экспедиция по Катон-Карагайскому району, проводившаяся в два этапа: в сентябре 1986 г. и 7-20 августа 1987 г. Известно, что Катон-Карагайский район Восточного Казахстана не раз становился объектом этнографического изучения крупных научных институтов, достаточно вспомнить знаковую экспедицию Академии наук СССР 1927 г. в район р. Бухтармы, выполненную под руководством ленин-

градских ученых Е.Э. Бломквист и Н.П. Гринковой. Спустя 60 лет уникальная хозяйственно-экономическая и культурная система местного населения опять привлекли внимание ученых. Работа осуществлялась совместно с кафедрой этнографии МГУ им. Ломоносова и проходила в рамках обязательных для студентов экспедиционных практик. В работе комплексной экспедиции приняли участие сотрудники этнографических отделов музея, народной архитектуры, а также сотрудников казахского и русского фольклора, отдела редких книг и рукописей. От МГУ присутствовали: кандидат исторических наук Ю.И. Зверева (начальник экспедиции), профессор Г.Е. Марков, старший научный сотрудник института этнографии К.П. Калиновская, а также студенты III–V курсов и аспиранты. Цель экспедиции – исследование этнических процессов у населения бассейна рек Бухтарма и Белая, т.е. мест расселения старообрядцев «каменщиков», а именно: сбор этнографических данных о семейном и общественном быте, материальной культуре населения, а также вещественных материалов для пополнения фондов. Члены экспедиции работали деревнях: Коробиха, Печи, Черемонька, Усть-Язовая и Белая, Язовая, Фыкалка, Чаловка, Верхнекатунь, Черновая. Участники экспедиции работали по тематическому вопроснику, включавшему ряд тем: история поселения, хозяйственная деятельность, семейные родословные, семейные и общественные праздники, трудовая обрядность, досуг молодежи в прошлом (посиделки, игры, гадания) и настоящем. Изучалась также традиционная пища, особенно обрядовая (толстые шти, горошница, белый кисель, различные виды каш, супов и др.) [1, с. 142]. Маршрут экспедиции 1987 г. пролегал по селам Урыль, Берель, Арчаты, Джамбул, Енбек. Были собраны образцы мебели, домашней утвари, вышивки, одежды, всего в фонды музея поступило около 80 этнографических экспонатов. Рабочей группой было снято свыше десяти катушек черно-белой фотопленки, сделаны магнитные записи уникального фольклорного материала, в том числе казачьего и старообрядческого – песни лирические, военные, шуточные. Анализ материала показал взаимовлияние фольклора двух этногрупп. Собранные документальные материалы вошли в архивы кафедры этнографии исторического факультета МГУ (оригиналы) и в фонды музея (копии). По итогам двух сезонов были составлены подробные отчеты,

этнографами подготовлены сообщения, опубликованные на страницах ведущих научных журналов и сессий [2, с. 69–70; 3, с. 64–65].

Экспедиционный сбор фольклорно-этнографических материалов у населения также проходил с 6 по 15 июля 1987 г. в ходе совместной экспедиции музея с Усть-Каменогорским педагогическим институтом (УКПИ), студентами филологического факультета с посещением сел Глубоковского района, где компактно проживали потомки русского старообрядческого населения, так называемых «поляков»: Черемшанка, Орловка, Зимовье. В результате двухнедельной полевой работы был собран обширный разножанровый материал по фольклору Восточного Казахстана: свадебные, календарные, семейные, обрядовые песни с фонетической транскрипцией говоров, биографическими записями об исполнителях [4, с. 2]. В этом же году состоялся сбор казахского фольклора на территориях Самарского и Курчумского районов в селах Курчум, Дарственное, Куйган, Калгуты, Акчий, Койтас. В результате были собраны легенды и кюи с переложением на ноты. Отметим, что фольклорно-этнографические материалы, полученные в результате экспедиций 1987 г., востребованы и используются в настоящее время в научно-экспозиционной, выставочной и образовательной деятельности музея. Как результат полевой работы, в 1988 г. при музее был создан фольклорный ансамбль «Бастеньки», существующий и сегодня.

В 1987 г. были сделаны первые шаги по изучению объектов народной архитектуры области для строительства будущего музея под открытым небом. Для чего подготовлены карты-схемы Шемонаихинского района, схема улиц с. Черновая, Катон-Карагайского района. Сотрудниками перевезен первый объект народной архитектуры – жилой дом из села Урыль Катон-Карагайского района. Проведена работа по подготовке документов по перевозке других объектов из сел Урыль, Черновая, Коробиха [4, с. 8].

В год 70-летия Октябрьской революции музей осуществил крупный культурный проект под названием «Декады культуры и искусства Союзных республик», ставивший своей целью духовное взаимообогащение народов, развитие принципов толерантности и идей интернационализма. Для решения организационных вопросов сотрудники музея были командированы в города Советского

Союза: в Баку, Ташкент, Вильнюс, Тарту и др. Полный цикл декад завершился в 1988 г. Масштабное мероприятие включало в программу проведение выставок из музеев союзных республик, встреч с представителями культуры, организацию концертов, демонстрацию кинофильмов, проведение выставок книг в библиотеках города, ярмарок, продажу сувениров и печатной продукции. Безусловно, культурно-политический аспект во многом предопределил значимость мероприятия и специфику его проведения, вследствие чего областной музей стал базовой площадкой уникальных для региона выставок из Союзных республик. Декаду культуры РСФСР открывала выставка «Золотая хохлома» из Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника, зрители познакомились с 550 красочными произведениями мастеров села Семино. С большим успехом также прошли выставки: «Светлый лик Киева», «Полесские мотивы» Белорусского музея народной архитектуры и быта из г. Минска, «Золотое сияние Колхиды» Кутаисского государственного музея, выставка Азербайджанского ковра из г. Баку, выставка декоративно-прикладного искусства из Молдавии г. Кишинева, «Традиции Таджикистана», «Ахалтекинское традиционное искусство» из Туркменской ССР, «Вечная юность страны янтаря» из латвийского этнографического музея под открытым небом г. Риги, «Искусство Узбекистана» из г. Ташкента. Выездные выставки представил и областной музей в различных городах Советского Союза: в г. Кызыле Тувинской АССР прошла выставка «Живопись Восточного Казахстана», «Декоративно-прикладное искусство Восточного Казахстана в конце XIX – начале XX вв.» – оформлена в Большом Ливадийском дворце в г. Ялты, выставка икон в филиале музея им. А. Рублева в Филях, выставка в Алма-Ате [5, с. 31]. В результате плодотворной работы в 1987 г. Восточно-Казахстанский областной музей посетило более 102 тыс. человек, проведены сотни экскурсий для детей и рабочих коллективов [4, с. 10].

Краткий обзор деятельности областного музея конца 1980-х гг. показал качественные достижения работы по двум направлениям. На наш взгляд, данное обстоятельство является важным показателем не только достижений конкретного музея, но и общего уровня социальной поддержки, оказываемой советским государством учреждениям культуры изучаемого периода. На частном примере

работы областного музея отчетливо наблюдаются положительные моменты: значительное выделение финансовых средств, наличие общего культурного пространства Советского Союза, позволявшего прямое взаимодействие между субъектами культуры и, следовательно, способствовавшее проведению уникальных проектов, и, наконец, одной и важнейших особенностей периода являлось развитие идей интернационализма, способствовавших укреплению духа созидания и братского взаимоуважения всех народов страны.

Список использованных источников и литературы

1. Бочарова Т.П., Зверева Ю.И. Коротко об экспедициях // Советская этнография. 1987. № 6. С. 141–143.
2. Калиновская К.П., Марков Г.Е. Алтайский ареал казахского нomaдизма // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований, 1986–1987 гг.: тез. докл. Сухуми, 1988. С.69-70.
3. Зверева Ю.И. Этнические процессы у населения Восточного Казахстана в прошлом и настоящем // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований, 1986–1987 гг.: тез. докл. Сухуми, 1988. С. 64–65.
4. Отчет о работе этнографического музея за 1987 г. (рус. яз.) // Архив Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника. 1987. 15 с.
5. Музей, открытый миру. Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник. Караганда: Литера, 2014. 507 с.

Сведения об авторе: *Рахматулина Евгения Юрьевна*, кандидат исторических наук, заместитель директора по экспозиционно-выставочной работе Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника (Усть-Каменогорск, Республика Казахстан), e-mail: kalina200778@mail.ru

Р.И. Гузаеров

Отдел Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН, Москва (Россия)

ТЕАТР ИМ. Г. КАМАЛА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация. Театр является неотъемлемой частью культуры народов. Становление татарского театра началось в начале XX в. Основную стадию развития театр прошел в советское время, пережил тяжелые времена, менял названия, здания, стили. Однако несмотря на все затруднения, театр им. Галиаскара Камала заслужил всеобщее уважение и встал в ряд ведущих национальных театров страны.

Ключевые слова: театр им. Г. Камала, татарский театр, национальная политика, татарская культура, К. Тинчурин, М. Салимжанов.

R.I. Guzaerov

Junior researcher, Department of the Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences

G. KAMAL THEATER IN THE SOVIET PERIOD

Abstract. Theater is an integral part of the culture of peoples. The formation of the Tatar theater began at the beginning of the XX century. The theater passed the main stage of development in Soviet times. The theater went through hard times, changed names, buildings, styles. However, despite all the difficulties, the theater named after him. Galiaskara Kamala earned universal respect and became one of the leading national theaters of the country.

Keywords: G. Kamal Theater, Tatar theater, national politics, Tatar culture, K. Tinchurin, M. Salimzhanov.

«Театр – это место,
где толпа превращается в народ,
а народ – в нацию»

Т. Манн

Датой появления татарского театра считается 1906 г., до 1920 г. основной формой деятельности театра была антреприза. Указом Наркома просвещения ТАССР в 1920 г. была создана Первая государственная татарская драматическая труппа. В театр пришли актеры из уже существовавших обществ Нур, Ширкат и др. В 1921 г. театр открылся в здании Купеческого клуба представлением Ф. Бурнаша. С 1922 г. название театра сменили на «Первый государственный показательный драматический театр имени Красного Октября». Первым руководителем театра стал К. Тинчурин [1].

После этого название театра многократно менялось современное название – Татарский государственный академический театр им. Г. Камала – было присвоено в 1939 г., а в здание, в котором театр располагается и по сей день, переехал в 1986 г.

Изначально основу постановок составляли произведения Ф. Амирхана, Г. Исхаки, Г. Камала и др. Примечательно, что эти авторы были сторонниками подъема самосознания татар и раскрывали острые проблемы нации. Театр формировался в рамках реалистичных представлений на сцене, отображая реальность в полном виде с ее положительными и негативными сторонами [2, с. 266-269].

По 1920-1930 гг. состав зрителей театра значительно меняется. Если до революции театр был местом сбора интеллигенции, то с этого момента зрителем становится простой люд, необязательно обладающий грамотой. Особую популярность среди зрителя завоевывает постановка «Голубая шаль» К. Тинчурина, которая ставится и в наши дни и является символом татарского театра [1].

Репрессии в 1930-х гг. оставляют след в истории театра. Погибают известные представители татарского театра (Ф. Бурнаш, К. Тинчурин), другие подвергаются репрессиям (Г. Ильясов), а некоторые покидают Казань (Г. Исмагилов).

Это приводит к тому, что на сцене татарского театра начинают преобладать зарубежные и русские пьесы, переведенные на татарский язык.

В годы Великой Отечественной войны многие актеры труппы уходят на фронт. Часть сотрудников театра увольняют, а в его здании делают госпиталь. В репертуаре театра остаются патриотические постановки о храбрости советских солдат, истинном лице врага и т.д., среди которых «Парень нашего города» К. Симонова, «Таймасовцы» Т. Гыйззата, «Марьям» Н. Исанбета и т.д. [3, с. 111–120].

В это время, пребывая в эвакуации, в театре начинает работу режиссер В. Бебутов. Время руководства В. Бебутова стало важным этапом для национального театра и помогло ему освоить достижения мировой культуры. Под руководством режиссера были поставлены спектакли «Собака на сене» Л. Де Вега, «Гроза» А.Н. Островского, «Король Лир» В. Шекспира. А работа под руководством такого режиссера помогло местным постановщикам К.З. Тумашевой и Х.Ю. Салимжанову повысить свое мастерство для дальнейшей работы в театре [4, с. 101–110].

В послевоенный период, несмотря на приезд группы выпускников ГИТИСа в Казань, часть из которых в будущем стали известными режиссерами (Р. Бикчантаев), театр переживает тяжелые времена. Интерес к нему значительно снижается. В театре устанавливается бесконфликтная драматургия, что негативно сказалось как на качестве постановок и актерской игре труппы, так и на интересе зрителей.

Во времена Н. Хрущева театр начинает жить по-новому. Были реабилитированы К. Тинчурин, Ф. Бурнаш и их постановки снова вернулись на сцену театра. На сцене начали появляться новые имена. Однако московские критики, которые посетили театр в 1965 г., оставили негативный отзыв, особо подчеркнув устаревший репертуар и манеру поведения актеров, отсутствие какой-либо внятной художественной политики [5].

С приходом М. Салимжанова на пост главного режиссера в 1966 г. начинается новая эпоха в развитии театра. В это время там уже работали выпускники татарской студии училища им. М. Щепкина, а пьесы писали Т. Миннуллин,

Р. Батулла, ставшие одними из символов татарской художественной культуры. Репертуар театра пополняется спектаклями «Миркай и Айсылу», «Угасшие звезды», «Бесприданница» и др. Именно эти постановки стали новой вехой для жизни театра в Казани и вывели его на новый уровень [5].

За время существования театра сложился большой репертуар из национальных произведений. Театр им. Г. Камала стал одним из центров сохранения и развития культуры татар в советское время и остается им же и по наши дни. Благодаря политике поддержки национальных культур СССР татарская интеллигенция не только создала этот театр, но и смогла сохранить его в тяжелые времена. По сей день театр им. Г. Камала является одним из любимейших мест жителей Республики.

Список использованных источников и литературы

1. История // Татарский государственный академический театр им. Г. Камала. [Электронный ресурс]. URL: <https://kamalteatr.ru/about-theatre/history/> (дата обращения: 04.05.2022)
2. Арсланов М.Г. Татарская драматическая студия // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2014. №3-4.
3. Салихова А.Р. Татар театрынын усеш этаплары // Фэнни Татарстан. 2016. № 4.
4. Арсланов М.Г. Русская и зарубежная классика на сцене театра им. Г. Камала в годы Великой отечественной войны // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2015. № 3–4.
5. Татарский государственный академический театр им. Г. Камала // Tatarica Татарская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/kultura/iskusstvo/teatr/uchrezhdeniya/tatarskij-akademicheskij-teatr> (дата обращения: 05.05.2022)

Сведения об авторе: *Гузаеров Разиль Илиатович*, младший научный сотрудник, Отдел Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН, Москва, Россия, e-mail: guzaerov99@bk.ru

Н.А. Тадина

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск (Россия)

**ОБ ИЗМЕНЕНИИ ЭТНОЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ
СОВЕТСКИХ АЛТАЙЦЕВ**

Аннотация. В целях интеграции алтайцев в советское общество был взят курс на проведение этноязыковой политики. Для создания этнокультурного дискурса южноалтайский диалект стал литературным алтайским языком. Школьная реформа перевода на русский язык преподавания, затем сокращение национальных школ в неперспективных селах вели к депопуляции этнических групп и утрате престижа алтайского языка. Практика советского интегрирования показала, что у алтайцев выработался способ жизни на двух уровнях культуры: один – родной, считающийся отсталым, второй – современный, прогрессивный.

Ключевые слова: алтайцы, советский период, этноязыковое сознание, процессы ассимиляции, метод этнографического наблюдения.

N.A. Tadina

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai (Russia)

**ON THE CHANGE IN THE ETHNO-LINGUISTIC CONSCIOUSNESS
OF THE SOVIET ALTAIANS**

Abstract. An ethno-linguistic policy was aimed at Altaians' integration into Soviet society. To create an ethnocultural discourse, the South Altai dialect became the literary Altai language. The school reform consisting of teaching translated into Russian and the following national school reduction in unpromising villages led to the ethnic groups' depopulation and the loss of the prestige by the Altai language. The practice of Soviet integration showed that Altaians developed a way of life on two cultural levels: one is native, considered backward, the other is modern, progressive.

Keywords: Altaians, Soviet period, ethno-linguistic consciousness, assimilation processes, ethnographic observation method.

Проблема того, как люди различного этнического происхождения, а порою разных этнотерриториальных групп могут мирно и творчески жить в рамках единого общества, становится одним из жизненно важных вопросов, с которым сталкивается государство. Оформлению устойчивой территориальной, экономической и культурной общности народов, проживающих на территории Горного Алтая, способствовало провозглашение государственного образования в 1922 г. Ойротской, а в 1948 г. – Горно-Алтайской автономной области. В нынешнем 2022 г., когда отмечается столетие советской государственности в Горном Алтае, можно в очередной раз осмыслить способы интегрирования алтайцев в советское общество. В досоветский период, ставший первым этапом модернизации традиционного общества алтайцев, российская администрация стремилась отменить родовую систему и изменить родовое сознание алтайцев. Советская модернизация же сделала ставку на другой этнодифференцирующий признак и главный идентификационный маркер – на алтайский язык, и шла путем изменения языкового сознания алтайцев [1, с. 90].

В этнический состав алтайцев входят южные (алтай-кижи и теленгиты) и северные (тубалары, челканцы, кумандинцы) этнотерриториальные группы. Языки северных и южных алтайцев относятся к разным языковым группам восточной ветви тюркских языков: южные диалекты – к киргизско-кыпчакской группе, а северные – к уйгуро-огузской группе [2, с. 18-20]. В досоветский период основным письменным языком Алтайской духовной миссии был избран язык телеутов, считавшийся одним из южноалтайских диалектов. К тому же телеуты, как и большинство северных алтайцев, первыми в Горном Алтае приняли православие. После образования Ойротской автономной области в основу алтайского литературного языка был положен диалект алтай-кижи, носители которого в основном проживают в пяти районах – Онгудайском, Усть-Канском, Усть-Коксинском, Шебалинском и Чемальском. На алтайском языке издавались советские периодические издания и художественная литература, велось радио-, а позже – телевидение [3].

В школах моноэтнических алтайских сел алтайский язык являлся языком обучения. В 1958 г. была введена реформа школы, к которой остается неоднозначное отношение в этнической среде алтайцев. Старшее поколение помнит о том, что до 1960-х гг. в школах алтайских сел преподавание предметов начальных классов, например арифметики, велось на алтайском языке. После реформы повсеместно преподавание было официально переведено с национального языка на русский, кроме алтайского языка и литературы. В смешанных русско-алтайских селах билингвизм алтайцев стал заменяться русскоязычием [4, с. 25]. В начале 1970-х гг. развернулась политика сокращения национальных школ, местное руководство предлагало расформировать единственную национальную школу в г. Горно-Алтайске, о которой сегодня говорят как о «кузнице» кадров для региона. В постсоветское время станет актуальным говорить о том, что преподавание диалектно отличающегося алтайского литературного языка северным алтайцам в школах с русским языком обучения ведет к утрате родного языка кумандинцами, тубаларами, челканцами. Кроме того, этническое меньшинство пострадало в результате советской политики ликвидации «неперспективных» деревень. Это одна из сторон депопуляции северных алтайцев подтверждается данными постсоветской общероссийской переписи 2002 г., которой было впервые подсчитано, что тубаларов – 1,5 тыс. человек, челканцев – 830, кумандинцев – 931 человек [5, с. 13]. Северные алтайцы почти полностью ассимилированы в русскоязычной среде проживания в предгорной, северной части Горного Алтая.

Практика интегрирования в советское общество показала, что у южных и северных алтайцев выработался способ адаптации к сложившимся условиям – жить как бы на двух уровнях культуры: один уровень – свой родной, привычный и понятный, который официально считался отсталым, второй – новый, современный, считающийся прогрессивным. Ими был перенят более «совершенный» образ жизни, заключавшийся в ношении европейской одежды, употреблении продуктов огородничества, переходе в стандартные жилища. При домах находились хозяйственные постройки для скота, а если позволял климат, то огороды и сады. Описанные нововведения в жизни алтайцев свидетельствуют о том, что соседство с русскими наложило заметный отпечаток на быт. Согласно советской идеологии

большие культурные различия русских и алтайцев привели к тому, что культура алтайцев была воспринята как «неразвитая», стоящая на «докультурной» ступени развития. Общесоветские стандарты на уровне массового сознания воспринимались с этнической окраской как присущие русской культуре [1, с. 90].

Стереотип восприятия русского этноса как «носителя социального прогресса» окончательно сложился в советское время. В глазах алтайцев советская власть означала превосходство русского народа как государствообразующего этноса. Обычно русские люди имели редкие специальности инженера, конструктора, летчика, врача, учителя и пр. Все достижения индустриальной страны считались успехом советского народа, а значит, русского. В силу этого в советский период отшлифовался ответный стереотип, утвердившийся в сознании не только русских, но и алтайцев – некая убежденность в невысоких деловых качествах и низком культурном уровне алтайцев, как и других сибирских малочисленных народов [1, с. 91].

В таких условиях социалистического общежития каждый стремился жить «как все» и не быть изгоем. Неслучайно этническая идентификация алтайцев базировалась не на положительных ценностях, а на отрицательных переживаниях своей «отсталой» традиционной культуры. Официальным запретам сопутствовало внутреннее отталкивание от так называемых «пережитков», к ним относились родовая принадлежность, обычаи и традиции, национальная одежда и жилище. В относительно недавнее время порицался переход в общении с русского языка на родной. Характерной чертой этноязыкового поведения стало то, что в присутствии хотя бы одного русскоязычного «неприлично говорить на своем языке», дескать «могут говорить непристойности о нем, а он вашего языка не понимает». Данный ментальный концепт прочно укоренился в сознании алтайцев, сохранивших стереотип «этнической второсортности».

Доминантная русскоязычная культура воспринимается представителями этнических меньшинств как более престижная, ведь русский язык доминирует во всех сферах жизни. Такую позицию можно объяснить тем, что в смешанных селах распространен русский язык, который обладает большим престижем, являясь государственным языком, он ближе стоит к культуре современной цивили-

зации, кроме того, выступает языком межэтнического общения. Незнание русского языка алтайцами становилось поводом для насмешек и издевок. Тот, кто говорил на нем с акцентом приравнялся к «необразованным и отсталым». Обрусевшие алтайцы стеснялись звучания родного языка, особенно в общественных местах. Престижным считалось знать русский язык, на котором говорить с акцентом означало быть неграмотным.

В городе и крупных селах, особенно в райцентрах, обычно звучит русский язык. Алтайцы, живущие в русско-алтайских селах, чаще не владеют родным языком, либо понимают, но не говорят, либо говорят на разговорном уровне. По факту проживания в смешанных селах они считаются обрусевшими, а также прозваны «*туба*», что означает «этнический маргинал». Следует отметить, что среди обрусевших алтайцев встречаются «пассивно ассимилированные», стремящиеся овладеть родным языком, сохранить этническую принадлежность, погрузиться в алтайскую среду, заключив брак с владеющими алтайским языком. И, наоборот, в алтайских селах поддерживается мнение об отсталости культуры алтайцев, обычно потомками учителей, врачей и других образованных людей, продвигавших советскую модернизацию. Их отличает критическое отношение к распространению алтайских имен, они не ставят айыл в своем дворе, склонны к нарушению обычая родовой экзогамии, заключению этнически смешанных браков, а потомки могут и не понимать родной язык.

Наблюдаемый спад престижа алтайского языка можно объяснить объективным процессом распространения русского языка как государственного в сфере обучения, сервиса, посредством кино, мультфильмов и пр. Другая сторона проблемы заключается в субъективном выборе русского языка как ресурса социального продвижения и адаптации в современном русскоязычном обществе. Для обрусевших алтайцев характерно не двуязычие, а русскоязычный монолингвизм: русский язык становится родным. В результате обрусевший как «неправильный» из алтайцев испытывает чувство промежуточного состояния, находясь между двумя этносами, не принимающими его. Русскими – как человека другого этнического происхождения, иной внешности, хотя и говорящего лишь по-русски. Ал-

тайцами – как человека, не говорящего на родном языке и поэтому не отвечающего главному критерию этнической принадлежности – знанию родного языка.

В советской этнографической школе ряд положений основывался на эволюционно-историческом понимании этничности. Для научных понятий были найдены алтайские эквиваленты: «сёок» это род, считавшийся пережитком. В категорию «племя» вошли группы северных и южных алтайцев. Эволюционный процесс должен был привести к распаду «родовых и племенных групп» и объединению их в «народность» [6]. Создание этнокультурного дискурса было бы невозможным без общего языка, каким явился южноалтайский язык. В рамках примордиальной концепции этнотерриториальные группы были признаны единым народом – алтайцами. Вследствие того, что в перспективе все народы страны сольются в единую общность, стало не важным знать родной язык.

В народной памяти сохраняются воспоминания о русских, свободно говоривших на алтайском языке, вследствие того что длительное время, особенно в годы войны и послевоенные годы, они жили в алтайских селах. До сих пор есть такие русские люди и в каждом районе их наберется около десяти. Считается, что русские, выросшие среди алтайцев и оттого свободно говорящие на алтайском языке, с пониманием относятся к алтайцам – в этом заключается очередное проявление этнической ментальности в этноязыковом сознании.

Список использованных источников и литературы

1. Тадина Н.А. О трех этапах модернизации родового общества алтайцев // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 28. С. 88–97.
2. Информация об Алтайском языке // Е-Транс. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-trans.ru/languages/about.php?n=69>
3. Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение. М.: Наука, 1981. 136 с.
4. Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. «Тюрки по языку, финно-угры по облику»: об этнокультурном дискурсе северных алтайцев в Республике Алтай // Уче-

ные записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2013. № 1 (130). С. 23-27.

5. Национальный состав населения по Республике Алтай: стат. сборник / Алтайстат. Горно-Алтайск, 2005. Т. 2. 111 с.

6. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 418 с.

Сведения об авторе: *Тадина Надежда Алексеевна*, Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Россия, e-mail: ntadina@yandex.ru

Л.И. Нехвядович¹, А.Р. Хазбулатов², Ж.Н. Шайгозова³

¹Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

²Казахский научно-исследовательский институт культуры, Алматы (Казахстан)

³Казахский национальный педагогический университет им. Абая,
Алматы (Казахстан)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИДЕИ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ЛИЧНОСТИ В СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ РЕСПУБЛИК

Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, госзадание по проекту «Тюркский мир "Большого Алтая": единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

Аннотация. В статье рассматриваются подходы, сложившиеся в педагогике, к формированию поликультурной личности. Анализируемая школьная дисциплина – это изобразительное искусство. Авторы приходят к выводу, что будущий учитель должен владеть технологией конструирования содержания учебного материала с позиций разных культур; уметь вести и направлять диалог культур на уроках изобразительного искусства, как фактора, способствующего, с од-

ной стороны, духовному обогащению и развитию личности ребенка, формированию навыков межнационального общения, и с другой, как фактора, способствующего обогащению и усвоению содержания художественного предмета.

Ключевые слова: педагогика, поликультурная личность, школа, Центральная Азия.

L.I. Nekhvyadovich¹, A.R. Khazbulatov², J.N. Shaigozova³

¹Altai State University, Barnaul (Russia)

²Kazakh Research Institute of Culture, Almaty (Kazakhstan)

³Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty (Kazakhstan)

THE PEDAGOGICAL POTENTIAL OF THE IDEA OF A MULTICULTURAL PERSONALITY IN THE SOVIET SCHOOL ON THE TERRITORY OF THE CENTRAL ASIAN REPUBLICS

Abstract. The article discusses the approaches that have developed in pedagogy to the formation of a multicultural personality. The analyzed school discipline is fine art. The authors come to the conclusion that a future teacher should possess the technology of constructing the content of educational material from the positions of different cultures; to be able to conduct and direct the dialogue of cultures in the lessons of fine arts, as a factor contributing, on the one hand, to the spiritual enrichment and development of the child's personality, the formation of interethnic communication skills, and on the other, as a factor contributing to the enrichment and assimilation of the content of an artistic subject.

Keywords: pedagogy, multicultural personality, school, Central Asia.

Введение в содержание учебных предметов различных аспектов национальной, народной культуры по художественным специальностям – дело для педагогов не новое. Среди них использованию национальных традиций в подготовке учителя изобразительного искусства посвящено исследование О.М. Батча-

ева [1]; подготовке учителя труда средствами традиционных ремесел татарского народа – Л.Г. Ахметова [2]; на основе народных промыслов – А.П. Гапбарова [3]; по профилю местных художественных промыслов – А.А. Сарбагышева [4]; народное декоративно-прикладное искусство в системе профессиональной подготовки учителя – Т.Я. Шпикаловой [5], Г.А. Поровской [6], Т.А. Давидовой [7], Ю.К. Беджанова [8] и другие.

В этом аспекте выделяются труды В.С. Кузина [9]. В них автор указывает на необходимость знаний исторического развития и теоретических основ искусства рисунка, живописи, архитектуры в контексте мировой, отечественной, региональной и этнонациональной культуры будущими учителями изобразительного искусства.

Значительны для нашего исследования труды Б.М. Неменского. В них автор указывает на возможности учебного предмета «Изобразительное искусство» в формировании элементов поликультурной личности. В частности, Б.М. Неменский отмечает: «...с одной стороны, необходимо привязать ребенка всеми его чувствами, эмоциями к древу культуры его народа, с другой стороны, можно и нужно на материале искусства формировать богатое чувство красоты и чувство уважения к культуре иных народов» [10, с. 155].

Для нашего исследования также значимы труды Т.Я. Шпикаловой и Н.М. Сокольниковой, в которых разработаны теоретические и научно-методические основы повышения роли русского народного декоративно-прикладного и изобразительного искусства для формирования у детей национального самосознания и творческих способностей [11; 12].

Интересной для нашего исследования представляется работа З.И. Гладких [13]. Исследователь отмечает, что принципы родного языка, включение ребенка в родную этнокультурную традицию приобретают все большее значение в преподавании предметов образовательной области «Искусство». Решение проблемы приобщения современных школьников к народной культуре обуславливает необходимость разработки содержания и технологий педагогического образования на этнокультурной основе [13, с. 11].

В работе О.Л. Моревой рассматривается использование этнопедагогического потенциала народной художественной культуры на занятиях изобразительного искусства, целью которых является формирование носителя национальной культуры, способного воспроизводить, развивать и передавать культуру. По мнению автора, этнопедагогизация содержания занятий по изобразительному искусству включает в себя два компонента – этнический и педагогический. Этнический компонент характеризуется изучением культуры и искусства конкретного народа через сравнение и нахождение связей, отличий с культурами и искусством других народов, через диалог «регионально-этнический» (по горизонтали) и «историко-эволюционный» (по вертикали). Педагогический компонент обеспечивает целостный подход к обучению, адекватный народным традициям, учет индивидуальных и возрастных особенностей детей, их потребностей и интересов, создание условий для их творческого развития и самовыражения [14]. Сказанное означает, что первый компонент позволяет организовать глубокое усвоение детьми народного искусства через проникновение в природу и законы народного искусства, а второй позволяет учитывать в воспитательно-образовательном процессе личностные потребности школьников, их возрастные особенности.

Развитию этнокультурных образовательных технологий в подготовке специалистов художественно-творческого профиля посвящено исследование К.А. Строкова. В данном исследовании обосновывается и практически реализуется концепция этнокультурного образования специалистов художественно-творческого профиля с учетом специфики Республики Казахстан. По мнению автора, современная модель художественно-творческой подготовки специалистов в вузе искусства должна отражать исторические и национально-культурные традиции народов Республики Казахстан [15]. Следовательно, подчеркивается необходимость подготовки специалистов художественно-творческого, художественно-педагогического профиля с учетом национально-культурных традиций.

Использованию материалов казахского народного декоративно-прикладного искусства в учебно-воспитательном процессе школы и вуза посвящено не-

мало исследований, среди них работы К.Ж. Амиргазина, Ж.Ш. Балкенова, М.Ж. Козыбакова, А.О. Камакова [16, 17, 18, 19].

Анализ работ, посвященных интеграции художественного образования с этнопедагогикой, народной культурой, народным искусством, позволяет сделать следующий вывод: уроки изобразительного искусства обладают большим потенциалом для формирования поликультурной личности школьника. Однако необходима подготовка будущего учителя изобразительного искусства, адекватная проблеме формирования поликультурной личности школьника.

Разработка проблемы формирования многокультурной, мультикультурной, поликультурной личности наиболее полно рассматривается в трудах зарубежных исследователей. Среди них – концепция поликультурного (Д. Бэнкс и др.) и межкультурного образования (Д. Хупс, П. Бателаан и др.).

Целью концепции Д. Бэнкса является развитие межкультурной компетентности учащихся. Содержание поликультурного образования составляет усвоение совокупности специфических ценностей, которыми обладает каждая культура, и, отсюда, оно естественно поддерживает этнический плюрализм [20]. Основной целью концепции Д. Хупса является подготовка учащихся к жизни в глобально-зависимом и культурно-плюралистическом мире. Автор считает, что познание иной культуры должно начинаться с самопознания.

Краткий анализ обозначенных концепций показывает, что в содержании художественного образования, направленного на формирование поликультурной личности, должны быть освещены аспекты, способствующие сохранению этнической идентичности и становлению межкультурной компетентности учащихся.

Изучение трудов казахстанских и российских исследователей поликультурного образования (Ж.Ж. Наурызбая, А.Н. Джуриного, М.Н. Кузьмина, З.Б. Цаллаговой и других) позволило нам составить атлас характеристик поликультурной личности (см. табл.). Наиболее актуальными являются: уважение культур и традиций разных народов, потребность в своей национальной культуре и языке, понимание диалога культур как высшей формы общения, утонченные чувства, тяга к прекрасному, художественный вкус, умение разбираться

в произведениях искусства, уважение к иным культурам, способность к конструктивному диалогу.

Атлас характеристик поликультурной личности в трудах исследователей этнокультурного и поликультурного образования

Автор	Элементы поликультурной личности
М.Л. Воловикова	<p>Открытость</p> <p>Способность к диалогу с любым новым порождением реальности</p> <p>Психокультурная адаптивность</p> <p>Толерантность к культурным различиям</p> <p>Готовность узнать больше о другой культуре и ее носителях</p> <p>Межкультурный посредник</p>
Г.В. Дмитриев	<p>Толерантность</p> <p>Понимание и принятие иной культуры</p> <p>Уважение культуры и утверждение культурных различий</p> <p>Понимание необходимости изучения языков</p> <p>Поддержание идей религиозного плюрализма</p>
А.Н. Джуринский	<p>Знание особенностей собеседника на этническом уровне</p> <p>Уважение к иным культурам</p> <p>Восприятие ценностей различных культур</p> <p>Способность к конструктивному диалогу</p>
Ж.Ж. Наурызбай	<p>Потребность в своей национальной культуре и языке</p> <p>Желание идентифицировать себя со своим народом</p> <p>Многомерная, духовно развитая личность, ценящая и знающая национальную и мировую культуру</p> <p>Ощущение личной причастности к культуре народа</p> <p>Развитое воображение, утонченные чувства, тяга к прекрасному, способность ценить красоту, художественный вкус, умение разбираться в произведениях искусства</p>
З.Б. Цаллагова	<p>Приверженность к солидарности, уважение культур и традиций разных народов</p> <p>Личность, для которой гармония и мир – очень важные ценности, понимает взаимосвязь этнических культур умеет мыслить аналитически, сопоставляя категории «частного» и «общего», «этнического» и «межэтнического»</p> <p>Видит в непохожести культур достоинство, а в диалоге культур – высшую форму истины более высокого порядка</p>

Исходя из анализа характеристик и определения понятия «поликультурной личности», видно, что в ее основу положена психолого-педагогическая мысль, раскрывающая идею воспитания личности на фоне ее этнической идентификации, и через нее стремящейся к идентификации с ценностями мировой культуры. Данное положение позволило нам определить основные этапы формирования поликультурной личности школьника. Они выражаются в освоении этнической идентичности (этнокультурной идентичности) и идентификации с ценностями мировой культуры.

Под термином «этническая идентичность» в современной науке понимается психологическая категория личности, которая характеризуется осознанием своей принадлежности к определенному этносу. Так, согласно Т.Г. Стефаненко, этническая идентичность – составная часть социальной идентичности личности, психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности [21, с. 206]. Она применима как к отдельной личности, так и социальной группе. По мнению Ж.Ж. Наурызбая, этнокультурная идентичность (этническая идентичность) складывается в результате знания истории, культуры, верности сложившимся духовным ценностям, почитания национальных героев [22, с. 140].

Этнокультурная идентичность – это заданность для свободного самоопределения и самореализации. Это состояние взаимосвязи этноса и культуры, при котором сохраняется определенная дистанция между ними, но этнос сохраняет, бережет, развивает, творит свою культуру. И именно в школьном возрасте процесс формирования этнокультурной идентичности становится актуальным, так как «чем меньше школьник, тем больше он открыт для передачи ему национальной и универсальной культуры» [22, с. 140]. Сказанное означает, что процесс формирования этнокультурной или этнической идентичности личности на уроках изобразительного искусства актуален уже в начальной школе.

Теперь следует определиться с интеграцией задач учебного предмета «Изобразительное искусство» и поликультурного образования. Основными задачами предмета «изобразительное искусство» в свете нового проекта государ-

ственного стандарта Российской Федерации являются: воспитание художественной культуры школьников, формирование устойчивого интереса к искусству, развитие художественного вкуса, творческих способностей, овладение знаниями об искусстве и особенностях его воздействия на человека, приобретение художественно-творческой компетентности и формирование продуктивного творческого мышления [23].

В законе «Об образовании», программах по изобразительному искусству обозначена необходимость изучения национальной культуры. Введение в содержание учебного предмета национальной культуры направлено на решение двух основных задач: 1) познание «своей» культуры, ее устойчивых элементов: традиций, норм общения, национальных особенностей восприятия и отражения мира в произведениях художественной культуры; 2) интерес и стремление узнать и понять своеобразие «иной» культуры...» [24, с. 43]. Эти две задачи способствуют решению главной задачи поликультурного образования – воспитанию поликультурной личности школьника.

Таким образом, формирование поликультурной личности школьника посредством учебного предмета «изобразительное искусство», выражается в усвоении (познании) специфики «своей» национальной культуры: образно-эмоционального восприятия мира этносом, отраженного в произведениях национальной художественной культуры и стремлении вникнуть и понять «строение и внутренние особенности другой культуры», обогащаясь ее содержанием.

Так как названные теоретические положения адресованы учителю, то из них вытекает ряд первоначальных элементов его профессиональной подготовки:

- овладение содержанием художественного образования, как основа культурной самоидентификации личности; развитие и формирование национального самосознания школьников в сочетании с пониманием места и роли своего народа, своей страны в развитии мировой культуры;
- сохранение, воспроизведение, распространение и развитие национальной художественной культуры;

- знание истории становления и развития национальной художественной культуры;
- умение проводить уроки восприятия национального искусства;
- овладение практическими умениями по созданию художественных произведений в области основных видов народного искусства;
- знание специфики различных национальных художественных культур, характеризующееся как межкультурная компетентность будущего учителя изобразительного искусства.

Новый подход к подготовке художников-педагогов с учетом этно- и поликультурного компонента ставит в ряд актуальных задач задачу целенаправленного формирования межкультурной компетенции учителя. Межкультурная компетенция учителя в современном понимании трактуется как способность грамотно «строить», вести и направлять диалог культур. Этот термин учеными (М.С. Колесникова, К.С. Кричевская) обоснован в контексте подготовки учителя иностранного языка, как специалиста не только по иноязычной, но и своей собственной, национальной культуре и родному языку. Если исходить из данных модификаций, то этот аспект актуален и в процессе подготовки учителя изобразительного искусства как специалиста, способного организовать процесс обучения и воспитания школьников посредством национальной художественной культуры. Исходя из определения понятия поликультурной личности – «индивид, направленный через свою культуру на другие», – можно утверждать, что знание специфики разнообразных национальных культур, рассматриваемой нами в контексте межкультурной компетентности, необходимо будущему учителю изобразительного искусства.

Межкультурная компетенция формируется только при учете, как минимум, двух перспектив и реализуется на их пересечении. Однако при этом она не ограничивается констатацией существующих различий, например, в немецкой и русской культуре, а обязательно предполагает развитие способности вести диалог, воспитание толерантности к иным взглядам на жизнь, к иному человеческому опыту, иным нормам и культурным представлениям, причем не только интер-,

но и интракультурного уровня [25, с. 16]. Сказанное означает, что процесс подготовки учителя изобразительного искусства к формированию поликультурной личности школьника должен быть представлен содержанием двух или более этнокультур. При этом содержание этнокультур представляется не только как факт существования многообразия языков искусства разных народов, но как факт, способствующий пониманию и принятию другой культуры, другого искусства.

Таким образом, с позиции теории межкультурной компетентности, будущий учитель должен владеть технологией конструирования содержания учебного материала с позиций разных культур; уметь вести и направлять диалог культур на уроках изобразительного искусства; строить учебный материал, направленный на изучение всего многообразия культур как фактора, способствующего, с одной стороны, духовному обогащению и развитию личности ребенка, формированию навыков межнационального общения, и с другой, – как фактора, способствующего обогащению и усвоению содержания художественного предмета. Тем самым учитель изобразительного искусства в данном аспекте видится нам как посредник между художественными культурами различных народов, организатор межкультурного «общения» посредством искусства.

Итак, теоретический анализ психолого-педагогической и методической литературы по проблемам формирования поликультурной личности дает основание для выводов:

- поликультурная личность является новым педагогическим ориентиром;
- элементы национальной культуры уже включены в содержание профессиональной подготовки учителя изобразительного искусства, однако не проведено специальное исследование по подготовке к реализации проблемы формирования поликультурной личности средствами художественных дисциплин;
- необходимо разработать содержание и методику изучения этнокультурного и поликультурного компонента в рамках учебного предмета «изобразительное искусство»;
- наиболее актуальными характеристиками поликультурной личности являются: потребность в своей национальной культуре и языке; уважение куль-

тур и традиций других народов, и от него к позитивно-ценностному отношению к культурным различиям; открытость для конструктивного диалога; поддержка идеи религиозного плюрализма; понимание необходимости изучения различных языков;

- в поликультурном воспитании «укорененность» в «национальном» имеет первостепенное значение, т.е. поликультурное развитие в первой ступени предполагает формирование этнического (национального) самосознания школьника;

- этапами формирования поликультурной личности являются этническая идентификация и идентификация с общечеловеческой культурой;

- в подготовке будущего учителя изобразительного искусства к формированию поликультурной личности школьника необходим учет некоторых аспектов теории межкультурной компетентности и теории этнической идентичности;

- в нашем исследовании мы считаем целесообразным использование термина «формирование поликультурной личности», так как рассматриваем эту проблему в рамках одной учебной дисциплины.

Список использованных источников и литературы

1. Батчаев О.М. Использование национальных традиций в подготовке учителя изобразительного искусства: автореф. ... к.п.н. Ярославль, 1996. 17 с.

2. Ахметов Л.Г. Подготовка учителя труда к обучению и воспитанию сельских школьников средствами традиционных ремесел татарского народа: автореф. ... к.п.н. Казань, 1996. 16 с.

3. Гапбаров А.П. Подготовка студентов педвуза к трудовому обучению на основе народных промыслов: автореф. ... к.п.н. Чарджоу, 1996. 17 с.

4. Сарбагышев А.А. Методика подготовки учителей-художников по профилю местных художественных промыслов: автореф...к.п.н. М., 1985. 11 с.

5. Шпикалова Т.Я. Модель непрерывного художественно-образовательной системы преподавания народного искусства «школа – учреждения дополнительного образования – колледж – вуз» // Народная художественная культура

и образование: тез. докладов Всероссийский научно-практический конференции. Шуя, 1996. С. 3-10.

6. Поровская Г.А. Народное декоративно-прикладное искусство в системе профессиональной подготовки учителей начальных классов педагогических вузов: автореф. ... к.п.н. М., 1990. 16 с.

7. Давидова Т.А. Структура содержания и методика преподавания народного декоративно-прикладного искусства при подготовке студентов: автореф. ... к.п.н. М., 1986. 16 с.

8. Беджанов Ю.К. Народное декоративно-прикладное искусство: учебное пособие. Карачаевск: Изд-во К.-Ч. пед. института. 1994. 100 с.

9. Кузин В.С. Психология живописи: учебное пособие. М.: Оникс 21 век, 2005. 304 с.

10. Неменский Б.М. Мудрость красоты: о проблемах эстетического воспитания. М.: Просвещение, 1987. 253 с.

11. Шпикалова Т.Я. Возвращение к истокам. Народное искусство и детское творчество. М.: Владос. 2000. 272 с.

12. Сокольникова Н.М. Изобразительное искусство и методика его преподавания в начальной школе: рисунок, живопись, народное искусство, декоративное искусство, дизайн: учебное пособие. М.: Академия, 2003. 368 с.

13. Гладких З.И. Национальный образ мира и художественное образование // Искусство и образование. 2004. № 1. С. 11-23.

14. Морева О.Л. Этнопедагогизация процесса полихудожественного воспитания младших школьников: автореф. ... канд. пед. наук. М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2000. 18 с.

15. Строков К.А. Научно-практические аспекты регионального этнокультурного образования: учебное пособие. Тамбов: Изд-во ТОИПКРО, 2004. 60 с.

16. Амиргазин К.Ж. Художественная обработка кожи и меха (содержание и методика обучения в кружках общеобразовательных школ КазССР): автореф. ... к.п.н., М., 1984. 17 с.

17. Балкенов Ж.Ш. Традиции народного творчества в системе навыков изобразительной деятельности младших школьников: автореф. ... к.п.н. М., 1987. 17 с.

18. Козыбаков М.Ж. Проблемы профессионально-методической подготовки учителя художественного труда: монография. Алматы: Рауан, 1996. 323 с.

19. Қамақ Ә.Ө. Бейнелеу өнері пәнінде жас ұрпақтың көркемдік мәдени мұраларды игеру сапасын жақсарту мәселелері // Хабаршы «Көркемөнерден білім беру: өнер – теориясы - әдістемесі». № 2 (5). 2004. С. 62–65.

20. Banks J. Cultural Diversity and Education: Foundations, Curriculum and Teaching. Boston, MA: Allyn and Bacon, 2001.

21. Стефаненко Т.Г. Социальная и этническая идентичность // Идентичность: хрестоматия. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. 272 с.

22. Наурызбай Ж.Ж. Этнокультурное образование. Алматы, 1997. 140 с.

23. Программы общеобразовательных учреждений: Художественная культура народов России: 5-8 классы; Русская художественная культура: 10–11 классы. М.: Просвещение. 2002. 45 с.

24. Ивахнова Л.А. Методологические основы конструирования содержания учебного предмета: учебное пособие. Алматы: АГУ им. Абая, 1998. 90 с.

25. Колесникова М.С., Кричевская К.С. Региональный компонент и межкультурная компетенция в подготовке и повышении квалификации учителей немецкого языка // Ярославский педагогический вестник. 1996. № 2. С. 16–21.

Сведения об авторах:

Нехвядович Лариса Ивановна, доктор искусствоведения, профессор, директор Института гуманитарных наук (Россия, Барнаул), e-mail: lar.nex@yandex.ru

Хазбулатов Александр Равильевич, доктор философии PhD, профессор, генеральный директор КазНИИК, (Казахстан, Алматы), e-mail: alexandrrav@mail.ru

Шайгозова Жанерке Наурызбаевна, кандидат педагогических наук, ассоциированный профессор КазНПУ им. Абая (Казахстан, Алматы), e-mail: zanna_73@mail.ru

Г.К. Гусейнова

Бакинский государственный университет, Баку (Азербайджан)

ТЮРКОЛОГИЯ В ПЕРИОД СССР: ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Аннотация. Тюркология является совокупностью научных гуманитарных дисциплин, изучающих языки, литературу, историю, фольклор, религию и т.д. тюркских и народов в прошлом и настоящем. Первый Всесоюзный тюркологический съезд сыграл важную роль в истории развития тюркологии в СССР. В развитие тюркологии в период Советского Союза большой вклад внесли такие ученые тюркского мира, как Б.В. Чобан-заде, Х.С. Ходжаев, Г. Губайдуллин, А. Байтурсинов, М.Ш. Ширалиев, Ф. Зейналов и т.д.

Ключевые слова: тюркология, тюркологи, тюркологический съезд, тюркские народы, тюркские, ученые тюркского мира.

G.K. Huseynova

Baku State University, Baku (Azerbaijan)

TURKOLOGY IN THE PERIOD OF THE USSR: THE MAIN ACHIEVEMENTS

Abstract. Turkology is a set of scientific humanitarian disciplines that study the languages, literature, history, folklore, religion, etc. of the Turkic and peoples in the past and present. Such scientists of the Turkic world as B.V. Choban-zade, Kh.S. Khodjaev, G. Gubaydullin, A. Baitursynov, M.Sh. Shiraliev, F. Zeynalov, etc. made a great contribution to the development of Turkology in the period of the Soviet Union.

Keywords: Turkology, Turkologists, Turkological Congress, Turkic peoples, Turkic, scientists of the Turkic world.

В 1926 г. в столице Азербайджана, городе Баку состоялся Первый тюркологический съезд, где принимали участие видные ученые из тюркоязычных республик и областей Советского Союза. Этот съезд стал первым в мире тюрколо-

гическим съездом. На нем с докладами выступили выдающиеся ученые В. Бартольд, М.Ф. Кёпрюлю-Заде, Б.В. Чобан-заде и т.д.

Известный языковед, тюрколог Халид-Саид Ходжаев был одним из организаторов Первого тюркологического съезда. Халид-Саид Ходжаев является автором многочисленных работ по стилистике, синтаксису и грамматике тюркских языков. Он внес весомый вклад в тюркологию, а именно впервые перевел на азербайджанский язык словарь «Диван-лугат-ат-Турк» Махмуда аль-Кашгари, написал большое количество работ по тюркскому языкознанию («Сравнительная грамматика турецкого, узбекского и казахского языков», «Теория стилистики» и т.д.), считая важным выявить общие черты и различия между тюркскими языками [1, с. 112].

Наряду с Халид-Саид Ходжаевым инициатором и организатором съезда был крымско-татарский ученый-тюрколог Бекир Чобан-заде, затронувший в ходе выступления вопрос о родстве тюркских наречий и предложивший создать общую научную терминологию. Бекир Чобан-заде, являясь основоположником крымскотатарского и азербайджанского научного языкознания, сыграл важную роль в развитии филологии многих тюркских народов. Он написал множество работ, посвященных изучению различных проблем тюркских языков и литератур («Тюрко-татарская диалектология», «Методика преподавания татарского языка и литературы»).

Бекир Чобан-заде в свое время был профессором кафедры азербайджанского языка и литературы, а также деканом восточного факультета Бакинского государственного университета. Он имел весьма тесное сотрудничество с известным татарским писателем, историком Газизом Губайдуллиным. Бакинские годы жизни обоих ученых считаются периодом расцвета их творческой деятельности [2]. Выдающийся тюрколог Газиз Губайдуллин интересовался вопросами общетюркской истории и культуры. Большую часть своих научных исследований он посвятил истории и литературе татарского народа («История татар», «История татарской литературы», «История классов у татар» и т.д.). Его работы издавались на русском, татарском, тюркском и узбекском языках [3, с. 298–300].

Среди видных тюркологов того периода был казахский просветитель, основоположник казахской лингвистики и литературоведения Ахмет Байтурсынов.

Он был известным литератором, педагогом, лингвистом. Ахмет Байтурсынов реформировал казахскую письменность на основе арабской графики, дав возможность пользоваться ею миллионам казахов, живущим за границей. Ученый внес большой вклад в развитие не только казахского языка, но и других тюркских языков. Будучи участником Первого тюркологического съезда, Ахмет Байтурсынов выступил с докладом об орфографии [4, с. 220].

В 1950-е гг. в области тюркологии были видны оживления. По инициативе Академии наук СССР и научных центров СССР проводились региональные совещания по диалектологии тюркских языков, способствующие налаживанию взаимной связи между учеными-диалектологами тюркоязычных республик. I совещание состоялось в Баку в 1956 г. и Президиумом Академии наук Азербайджанской ССР было принято решение издавать общетюркологический сборник «Вопросы диалектологии тюркских языков». Одним из членов редакционной коллегии издания был азербайджанский тюрколог, лингвист, аспирант Бекира Чобан-заде, акад. Мамедага Ширалиев, внесший весомый вклад в развитие тюркологии в период СССР. Он был в должности главного редактора журнала «Советская тюркология» с 1970 по 1987 г. М. Ширалиева, являющегося автором таких известных работ, как «Основы азербайджанской диалектологии», «Бакинский диалект», принято считать основателем школы азербайджанской диалектологии [5, с. 191–192].

Исследование истории тюркских языков входило в круг научных интересов еще одного видного представителя Азербайджанской тюркологии XX века – профессора Фархада Зейналова. Работа выдающегося азербайджанского тюрколога «Основы тюркологии» была первой инициативой на уровне СССР. В 1966 г. Ф. Зейналов защитил докторскую работу под названием «Вспомогательные части речи в тюркских языках». Его главной заслугой считается создание в 1969 г. в Азербайджанском государственном университете кафедры тюркологии [6, с. 136-138].

В 1973 г. при Отделении литературы и языка Академии наук СССР с целью совершенствования координации научных исследований в области тюркологии был организован Советский комитет тюркологов, правопреемником которого является Российский комитет тюркологов. Комитет был создан из числа ученых,

занимающихся научной деятельностью в области тюркологии, председателем был избран советский языковед-тюрколог А.Н. Кононов. Деятельность комитета была направлена на усиление сотрудничества с тюркологами зарубежных стран и объединение ученых-тюркологов. Под руководством комитета проводились научные конференции. Российский тюрколог Д.М. Насилов справедливо отмечает, что «в рамках бывшего СССР сложилось устойчивое общее тюркологическое научное пространство и деятельность Советского комитета тюркологов, а также издание журнала «Советская тюркология» способствовали идейному объединению тюркологов» [7, с. 1178].

Список использованных источников и литературы

1. Cəlal Qasimov, Xalid Səid Xocayev, Bakı-Şirvanəşr. 2021. 320 səh.c 112.
2. Мир Бекира Чобан-заде // Сборник материалов I Крымской международной тюркологической конференции. Белогорск (Карасубазар) 23–25 мая 2012 г. / Сост.: А. Р. Эмиров – Симферополь: НАТА, 2013. – 256 с.
3. Газиз Гобайдуллин: Фһнни-биографик кыентык = Газиз Губайдуллин: научно-биографический сборник. Казан: Рухият, 2002. 336 б.
4. Первый Всесоюзный Тюркологический Съезд, Баку, 2011. «Нагыл Еви».
5. Вопросы диалектологии тюркских языков: материалы Второго регионального совещания по диалектологии тюркских языков, состоявшегося 11–15 ноября 1958 года в г. Казани. Казань: Казанский филиал АН СССР, 1960. 204 с.
6. Türkologiya”, Beynəlxalq elmi jurnal. № 2. Bakı, 2019.
7. Насилов Д.М. Российская тюркология наших дней: к смене научных парадигм. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ayk.gov.tr/wp-content/uploads/2015/>

Сведения об авторе: *Гусейнова Гезаль Кярам кызы*, докторант, должность, Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан, e-mail: gozel.huseynova.1995@mail.ru

Ж.О. Омурова, Т. Калыбекова

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына,
Бишкек (Кыргызстан)

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КЫРГЫЗСТАНА С РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ

Исследование выполнено в рамках государственного задания Алтайского государственного университета, проект № 748715Ф.99.1.ББ97АА00002
«Тюрко-монгольский мир “Большого Алтая”: единство и многообразие
в истории и современности»

Аннотация. В данной статье дается краткий анализ научно-образовательной интеграции Кыргызской Республики с Российской Федерацией. Распад СССР и дальнейшее обретение суверенности обозначило новый этап взаимоотношений, которые были подкреплены подписанием договоров и соглашений. Сегодня на просторах ЕАЭС Россия считается одним из образовательных центров. В настоящий момент Россия успешно реализует научные и образовательные проекты, направленные на Центральную Азию, в том числе и на Кыргызскую Республику. Научно-образовательный центр алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» как международное сообщество является примером одного из эффективных проектов имплементации инноваций в области науки и образования, которая стала фундаментом для кооперации и интеграции сотрудничества между государствами.

Ключевые слова: Кыргызстан, Россия, интеграция, ЕАЭС, наука, образование.

J.O. Omurova, T. Kalybekova

Kyrgyz National University named after J. Balasagyna (Bishkek, Kyrgyzstan)

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL INTEGRATION OF KYRGYZSTAN WITH THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. This article provides a brief analysis of the scientific and educational integration of the Kyrgyz Republic with the Russian Federation. The collapse of the USSR and the further acquisition of sovereignty marked a new stage in relations, which were reinforced by the signing of treaties and agreements. Today, in the EAEU, Russia is considered one of the educational centers. At the moment, Russia is successfully implementing scientific and educational projects aimed at Central Asia, including the Kyrgyz Republic. The Scientific and Educational Center for Altaic and Turkic Studies "Great Altai" - as an international community, is an example of one of the effective projects for the implementation of innovations in the field of science and education, which has become the foundation for cooperation and integration of cooperation between states.

Keywords: Kyrgyzstan, Russia, integration, EAEU, science, education.

Вопросы образования являются одними из основных в модернизации страны, тогда как наука есть постоянное развитие совокупности результатов интеллектуальной работы, получаемых в рамках научных областей или направлений. Развитие образования и науки страны гарантирует перспективы для своего народа. Налаживание кооперации Кыргызской Республики (КР) и Российской Федерации (РФ) в научной и просветительских сферах определяется общими историческими связями и широкой распространённостью русского языка, и сходством менталитета стран-государств бывшего СССР. В настоящее время в Кыргызстане проводится политика по укреплению государственного кыргызского языка, но при этом русский язык остается официальным языком КР. Это является один из факторов, которые способствуют интеграционным процессам.

В свою очередь, история КР тесно связана с историческими событиями РФ. Тем более если речь идет о прошлом веке. В период становления системы образования в России именно она была просветительским центром, занимающимся просвещением стран СССР, в состав которого входила Кыргызстан. В 1989 г. была создана Ассоциация университетов СССР, в 1992 году она была реорганизована в Евразийскую ассоциацию университетов, которая действует по сей день. Однако действия ограничиваются проведением встреч, различных заседаний, на которые собираются представители вузов-членов [1]. Встречи, в свою очередь, ограничиваются обсуждением узкого круга вопросов по определенному направлению. Оба государства в первые годы после развала СССР переживали сложный период, что никак не способствовало развитию научно-образовательных связей. Были и другие проблемы, выходящие за рамки образования – буквально рассыпавшаяся в прах экономика и граждане в экономическом кризисе.

Но при этом остались страны Содружества Независимых Государств (СНГ), где ожидалось дальнейшее сотрудничество в области образования. Считалось, что, подписав соглашение, страны бывшего СССР продолжат сотрудничество в вопросах образования и вместе создадут и имплементируют единый (общий) образовательный ареал Содружества [2]. Советская система высшего образования сохранялась и использовалась Министерством образования КР до первого десятилетия XXI в. Затем на смену ей пришла Болонская система, которая предполагает кредитный процесс во время обучения, смягчает сроки контрольных этапов, а также разделяет обучение на программы бакалавриата и магистратуры.

Договоренность в области дружбы, сотрудничества и взаимной помощи, которая была подписана в 1992 г. главами двух стран, заложила дипломатические рамки в начале сотрудничества в сфере образования. 29 марта 1996 г. между правительствами РФ и КР состоялась церемония подписания «Соглашение между правительствами РФ и КР о сотрудничестве в сфере высшего образования» [3]. 1997 год был ознаменован утверждением «Соглашения о сотрудничестве в формировании единого (общего) образовательного пространства СНГ». Спра-

ведливости ради нужно сказать, что хотя и существовали вышеупомянутые соглашения, реального сотрудничества не было, так как сотрудничество существовало только на бумаге.

Для устранения де-юре моментов и установления более тесного сотрудничества в 2008 г. запускается новый проект «Сетевой университет СНГ», который был нацелен на повышение уровня кооперации между вузами. Мероприятия по реализации проекта предусматривали создание методик упрощения академической мобильности студентов и ППС в рамках СНГ [4]. В рамках данного проекта были разработаны и имплементируются совместные магистерские программы во многих столичных и региональных вузах РФ и КР. К 2003 г. Минобрнауки России выпустило постановление о том, что прием иностранных студентов в российские вузы должен основываться на принципе социальной поддержки граждан бывшего СССР, у которых могут возникнуть трудности с получением образования. При этом российские власти обязали принимать граждан государств-участников СНГ и соотечественников на тех же условиях, что и граждан России [5].

Также в 2010 г. в Москве был основан Фонд «Евразийцы – Новая волна». Фонд основными своими задачами считает следующие: укрепление исторических, культурных, научных и образовательных связей между РФ и КР; проведение исследований, переводов и публикаций в области социальных наук и культуры; поддержка освещения в национальных СМИ развития и установления двусторонних межгосударственных отношений между РФ и КР [6].

Безусловно, интеграция – это длительный и трудоемкий процесс. Вопрос о том, сколько времени потребуется на гармонизацию образовательных стандартов, остается открытым. В то же время усиливается тенденция сотрудничества государств-членов ЕАЭС в области науки и образования. Яркий пример – это возросшее в последние годы количество студентов стран ЕАЭС в вузах России. Итак, проанализируем эту тенденцию на примере студентов из Кыргызстана, получающих высшее профессиональное образование на территории РФ. В 2000–2001 гг. около 1200 студентов из Кыргызстана обучались в государственных ву-

зах России. В 2005–2006 гг. их количество составляло 825 человек, в 2014–2015 учебном году количество кыргызских студентов в российских вузах увеличилось до 3665 студентов, а в 2015–2016 гг. – до 4755 студентов, в 2021 г. в российские вузы поступило около 8000 студентов из Кыргызстана [7]. Это говорит о том, что количество кыргызских студентов в государственных вузах России за последние 20 лет увеличилось почти в 6,5 раза.

В настоящее время РФ проводит активную научную и образовательную политику в Центральной Азии и Кыргызстане, включающую в себя некоторые виды центров, фондов русского языка и культуры, а также научно-исследовательские проекты и т.д. Один из них – научный и образовательный проект, который осуществляется в Алтайском государственном университете с 2019 г., поддерживаемый Министерством науки и высшего образования Российской Федерации.

В сотрудничестве с учеными из Центральной Азии, Китайской Народной Республики и Монголии и др. Алтайский государственный университет (Барнаул) и Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск) исследуют историческое и культурное богатство цивилизации тюрков в русле в рамках масштабного комплексного Международного проекта «Турецко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность» [8].

Целью масштабного международного проекта является интегрирование ученых из различных стран Центральной Азии и Большого Алтая, обследование исторического и культурного наследия цивилизаций тюрков и монголов, выстраивание перспективных целей макрорегиона, которые основаны на культурной и исторической общности славян, тюрков и монголов. Одним из компонентов международного проекта алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» является Научно-образовательный центр (НОЦ), объединивший ученых, исследователей, экспертов из разных стран, которые изучают быт, культуру, историю и т.д. тюрков, алтайцев, монголов и др. [9].

Международные проектные группы разрабатывают учебные программы, методики обучения, направленные на подготовку высококвалифицированных кадров, которые ориентированы в своей профессиональной деятельности на идеи общности исторического корня, культурно-цивилизационных ценностей, вербальной и этнической общности рода, экономического и хозяйственного сотрудничества, IT-технологий, а также предотвращение общей угрозы безопасности (борьба против распространяющейся религиозной и национальной экстремисткой и пантюркистской идеологии, искажения интерпретаций событий общей истории).

Таким образом, констатируем, что КР и Россия давно сотрудничают в существующей сфере науки и образования, которая является малой частью международной масштабной работы. В настоящий момент один из перспективных интеграционных сотрудничеств в науке и образовании – НОЦ «Большой Алтай», являющийся платформой при взаимодействии и партнерстве различных центров и ведущих вузов РФ и ЦА. Именно поэтому в условиях нынешних процессов интернационализации исследования вопросов этнополитического характера в тюрко-монгольском мире и тюркской и алтайской цивилизации важно как в научном и теоретическом, так и в практическом плане, что способствует созданию общих экономических, культурных и гуманитарных предпосылок мирного сосуществования в Евразии.

Список использованных источников и литературы

1. Евразийская ассоциация университетов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eau-msu.ru/about>
2. Соглашение о сотрудничестве по формированию единого (общего) образовательного пространства СНГ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=7552>
3. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о сотрудничестве в области высшего образо-

вания. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-290/47674

4. Сетевой Университет СНГ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ido.rudn.ru/su_sng/spravka_17_06_11.html

5. Тойвонен Н.Р. Развитие системы федеральных ресурсных центров. Есть ли место подвигу? [Электронный ресурс]. URL: <http://docplayer.ru/43538859-Razvitie-sistemy-federalnyh-resursnyh-centrov.html>

6. Официальный портал фонда «Евразийцы – новая волна». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.enw-fond.ru/>

7. Около восьми тысяч кыргызстанских студентов учатся в вузах России. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.sputnik.kg/20210909/kyrgyzstan-rossiya-obrazovanie-university-1053845372>. (дата обращения: 16.12.2021).

8. Международный алтаистический форум «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность». [Электронный ресурс]. URL: <https://tigpi.ru/pervyj-mezhdunarodnyj-altaisticheskij-forum-turko-mongolskij-mir-bolshogo-altaya-istoriko-kulturnoe-nasledie-i-sovremennost/>

9. Научно-образовательный центр алтаистики и тюркологии «Большой Алтай». [Электронный ресурс]. URL: <https://bolshoy-altay.asu.ru/>

Сведения об авторах:

Омурова Жамыйкат Орозбековна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой регионоведения и кыргызоведения, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан, e-mail: jamyikat2012@gmail.com

Калыбекова Тинатин, магистрант кафедры регионоведения и кыргызоведения факультета истории и регионоведения КНУ им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан

ИТОГОВАЯ РЕЗОЛЮЦИЯ

26–27 мая 2022 г. на базе Научно-образовательного центра алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» Алтайского государственного университета (г. Барнаул) состоялась Международная научная конференция «Социально-экономические и культурные аспекты взаимодействия славянских и тюркских народов СССР: итоги, перспективы», посвященная 100-летию образования СССР.

Соорганизаторами конференции выступали Министерство науки и высшего образования РФ, Россотрудничество, Российское историческое общество, Фонд В.А. Шаманова «Защитники Отечества», Ассамблея народов Евразии, Ассоциация азиатских университетов, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына.

Целью конференции являлось осмысление положительного опыта национальной политики СССР, решений, которые отрицательно влияли на развитие межэтнического диалога народов СССР. Организаторы конференции уделили особое внимание анализу исторического опыта взаимодействия славянских и тюркских народов советской Центральной Азии, практик их межэтнической коммуникации в экономической, социальной, культурной сферах; оценке перспектив использования позитивного опыта национальной политики СССР в современных условиях.

В работе конференции приняли участие более 80 исследователей из шести стран Ближнего зарубежья: России, Казахстана, Кыргызстана, Азербайджана, Белоруссии, Узбекистана. В первый день конференции, 26 мая, 2022 г., состоялось пленарное заседание, на котором было заслушано 9 докладов. Во второй день работы конференции, 27 мая 2022 г., была организована работа 6 секций. Материалы конференции будут изданы отдельным сборником.

По итогам Международной конференции участники единодушно отметили:

1. СССР представлял собой уникальную страновую модель единства и взаимодействия различных народов и наций, в результате которой была сформирована новая духовная общность «советский народ» на принципах коллективизма

и «культуры сотрудничества». Именно эта духовная «советская общность» спасла весь мир от глобальной катастрофы победы нацизма во Второй мировой войне.

2. В период СССР в результате внутривосточных событий и экономических реформ усилились миграционные потоки славянских этносов в республики советской Центральной Азии. К концу советского периода они составляли почти четверть населения региона. Дружественные и равноправные отношения славянских, тюркских и других народов позволяли продуктивно решать задачи народно-хозяйственного развития республик, укрепляли советскую идентичность. Именно исторический опыт славяно-тюркского взаимодействия периода СССР может способствовать укреплению межгосударственных отношений России и Республик Центральной Азии на современном этапе.

3. Образование СССР в 1922 г. оказало колоссальное влияние на ход мировой истории, всколыхнуло созидательную инициативу многих народов, прежде всего в вопросах национально-государственного строительства. Полученный ими опыт используется и сегодня, в процессах развития современных государств постсоветского пространства.

4. Позитивный опыт взаимоотношений и взаимодействия, накопленный народами СССР, и сегодня выступает важным аспектом развития межгосударственных отношений на постсоветском, прежде всего евразийском, пространстве. В силу значимости позитивного опыта межнациональных отношений народов СССР, возникает необходимость его обсуждения научным и экспертным сообществом стран постсоветского пространства.

5. НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» АлтГУ, реализовавший в рамках проекта «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» Международную научную конференцию «Социально-экономические и культурные аспекты взаимодействия славянских и тюркских народов СССР: итоги, перспективы», выступает мощной интеграционной площадкой тюркологического научно-образовательного сообщества стран Большого Алтая и Центральной Азии, способной и дальше реализовывать масштабные и глобальные проекты.

Научное издание

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ
АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛАВЯНСКИХ
И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ СССР: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

*Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной
100-летию образования СССР*

26–27 мая 2022 г.

Редактирование и подготовка оригинал-макета *С.И. Тесленко*

Оформление обложки *Ю.В. Луценко*

ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 20.12.2022. Дата выхода в свет 28.12.2022.

Формат 60x84 / 16. Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 16,9

Тираж 300 экз. Заказ № 650

Издательство Алтайского государственного университета

Типография Алтайского государственного университета:

656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66